

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Лингвистика

- Новоженова З. Л.** Глагольное предложение: прагматика vs. семантика, прагматика vs. грамматика 5
- Викторова Е. Ю.** Дискурсивные слова: единство в многообразии 10
- Акульшина О. А.** Коммуникативная категория категоричности и близкие ей коммуникативные категории 15
- Тупикова С. Е.** Модусная категория тональности и языковые способы ее реализации в публицистическом дискурсе 20
- Матяшевская А. И.** Сниженная лексика в газетных текстах как проявление общей тенденции к демократизации речи в СМИ 25
- Родионова Т. В.** Структурно-функциональные особенности лексико-семантического поля «болезнь» в разговорном дискурсе (на материале спонтанной неофициальной разговорной речи медиков) 30
- Леонова Е. В.** Когнитивный механизм интериоризации в дневниковом дискурсе 34

Литературоведение

- Павлова С. Ю.** Частная жизнь в «Мемуарах» герцога Ларошфуко 39
- Кислина М. С.** «Старинный русский барин» Троекуров и «старинный дворянин» Андрей Дубровский в вариантах автографа романа Пушкина «Дубровский» 43
- Трухина М. В.** Мотивы гармонии и разлада в русских пословично-поговорочных текстах 47
- Завьялова Е. Е.** О чертах характера гоголевских героев 51
- Волоконская Т. А.** Мотив пристального взгляда в петербургском цикле Н. В. Гоголя 57
- Рясов Д. Л.** Немецкая тема в поэме Н. В. Гоголя «Мёртвые души» 61
- Захаров К. М.** К фабуле драматической сатиры М. Е. Салтыкова-Щедрина «Тени». Интрига Шалимова 65
- Тимашова О. В. А. Ф.** Писемский и журнал «Отечественные записки» о проблемах цензуры 68
- Силашина М. А.** Забытый биограф В. Г. Белинского 71
- Скафтымова Л. А.** А. П. Чехов и С. В. Рахманинов: некоторые параллели 76
- Захаров К. М.** «Шарлотта – знак вопроса». Игра и судьба Шарлотты Ивановны 80
- Дронова Т. И.** Исторический дискурс: объем понятия (к вопросу о жанровой специфике исторического романа) 83
- Шеленок М. А.** Водевиль И. Ильфа и Е. Петрова «Вице-король»: поэтика жанра 89
- Григорьева К. А.** «Детство» Дж. М. Кутзее как эксперимент с формой автобиографии 93

Журналистика

- Соловьёва М. М.** Писатель и социалистическое строительство (по материалам «Литературной газеты» 1930-х годов) 100
- Кравчук Т. Ю.** Дискурс политической оппозиции в президентской предвыборной кампании 2012 года (на примере публикаций «Новой газеты») 105
- Костенко Е. В.** Копирайтинг и рерайтинг в сетевых СМИ – новые виды журналистики? 110

Приложения

- Хроника** 114

- Сведения об авторах** 120

Решением Президиума ВАК
Министерства образования и науки РФ
журнал включен в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов и
изданий, в которых рекомендуется
публикация основных результатов
диссертационных исследований
на соискание ученой степени
доктора и кандидата наук

Зарегистрировано
в Министерстве Российской
Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № 77-1185 от 30 января 2001 года

Индекс издания по каталогу
ОАО Агентства «Роспечать» 36011,
раздел 15 «История. Филология»
Журнал выходит 4 раза в год

Заведующий редакцией
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Трубникова Татьяна Александровна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Степанова Наталия Ивановна

Верстка
Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор
Ковалева Наталия Владимировна

Корректор
Гаврина Марина Владимировна

Адрес редакции:
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Издательство Саратовского
университета
Тел.: (845-2) 52-26-89, 52-26-85

Подписано в печать 20.03.14.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 14,18 (15,25).
Тираж 500 экз. Заказ 7.

Отпечатано в типографии
Издательства Саратовского
университета

© Саратовский государственный
университет, 2014

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи по направлениям: Лингвистика, Литературоведение, Журналистика, а также материалы в разделы Представляем книгу и Хроника (научной жизни). Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – от 0,5 до 1 п.л. (8–16 стр.).

Статья должна содержать аннотацию (до 5 строк), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <http://bonjour.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы:

- текст статьи в электронном виде;
- сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты;
- внешнюю по отношению к автору рецензию, заверенную печатью организации, в которой работает рецензент.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию и в случае положительного отзыва – научному и контрольному редактированию. С правилами рецензирования можно ознакомиться по адресу: <http://bonjour.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегия серии в электронном виде по адресу: iiyu@mail.ru. Оригинал рецензии и договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Институт филологии и журналистики, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Филология. Журналистика».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: <http://bonjour.sgu.ru/>

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

CONTENTS

Scientific Part

Linguistics

- Nowożenowa Z. L.** Verbal Sentence: Pragmatics vs. Semantics, Pragmatics vs. Grammar 5
- Viktorova E. Yu.** Discursive Words: Uniformity in Diversity 10
- Akulshina O. A.** Communicative Notion of Categoricalness and Similar Communicative Categories 15
- Tupikova S. E.** Modus Category of Tonality and Methods of its Realization in Journalistic Discourse 20
- Matyashevskaya A. I.** Usage of Substandard Vocabulary in Printed Mass Media as a Result of the General Trend Towards Conversationalization of Media Discourse 25
- Rodionova T. V.** Structural and Functional Peculiarities of the Lexical-Semantic Field «Disease» in Conversational Discourse (on the Material of Spontaneous Informal Speech of Physicians) 30
- Leonova E. V.** Cognitive Mechanism of Internalization in the Diary Discourse 34

Literary Criticism

- Pavlova S. Yu.** Private Life in the *Memoires* by Duke La Rochefoucauld 39
- Kislina M. S.** An «Old-time Russian Master» Troyekurov and an «Old-time Nobleman» Andrei Dubrovsky in the Variants of Pushkin's Autograph of the Novel *Dubrovsky* 43
- Trukhina M. V.** Motives of Harmony and Discord in Russian Proverbs and Sayings 47
- Zavyalova E. E.** On Gogol's Heroes' Swearing Mentioning the Devil 51
- Volokonskaya T. A.** Motive of the Steadfast Gaze in N. V. Gogol's Petersburg Stories 57
- Ryasov D. L.** German Theme in N. V. Gogol's Poem *Dead Souls* 61
- Zakharov K. M.** To the Storyline of M. Saltykov-Shchedrin's Dramatic Satire *Shadows*. Shalimov's Intrigue 65
- Timashova O. V.** A. F. Pisemsky and the Journal *Otechestvenniye Zapiski* (Homeland Notes) on Censorship Issues 68
- Silashina M. A.** Forgotten Biographer of V. G. Belinsky 71
- Skaftymova L. A.** A. P. Chekhov and S. V. Rakhmaninov: Some Parallels 76
- Zakharov K. M.** «Sharlotta – a Question Mark». The Play and the Fate of Sharlotta Ivanovna 80
- Dronova T. I.** Historiosophic Discourse: the Scope of the Notion (to the Question of the Historiosophy Novel Genre) 83
- Shelenok M. A.** Vaudeville *Vice-King* by I. Ilf and Ye. Petrov: Genre Poetics 89
- Grigoryeva K. A.** J. M. Coetzee's *Boyhood* as an Experiment in Autobiography 93

Journalism

- Solovyeva M. M.** Writer and Socialist Construction (based on *Literarnaya Gazeta* of the 1930s) 100
- Kravchuk T. Yu.** Discourse of Political Opposition in Presidential Elections Campaign of 2012 (on the example of *Novaya Gazeta* (New Newspaper) publications) 105
- Kostenko E. V.** Copyrighting and Rewriting in Online Media: New Types of Journalism? 110

Appendices

- Chronicle** 114

- Information about the Authors** 120

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ»**

Главный редактор

Чумаченко Алексей Николаевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Стальмахов Андрей Всеволодович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Халова Виктория Анатольевна, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Бабков Лев Михайлович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Бучко Ирина Юрьевна, директор Издательства Саратовского университета (Саратов, Россия)

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Коссович Леонид Юрьевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Макаров Владимир Зиновьевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шляхтин Геннадий Викторович, доктор биол. наук, профессор (Саратов, Россия)

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL

«IZVESTIYA SARATOVSKOGO UNIVERSITETA. NEW SERIES»

Editor-in-Chief – Chumachenko A. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Stalmakhov A. V. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Khalova V. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Babkov L. M. (Saratov, Russia)

Balash O. S. (Saratov, Russia)

Buchko I. Yu. (Saratov, Russia)

Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Kossovich L. Yu. (Saratov, Russia)

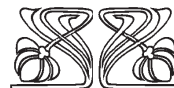
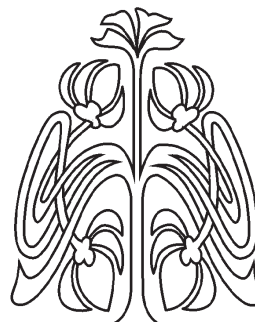
Makarov V. Z. (Saratov, Russia)

Prozorov V. V. (Saratov, Russia)

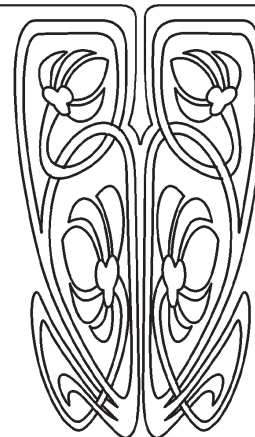
Ustyantsev V. B. (Saratov, Russia)

Shamionov R. M. (Saratov, Russia)

Shlyakhtin G. V. (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА»**

Главный редактор

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Клоков Василий Тихонович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Борисов Юрий Николаевич, кандидат филол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Горошко Елена Игоревна, доктор филол. наук, доктор социол. наук, профессор (Харьков, Украина)

Долинин Александр Алексеевич, Ph.D, профессор (Мэдисон, штат Висконсин, США)

Егоров Борис Федорович, доктор филол. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Елина Елена Генриховна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Кабанова Ирина Валерьевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Крысин Леонид Петрович, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)

Лассан Элеонора Руфимовна, хабилитированный доктор гуманитарных наук

(доктор филол. наук), профессор (Каунас, Литва)

Лённгрен Тамара Павловна, Ph.D, преподаватель Университета г. Тромсё (Тромсё, Норвегия)

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филол. наук, профессор (Витебск, Беларусь)

Никитина Серафима Евгеньевна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)

Норман Борис Юстинович, доктор филол. наук, профессор (Минск, Беларусь)

Раева Александра Васильевна, кандидат филол. наук (Саратов, Россия)

Ратмайр Ренате Фелисите, Ph.D, профессор (Вена, Австрия)

Сиротинина Ольга Борисовна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Хуан Мэй, доктор филол. наук, профессор (Пекин, КНР)

Шраер Максим Давидович, Ph.D, профессор (Бруклин, штат Массачусетс, США)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA SARATOVSKOGO UNIVERSITETA. NEW SERIES.
SERIES: PHILOLOGY. JOURNALISM»**

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

Editor-in-Chief – Prozorov V. V. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Ivanyushina I. Yu. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Klokov V. T. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Borisov Yu. N. (Saratov, Russia)
Goroshko E. I. (Kharkov, Ukraine)
Dolinin A. A. (Madison, Wisconsin, USA)
Egorov B. F. (St. Petersburg, Russia)
Yelina E. G. (Saratov, Russia)
Kabanova I. V. (Saratov, Russia)
Krysin L. P. (Moscow, Russia)
Lassan E. R. (Kaunas, Lithuania)
Lönngren T. (Tromsø, Norway)

Maslova V. A. (Vitebsk, Belarus)
Nikitina S. Ye. (Moscow, Russia)
Norman B. Yu. (Minsk, Belarus)
Rayeva A. V. (Saratov, Russia)
Rathmayr R. (Vienna, Austria)
Sirotnina O. B. (Saratov, Russia)
Huan May (Beijing, People's Republic of China)
Shrayer M. D. (Brookline, Massachusetts, USA)

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.161.1'367.332.3

ГЛАГОЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ: ПРАГМАТИКА VS. СЕМАНТИКА, ПРАГМАТИКА VS. ГРАММАТИКА

З. Л. Новоженова

Гданьский университет, Польша
E-mail: zln@tlen.pl

В статье рассматривается русское глагольное предложение с точки зрения прагматических стратегий и их возможного влияния на грамматическую и семантическую структуру предложения. Отмечены некоторые закономерности, обусловленные векторами прагматика – семантика и прагматика – грамматика в поле глагольного предложения, характеризуемого как определенное лингвистическое построение. Прагматика в поле глагольного предложения обнаруживается в разнообразии содержания и форм предложения.

Ключевые слова: глагольное предложение, прагматика, семантика.

Verbal Sentence: Pragmatics vs. Semantics, Pragmatics vs. Grammar

Z. L. Nowożenowa

The article discusses a Russian verbal sentence in terms of pragmatic strategies and their predictable influence on grammatical and semantic structure of the sentence. Some noticed regularities are being discussed. They are determined by vectors *pragmatics – semantics* and *pragmatics – grammar* in the verbal sentence's field, which is being treated as a certain linguistic construct. Pragmatics in the verbal sentence's field manifests as variability of the content and form of the sentence.

Key words: verbal sentence, pragmatics, semantics.

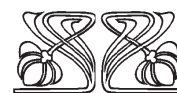
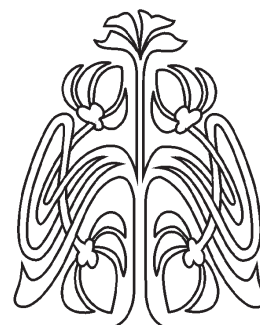
Глагольное предложение в силу своей грамматической доминанции в синтаксической системе является основным объектом описания и предметом исследования в синтаксисе. Функциональная парадигма предлагает рассмотрение глагольного предложения по меньшей мере в трех ракурсах: структурном, семантическом и коммуникативном.

Структурное (грамматическое) описание глагольного предложения традиционно осуществляется либо в терминах членов предложения, либо как структурной схемы (модели) предложения¹.

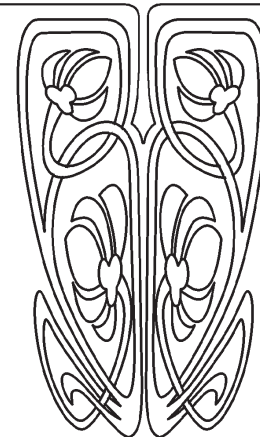
Семантическое осмысление простых предложений в целом можно признать глаголоцентрическим. Характеризуя эту ситуацию, Н. Ю. Шведова заметила: «Исследования семантической структуры славянского предложения ведутся сейчас почти исключительно на материале глагольных предложений. Сами категории семантической структуры предложения нередко выводятся из лексической семантики глагола и связанных с ним актантов»².

Актуальное для современного состояния лингвистики продвижение в сторону антропоцентрических и эгоцентрических моделей описания языка привлекло внимание к речевому функционированию языковых единиц и сделало прагматические параметры одной из необходимых перспектив наблюдений над реализациями моделей глагольного предложения. Теория прагматики открыла перспективы для поисков и выявила общие интересы не только семантики и прагматики, но и прагматики и грамматики.

Широкая формула понимания прагматики, которая существует в современной науке, дает возможность для достаточно гибкого употребления этого термина³. Прагматический аспект анализа устанавливает прагматическую нагруженность предложения в тексте и дискурсе, определяемую как коммуникативно-прагматическую функцию, прагма-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

тическую оркестровку (эмоциональную, эмоционально-оценочную, контактную, информативную, волонтивную и др.), раскрывает прагматическую основу формального варьирования, адаптивность языковой системы к потребностям коммуникации в целом, интерпретирует предложение с помощью таких констант прагматики, как говорящий, цель речи, условия протекания речи, субъект дейксиса и оценки, адресат речи, и других факторов.

Важной методологической посылкой для исследования прагматических эффектов в семантике и грамматике синтаксиса является утверждение о том, что «язык насквозь прагматичен. Филогенетически и онтогенетически язык начинается с прагматики и в принципиальных чертах своего строения он прежде всего предстает как эгоцентрически ориентированный механизм, предназначенный обслуживать и продвигать прагматические интересы говорящего»⁴.

Система языка представляет своего рода потенцию, которая реализуется в условиях прагматического выбора. Вполне можно согласиться с Т. ван Дейком⁵, который утверждает, что прагматический компонент должен быть включен в грамматическую теорию, которая превращается в систему правил, характеризующую форму, значение и деятельность.

Важным эффектом исследования глагольных предложений в прагматическом аспекте является анализ прагматических стратегий и их прогнозируемого рефлекса на семантическом и грамматическом уровнях организации предложений. Для обнаружения ряда закономерностей в области глагольного предложения, определяемых векторами семантика ↔ прагматика, прагматика ↔ грамматика, весьма продуктивным, систематизирующим отдельные явления, может быть такой лингвистический конструкт, как поле глагольного предложения (ПГП), который дает возможность для выяснения некоторых общих закономерностей в построении и функционировании данной единицы.

Поле глагольных предложений как инструмент лингвистического анализа позволяет фиксировать прагматические проявления языковой деятельности говорящего в области глагольных предложений: вариативность выражения грамматического и семантического содержания. По верному замечанию Т. ван Дейка, выбор варианта зависит не от информации, которая может быть передана несколькими способами, а преимущественно от прагматических задач коммуникантов⁶. Несколько упрощая (и генерализуя) суть явления, можно предположить, что если грамматика и семантика выявляют антропоцентрические установки, то прагматика связана с эгоцентрической программой построения ПГП.

Что же представляет собой поле глагольных предложений? В основе организации ПГП лежат системные коррелятивные отношения между структурными и семантическими свойствами

предложений с глаголом. Между единицами ПГП (как сегмента поля) существуют системные отношения в планах категориально-синтаксическом и категориально-семантическом. Единицы поля (структурно-семантические типы (модели) предложения) находятся в отношениях противопоставленности и дополнительности. Системная организация поля намечает и пути его анализа: грамматико-синтаксический, семантико-номинативный и функционально-прагматический.

Характерной особенностью организации ПГП является достаточно четко прослеживаемый в нем антропоцентрический принцип – принцип «ближайшей степени отождествления с человеком»⁷. «Человек» в данном случае выступает в виде ‘я’ – говорящего субъекта и в виде представителя рода⁸. Ядерная, приядерная и периферийная зоны обнаруживают разную степень и разный ракурс ориентированности на говорящего человека – ‘представителя рода’.

В центре ПГП находятся модели действия и движения с агентивным одушевленным субъектом-лицом – наиболее представительный класс глагольных предложений с точки зрения их удельного веса в языке, частотности употребления в речи (тексте и дискурсе). Модели центра ПГП демонстрируют последовательный вербоцентризм в том смысле, что в них, в рамках предложения, происходит совмещение пропозитивно-предикатной, реляционно-прогнозирующей, копулятивной и актуализационной функций глагола⁹. В моделях предложения обнаруживаются регулярные соответствия между типовыми значениями и отбором формальных средств для их выражения. Только ядерная зона ПГП фиксирует совпадение индивидуально-лексического значения глагола и значение предиката. Только для ядерной зоны ПГП можно говорить об изоморфности пропозитивной схемы и лексико-семантической структуры глагола (С. Д. Кацнельсон, А. А. Уфимцева). Модели ядра ПГП демонстрируют и регулярную изосемичность, что позволяет изосемичному глагольному предикату прогнозировать (задавать валентности) наличие различных по своему семантическому значению и структурной вариативности компонентов: *Кот обворовывал нас каждый день* (К. Паустовский); *Отец торжественно потрясал смотровым ордером* (Ю. Нагибин); *Он придавил бумагу сверху куском оплавленного металла* (Д. Гранин) и под.

Другим результатом «последовательного вербоцентризма» ядра ПГП является разнообразие моделей и внутримодельных разновидностей предложений, что, в свою очередь, обусловлено лексико-семантическим разнообразием групп глаголов, специализированных языком для выражения определенного пропозитивного содержания. Кроме того, модели действия и движения дают развитую систему внутримодельных разновидностей, что обусловлено необходимостью выразить в языке все многообразие деятельностного

проявления человека. Разнообразие глагольных предикатов в моделях центра ПГП определено когнитивными процессами, свидетельствующими о высокой степени семантической освоенности языком конкретно-предметной и лично-предметной сферы бытия человека.

В плане категориально-семантических свойств для предложений ядра ПГП и семантики глагольных предикатов, их организующих, характерны активность, волюнтивность, целенаправленность, контролируемость, возможны каузативность и наблюдаемость, переходность, в аспектуальном плане они могут характеризоваться локализованностью во времени, фазовой дискретностью. Сфера субъекта ядерной зоны проявляется в тех же антропоцентрически ориентированных категориях, что и предикатная сфера: личность, одушевленность, определенность, конкретность и др. Формой выражения субъекта в ядерной зоне ПГП является им. пад., чаще 1 и 2 л., однако может быть и 3 л., как правило, м. и ж. род. Это связано также с тем фактом, что в синтаксической перспективе обнаруживается релевантность фундаментальной основной логико-лингвистической классификации существительных: неживые (вещи) – живые (неодушевленные «растения») – одушевленные (не-лицо) «животные» – лица «люди»¹⁰. Как отмечает Ю. С. Степанов, имена, отражающие данные категории, совместно с различными типами предикатов (прежде всего глагольных) в древности определяли и во многом продолжают определять структуру предложений индоевропейских языков¹¹.

Приядерную зону и ближайшую периферию ПГП составляют модели предложения, описывающие либо состояние и процессы, происходящие с неактивными субъектами, либо явления и процессы, происходящие с предметами живой и неживой природы (модели процессов с функциональными и статуальными глаголами; модели состояния со статуальными глаголами): *Дерева гнулись от сильного ветра; Голова болит; Мне нездоровится; В боку колет; Земля вращается; Он курит с малых лет; Машина работает; Он вырос в деревне* и т. д.

Неядерные зоны ПГП для концептуализации тех событий (бытия, локализации, владения, характеристики, отношений и др.), которые они называют, имеют иной спектр языковых средств. В качестве предикатов здесь используются функциональные экзистенциальные глаголы, чья индивидуальная семантика может как совпадать, так и не совпадать с типовым значением предложения, то есть они могут быть как изосемичными (*Я не имею претензий*), так и неизосемичными (*Дорога взвилась вверх*).

Категориально-семантические свойства в глагольных предикатах – предикатах неядерной зоны – проявляются, как правило, со знаком «минус» – неактивность, нецеленаправленность, непереходность и т. д. – и поддерживаются в глаголе

такими свойствами, как отсутствие локализации во времени и фазовой дискретности, возвратность глагола и формой 3 л. (*Колесо вращается*).

Представленное выше в общих чертах описание ПГП позволяет выявить некоторые системные отношения не только между семантической и грамматической организацией глагольных предложений, но и указать действие прагматических факторов в разных секторах ПГП, обуславливающих наличие семантических и грамматических вариантов предложения.

Для поля глагольных предложений прагматическая обусловленность выбора вариантов отмечается в следующих случаях:

- 1) выбор конкретного глагола для выражения типовой ситуации (пропозиции);
- 2) выбор глагольной или именной предикации;
- 3) выбор простого или аналитического глагольного предиката;
- 4) референциальные потенции глагольных предложений;
- 5) вариативность состава и структуры компонентов модели;
- 6) модификации структурно-семантических качеств компонентов исходной модели;
- 7) субъектная перспектива глагольных предложений (проблема односоставных глагольных предложений);
- 8) специализированность типов глагольных предложений относительно типов дискурсов (проблема стилевого и регистрового функционирования предложения).

1. Практически все модели описания семантического устройства предложения (валентностные, референциально-ролевые, логико-семантические, описывающие предложения в терминах пропозиции и предиката, структурной схемы предложения и типового значения и др.) ориентированы на внешнеситуационную информацию, в которой семантика предложения (чаще всего через предикат и пропозицию) трактуется как языковое воплощение некоего положения дел действительности, ситуации, отражающей некие антологически существенные отношения между предметами или предметом и его свойством¹², представляющей собой предметно-признаковую концептуальную структуру. Концептуализация и пропозиционализация в синтаксисе связываются прежде всего с когнитивными процессами. Однако и прагматическая программа речедеятельности также влияет на процесс выбора смысла, его структурирование и категоризацию.

Основополагающим для понимания употребления языка в аспекте субъекта речи (эгоцентризм), в соответствии с выражаемым замыслом и намерением говорящего, является поиск и определение глагола на роль предиката высказывания. Выбор конкретных глаголов для предикатно-предикативной роли в определенных структурных типах предложения, степень необходимости, шкала

выявленности их структурных и, что особенно важно, семантических свойств определяются коммуникативными установками, интенциями и оценками говорящего субъекта.

Альтернативность языкового обозначения ситуации внеязыковой действительности средствами глагольного предложения (выбор модели предложения и типа предиката) обусловлена не только объективными свойствами самого фрагмента реальной действительности, объемом наших знаний о предметном мире, но также зависит от способа оценки ситуации, наблюдаемой говорящим субъектом. Оценка в этом случае получает функционально-прагматическое осмысление, в котором на первое место выдвигаются такие моменты, как «точка зрения», интерпретация, прагматические установки и интенции говорящего субъекта. Оценка определяется как любой вербализированный результат «квалифицирующей работы сознания или деятельности сенсорной (чувствительной, эмотивной) сферы человеческой психики»¹³.

Ранжирование предикатов, оппозиции предикатов, их выбор отражают, по мнению К. А. Переверзева, нюансы познавательной ситуации, которые связаны как со способами мышления о мире, так и с формами семантической обработки получаемой информации, в которых важное место занимает процесс «оценивания». «Описать их – значит увязать языковые выражения с определенным видением мира и его ментальной моделью»¹⁴. «...Точка роста для событий, – пишет К. А. Переверзев, – в семантике предиката». «Чтобы событие “состоялось”, его нужно наблюдать, идентифицировать, выразить лексическими средствами языка. Поэтому событийное значение попадает в зависимость от предикатной лексики»¹⁵; «...для рождения событий релевантен выбор предиката»¹⁶.

В выборе глагольного предиката, в его лексической варьированности проявляются две важные семантические тенденции, которые определены автономностью процессов актуализации и пропозиционализации – это десемантизация (грамматизация глагола) и лексикализация глагола¹⁷.

2. Конкуренция глагольной и именной предикации для обозначения одной пропозиции указывает на то, что коммуникативная цель говорящего (представить предикатичный признак как статический или динамический) влияет на форму подачи информации: *Индра царь – Индра царствует*. Если в первом случае предикатный признак мыслится как вневременной (статический), то во втором случае происходит актуализация предикатного признака во времени, модальности и конкретизации референции.

3. Давление прагматической ситуации на перераспределение информации, наличие в высказывании двух информационных фокусов объясняет наличие неполнозначных глаголов в составе предикатов (*Лицо просветлело / Лицо*

стало светлым; Воздух сгустился / Воздух сделался гуще).

4. Референциальные потенции глагольных выражений как проблема эгоцентрического выбора (ориентированного на говорящего субъекта) полностью находится в компетенции прагматики. Единицы ППП обнаруживают предпочтительную референтную интерпретацию (см., например, референтную ориентированность различных по значению моделей предложения на ту или иную референциальную область)¹⁸. Так, модели центра ППП, описывающие конкретные физические действия субъекта, предполагают конкретный пространственно-временной дейксис, что, как правило, определяет конкретно-актуальную референцию всего высказывания, а также субъекта и предиката: *Сосед работает в саду; Я стираю белье и готовлю обед*. Надо отметить, что ядерная и приядерная зоны ППП (модели действия, движения, состояния) в силу гибкости локально-временной дейктической оси обладают более широким диапазоном возможностей обозначения разных референтных сфер.

В свою очередь, родовая и общая референция смещается от центра к периферии ППП (модели со значением процессов, характеристики): *Она модничает; Колесо вращается; Хищники охотятся за добычей; Животные не любят громких звуков; Птицы поют* и т. д. Единицы ППП различаются как собственным референциальным статусом, так и референциальным статусом и референциальными потенциями своих компонентов (именной и глагольной групп высказывания): субъектов, объектов и предикатов.

5. Глагольные односоставные предложения (*Люблю тебя, Петра творение!; Цыплят по осени считают; В дверь постучали*), признаваемые традиционной грамматикой в качестве грамматического типа предложений в русском языке, в действительности являются субъектными модификациями предложения центра поля. Только для глагольных моделей ядерной зоны с одушевленным личным субъектом, называющим, как правило, человека, характерен особый референтный статус (определенный/неопределенный/обобщенный). Такая субъектная перспектива предложения задается прагматическими потребностями говорящего субъекта, либо возникает под давлением коммуникативной ситуации: субъект может быть неизвестен и неопределен для говорящего (кстати сказать, это заметил еще А. М. Пешковский), либо информационный фокус сосредоточен на действии, а не на субъекте, цель говорящего – скрыть производителя действия.

6. Вообще, субъектная позиция предложения может быть показателем фокуса интереса говорящего. Так, диатетические корреляции с разной характеристикой субъектной позиции указывают, что внимание говорящего перемещается то на объект, то на производителя действия (то на средство воздействия) (*Берлиоза охватил необоснованный,*

но столь сильный страх, М. Булгаков). Наличие в позиции субъекта неодушевленного существительного свидетельствует о том, что субъект оценки не совпадает с субъектом состояния.

7. Разные стратегии коммуникативного замысла варьируют компонентный состав глагольного предложения. Языковое сознание, накладывая сценарную сетку, наделяет участников события различными ролями, приводит к модификациям категориально-семантических качеств и изменению состава структурных компонентов модели в соответствии с ракурсом рассмотрения и коммуникативной значимостью. Прагматические параметры высказывания, такие как точка зрения наблюдателя (говорящего), его оценка происходящего, проявляют важные семантико-структурные свойства модели. В качестве одного из проявлений этих процессов можно привести предложение с инкорпорированными компонентами: *Он поет песни. Ему хорошо платят. Он поет, и за это ему платят деньги.* (А. Чехов).

8. Дискурсивно-прагматические характеристики глагольного высказывания предполагают также фиксацию их функционирования в различных сферах. Можно отметить, что разные типы моделей функционируют в разных языковых сферах, они могут квалифицироваться с точки зрения приоритетов их стилистического и жанрового функционирования¹⁹.

Таким образом, описанные выше закономерности представляют семантику и грамматику как отработанные речевой практикой и мотивированные когнитивно-прагматическими условиями механизмы выражения речевого замысла говорящего. Прагматика, по верному определению М. Б. Бергельсон, принадлежит «к двум окружающим язык Вселенным – когниции и коммуникации»²⁰.

Примечания

- ¹ См., например: Русская грамматика : в 2 т. / Н. Ю. Шведова (гл. ред.) М., 1980. Т. 2. Синтаксис ; Золотова Г. А., Ониненко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
- ² Шведова Н. Ю. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения // Славянское

языкознание. Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973. С. 469.

- ³ См.: Демьянков С. Прагматические основы интерпретации высказывания // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1981. Т. 40, № 4. С. 368–377.
- ⁴ Никитин М. В. Курс лингвистической семантики : учеб. пособие к курсам языкознания, лексикологии и теоретической грамматики. СПб., 1996. С. 714.
- ⁵ См.: Dejk T. A. van. The semantics and pragmatics of functional coherence in discourse // Versus. 1980. № 26/27. P. 49–66.
- ⁶ Ibid.
- ⁷ Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М., 1975. С. 250.
- ⁸ Там же.
- ⁹ См.: Новоженова З. Русское глагольное предложение : структура и семантика. Slupsk, 2001. С. 62–79.
- ¹⁰ См.: Степанов Ю. С. Язык и метод в современной философии языка. М., 1998. С. 503.
- ¹¹ См.: Степанов Ю. С. Индоевропейское предложение. М., 1989.
- ¹² См.: Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. М., 1986.
- ¹³ Ляпон М. В. Оценочная ситуация и словесное моделирование // Язык и личность : сб. ст. / отв. ред. Д. Н. Шмелев. М., 1989. С. 27.
- ¹⁴ Переверзев К. А. Высказывание и ситуация : об онтологическом аспекте философии языка // Вопр. языкознания. 1998. № 5. С. 47.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ См.: Новоженова З. Референция и глагольное предложение // Проблемы речевой коммуникации / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3. Саратов, 2003. С. 202–210.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ См., например: Новоженова З. Л. Семантические модели предложений в разговорной речи // Разговорная речь в системе функциональных стилей русского языка. Грамматика / под ред. О. Б. Сиротининой. М., 2003. С. 232–260.
- ²⁰ Бергельсон М. Б. Когнитивно-ориентированные и коммуникативно-ориентированные проблемы прагматики : принципы прагматического контроля и кооперации в современном русском языке. URL: www.fl.msu.ru (дата обращения: 12.12.2010).

УДК 81'42

ДИСКУРСИВНЫЕ СЛОВА: ЕДИНСТВО В МНОГООБРАЗИИ

Е. Ю. Викторова

Саратовский государственный университет
E-mail: helena_v@inbox.ru

В статье исследуется место дискурсивных слов в системе языковых единиц, предлагается семантическая и функциональная классификация дискурсивов.

Ключевые слова: дискурсивные слова, коммуникативы, синкретизм, регулятивная информация, дискурсивная информация.

Discursive Words: Uniformity in Diversity

E. Yu. Viktorova

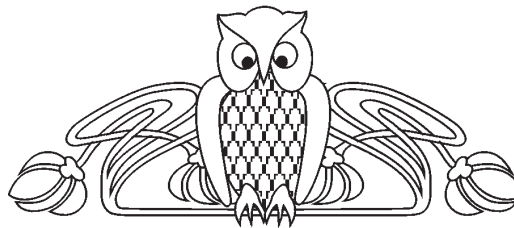
The article researches the place of discursive words in the system of language units; a semantic and functional classification of discursive words is developed.

Key words: discursive words, communicative units, syncretism, regulatory information, discursive information.

Термин «дискурсив» вошел в лингвистику сравнительно недавно, существуют разные представления о границах его применения, но чаще всего под ним понимается коммуникативная единица, придающая «особый дискурсивный статус» некоторому фрагменту дискурса и обладающая определенной «дискурсивной семантикой» – выражающая коммуникативно-прагматическую информацию. Дискурсивы устанавливают отношение между двумя (или более) составляющими дискурса¹.

Дискурсивные слова не имеют денотата в общепринятом смысле; их значения не предметны, поэтому их можно изучать только через их употребление. Часто они бывают «непереводимыми», так как в другом языке фактически не бывает их точных эквивалентов. Общеизвестным является то, что у многих слов такого типа существуют, наряду с дискурсивными, и другие, недискурсивные, употребления. При этом между дискурсивными и другими употреблениями слова часто не существует семантической связи (ср., например, наречие *well* и дискурсив-хезитатив *well*). Возможно даже противоречие дискурсивного значения пропозициональному.

Дискурсивы очень разнообразны и по структуре, и по значению. Причем и их состав тоже дискурсионен. Традиционное деление структурных слов на лексико-грамматические классы – наречия, частицы, союзы, междометия – не позволяет отнести дискурсивы к какой-либо из этих категорий. Кроме того, в словарях наблюдается разноречивость в грамматической квалификации дискурсивов, когда одно и то же слово может определяться как наречие, частица или вводное слово.

Поэтому введение термина «дискурсив», который акцентирует «функционально-семантический аспект обозначаемого типа языковых единиц», позволяет обойти проблему их принадлежности к какой-либо традиционной части речи².

К дискурсивам в широком понимании этого термина исследователи относят не только отдельные слова различных частей речи (наречия (*соответственно, практически*), частицы (*только, именно, как бы, лишь*), союзы и союзные слова (*потому что, хотя, поэтому, однако*), вводно-модальные слова (*безусловно, возможно, разумеется, наверное, конечно*)), но и словосочетания и выражения (*выше приводился, в том числе, таким образом, можно сказать*) и целые предложения (*разрешите напомнить следующие положения, речь идет о ситуации, обратимся к следующему вопросу*). Объединяет все эти единицы общая для них регулятивная и организующая роль в дискурсе³.

Несмотря на свое разнообразие, дискурсивы имеют ряд объединяющих их морфологических и синтаксических признаков. В русском языке это их неизменяемость, неспособность быть ядром синтаксической группы, синтаксическая функция союза или адьюнкта, возможность иметь синтаксические связи и с именной, и с глагольной группой и т. д. Тем не менее морфосинтаксическая специфика дискурсивов изучена еще слабо, что объясняется объективными сложностями определения синтаксического статуса дискурсива, а именно установления элемента предложения, с которым дискурсив связан синтаксически, и определения характера этой связи⁴.

В данной работе мы предлагаем свою классификацию дискурсивов, основанную на семантическом и прагматическом критериях. Проблема классификации дискурсивов является весьма непростой, прежде всего из-за разнообразия самих единиц и подходов к их изучению. Надо признать, что любые классификации в языке условны, поскольку язык, как пишет Ю. М. Скребнев, «будучи набором дискретных единиц, отражает объективную реальность не непосредственно, не “зеркально”, а определенным образом условно ее расчленяя». Вообще следует признать, что «лингвистические постулаты носят в большинстве случаев вероятностный, гипотетический характер», и любые «лингвистические абсолюты» неадекватны, поскольку язык является естественной посто-

янно изменяющейся семиотической системой⁵. В связи с этим необходимо помнить, что сущность всякой классификации – в обобщении и условности, поэтому, предлагая нашу классификацию дискурсивных слов, мы осознаем ее условность, однако считаем удобной для использования при решении задач, поставленных в рамках настоящего исследования.

С точки зрения выполняемых ими функций дискурсивы разнообразны. Эти функции группируются вокруг так называемого **коммуникативно-организующего**, или вспомогательного, уровня общения, который выделяется наряду с **коммуникативно-информативным**, основным, уровнем⁶. С. В. Андреева называет эти уровни ареалами коммуникации и разграничивает **коммуникативно-номинативный** ареал и **речеорганизующий**⁷. Подобное разделение коммуникации на уровни или ареалы находим и у зарубежных авторов. Например, Г. Кларк в своей теории различает два уровня, две системы коммуникации: **первичную систему** (*primary system*), которая является основной, главной задачей коммуникации, и **вторичную (побочную) систему** (*collateral system*), которую исследователь определяет как такую часть использования языка, с помощью которой коммуниканты взаимодействуют, создают, выстраивают основную коммуникацию и управляют ею, и эта система в норме не является основной задачей коммуникации⁸. На уровне текста выделяют **текстовый и метатекстовый уровни**⁹.

Нам представляется, что функции дискурсивных слов, выполняемые в рамках такой двухуровневой системы коммуникации, могут быть определены на основе трех макрофункций языка, выделяемых М. Халлидеем. Исследователь выделяет **идеационную** (приблизительные синонимы: когнитивная, содержательная, референциальная, информативная), **межличностную** (синонимы: интеракционная, эмотивная, экспрессивная) и **текстовую** (синоним – синтаксическая) функции¹⁰. Дискурсивные слова ориентированы на вторую и третью функции, а идеационная функция, как нам кажется, может присутствовать в дискурсивах лишь в сочетании с межличностной.

Три макрофункции М. Халлидея соотносятся, на наш взгляд, с тремя (из четырех) типами информации, выделяемыми С. В. Андреевой: **фактуальной, коммуникативной и дискурсивной** (четвертый тип – **эмоционально-чувственная** информация – дискурсивами, как правило, не выражается, поэтому исключается из нашего рассмотрения). Идеационная функция соотносится с фактуальной информацией, межличностная – с коммуникативной, а текстовая – с дискурсивной. Дискурсивы участвуют в передаче дискурсивной и коммуникативной информации. Коммуникативная информация, по мнению С. В. Андреевой, «отражает взаимодействие между автором речи и ее адресантом; это информативность в контакто-

регулирующем, оценочно-интерпретационном плане, в плане межличностных отношений». (Мы предлагаем называть такой тип информации «регулятивной», поскольку, на наш взгляд, термин «коммуникативная информация» слишком расплывчат и неоднозначен). Дискурсивная информация, по мнению С. В. Андреевой, «направлена на организацию дискурса и ориентацию адресата в нем для оптимального восприятия как фактуальной, так и коммуникативной информации: это информативность в плане структурирования дискурса, обозначения роли фрагмента в тексте, отношения к нему автора и т. д.»¹¹.

Итак, дискурсивы противопоставлены остальным коммуникативным единицам, самостоятельным или основным по своему характеру, которые передают фактуальную информацию, информацию первого плана. Дискурсивы передают так называемую дискурсивно-регулятивную информацию, информацию второго плана, вспомогательную по отношению к основной, фактуальной информации. На основе двух характерных для дискурсивов типов информации – регулятивной и дискурсивной – можно выделить два основных типа дискурсивов, которые мы условно назвали дискурсивами-регулятивами и дискурсивами-организаторами. Дискурсивы-регулятивы выполняют межличностную (по М. Халлидею) языковую функцию и выражают регулятивную информацию. Дискурсивы-организаторы выполняют текстовую функцию и выражают дискурсивную информацию.

Вслед за С. В. Андреевой мы полагаем, что дискурсивы, будучи одним из средств организации дискурса, выступают в роли **вспомогательных коммуникативных единиц** (далее – ВКЕ). Они помогают адресату интерпретировать высказывание адресанта, экономя мыслительные усилия адресата в плане интерпретации смысла высказывания, управляют его вниманием. В целом, они улучшают качество восприятия дискурса и увеличивают скорость и точность его восприятия.

Дискурсивы не образуют единого функционального класса единиц, поскольку не имеют четких границ и собственных дифференциальных структурно-семантических и функциональных признаков. Эти единицы «не имеют самостоятельного значения в дискурсе, а только организуют его»¹². Помимо дискурсивов в классификации С. В. Андреевой к ВКЕ относятся и так называемые дискурсивные повторы, однако они не будут учитываться в нашем исследовании.

Что касается коммуникативов, то их С. В. Андреева считает основными единицами коммуникации на том основании, что они характеризуются совокупностью четких структурно-семантических признаков (например, таких как номинативный/неноминативный характер используемой лексики, предикативность/непредикативность, синтаксическая членимость, выражение диктумных или модусных смыслов, функциональная направлен-

ность). Как нам кажется, при изучении коммуникативов следует учитывать их разнообразие, так как они не менее гетерогенны, чем дискурсивы. В нашем исследовании установлено, что с точки зрения выполняемых функций коммуникативы бывают информативными и фатическими¹³. Представляется, что коммуникативы-информативы (*да/нет* и их модализованные варианты (*конечно, ни в коем случае*)), используемые в качестве ответа на вопрос) выражают скорее диктумные смыслы, а не модусные (присущие коммуникативам-фативам), и значит, обладают информативной направленностью. Следовательно, их принадлежность к основным единицам коммуникации, по-видимому, бесспорна.

Что касается коммуникативов-фативов, то они тоже бывают разными и, соответственно, не все из них, как нам кажется, могут быть признаны основными коммуникативными единицами. Например, коммуникативы-хезитативы, актуализаторы, обращения, процессивы-комменсивы (термин И. И. Прибыток; это фативы, являющиеся одновременно реакцией на реплику предыдущего говорящего и зачином к собственной реплике¹⁴), на наш взгляд, тяготеют к ВКЕ. По своей роли в коммуникации и по типу передаваемой ими информации эти коммуникативы мало чем отличаются от дискурсивов, относимых С. В. Андреевой к ВКЕ. Неслучайно в англоязычной традиции первыми дискурсивными маркерами, которые стали исследоваться¹⁵, были именно такие единицы, которые мы именуем коммуникативами – *oh, now, well, you know*, и используются они, как правило, в типичной для коммуникативов фатической функции – функции хезитативов или процессивов-комменсивов. До сих пор англисты не выделяют каких-то особых языковых единиц аналогичных коммуникативам, выделяемых русистами. В работах англоязычных исследователей все единицы, выполняющие связующие и регулятивные функции в дискурсе, квалифицируются как дискурсивные маркеры. Подобную точку зрения разделяют и некоторые отечественные лингвисты¹⁶, считающие коммуникативы типа *Ну и ну, Вот еще* дискурсивными словами. Интересно, что по некоторым функциям, описанным в исследовании С. В. Андреевой, дискурсивы и коммуникативы пересекаются; например, отмечается роль обеих единиц в оценочно-интерпретационном плане (оценка и самооценка речи или ситуации) и в плане выражения отношения автора к предмету речи¹⁷. Отсюда следует, что четких функциональных критериев разграничения дискурсивов и коммуникативов (по крайней мере коммуникативов-фативов), видимо, не существует. Хотя надо отметить, что коммуникативы, безусловно, имеют более узкую сферу применения по сравнению с дискурсивами – они свойственны в основном устной диалогической речи, именно здесь они довольно частотны и разнообразны¹⁸.

Что касается структурно-семантических признаков, присущих коммуникативам и дискур-

сивам, то они также не всегда являются надежным критерием разграничения этих двух единиц. Мы упоминали выше критерии диктумных/модусных смыслов и функциональной направленности. Критерии предикативности и синтаксической (не) членности, вероятно, тоже не столь однозначны, поскольку и коммуникативы, и дискурсивы могут выражаться предикативными единицами (хотя в большинстве случаев это «мертвая» предикативность) и не являются членами предложения. И те, и другие единицы в основном представлены словами и конструкциями, воспроизводимыми в процессе коммуникации. Но обе единицы могут иметь в своем составе осложняющие элементы – междометия, обращения, модальные слова (*О, да, конечно!* или *Ну хорошо, Лена, давай поговорим об этом после*). Поскольку названные осложняющие элементы сами являются коммуникативами, то остается нерешенным вопрос, считать ли их осложняющими или рассматривать данный коммуникатив как цепочку из нескольких коммуникативов.

Исходя из всего вышесказанного, мы приходим к выводу: поскольку для нас основным критерием выделения как коммуникативов, так и дискурсивов является их функциональное предназначение в коммуникации, мы полагаем, что функции большинства коммуникативов-фативов следует признать вспомогательными по отношению к единицам основным, выражающим фактуальную информацию. Коммуникативы-информативы мы будем считать основными коммуникативными единицами.

Вспомогательная функция в дискурсе выполняется разными вербальными и невербальными средствами: это могут быть жесты, графические средства, знаки пунктуации (кавычки, скобки, тире и др.), разные виды шрифта (полужирный шрифт, курсив), красная строка, некоторые разделы речевых произведений (аннотации, ключевые слова, вступления, ссылки). Предметом нашего исследования являются только **лексические способы** выражения вспомогательности – особые лексические единицы: слова и устойчивые речевые обороты (редко предложения), функция которых заключается в помощи коммуникантам в процессе создания дискурса, его реализации и восприятия.

Итак, в нашем исследовании понятие «дискурсивы» в широком понимании (включая вводно-модальные слова и конструкции, частицы, союзы, модальные глаголы, слова знаменательных частей речи, междометия) мы будем условно приравливать понятию «вспомогательные коммуникативные единицы». «Дискурсивы» в узком понимании, на наш взгляд, включают единицы с дискурсивно-регулятивным значением – вводно-модальные слова и конструкции, а также частицы. Именно таким дискурсивам будет в основном посвящено наше дальнейшее исследование, так как они, полагаем, составляют ядро ВКЕ.

Нам представляется, что дискурсивы неоднородны и по типу и объему реализуемой ими информации. Часть дискурсивов являются дискурсивными операторами в чистом виде, то есть они функционируют исключительно в качестве вспомогательных средств (*во-первых, итак, следовательно, например*). Мы будем условно называть такие единицы **собственно дискурсивами**. Другие одновременно сочетают вспомогательную функцию с информативной, то есть являются синкретичными. Они функционируют одновременно и как дискурсивные маркеры, и как носители фактуальной, пропозитивной информации. Полагаем, что такая разновидность синкретизма может быть названа функционально-прагматическим синкретизмом. Приведем пример из текста научномедицинской статьи: *Уровень ТАТ в плазме крови ex vivo стабилен, а выработка фибриногенов при малейших отклонениях в процедурах взятия, обработки и хранения образцов крови может изменяться*.

Лексема *может* в данном контексте, на наш взгляд, одновременно передает основную информацию (сообщает о возможности определенного химико-биологического процесса), и вспомогательную (смягчает поданную информацию, снижает категоричность высказывания или даже говорит о нестабильности данных изменений, то есть служит сигналом не полной уверенности автора в своих словах, не обязательной достоверности процесса). Условно назовем такие дискурсивы **синкретичными**. Следует отметить, что, в отличие от полисемии, синкретизм, в том числе и функционально-прагматический, контекстом не разрешается, двоякое значение остается.

Интересны в этом плане и так называемые авторизирующие конструкции – дискурсивы, содержащие самоупоминание автора. Они используются либо для экспликации своего личного авторского мнения (*на наш взгляд, по-моему, как мне кажется*), либо описывают какие-либо действия автора. Это могут быть ментальные действия, связанные с рассуждениями автора, с производимыми им логическими операциями (*считаем возможным, мы полагаем правильным, мы не сомневаемся*). В научном дискурсе довольно частотны авторизирующие конструкции, описывающие действия авторов, совершаемых во время проведения ими исследований. Особенно много таких конструкций в английских научных статьях (*we measured, we studied, we reported, we developed*), но в русских они тоже встречаются (*мы пользуемся, применяли, проводили, определяли*)¹⁹.

Вводные обороты типа *по-моему* и *на наш взгляд* мы относим к собственно дискурсивам, а дискурсивы, содержащие глагол в настоящем (за исключением глаголов мнения) или прошедшем времени, являются, на наш взгляд, синкретичными, так как одновременно сочетают в себе фактуальную и регулятивную информацию. Эти дискурсивы, с одной стороны, сообщают о со-

вершенных в процессе исследования действиях ученых, а с другой стороны, усиливают личностную направленность научного изложения, подчеркивают не только личный вклад авторов статьи в проведенное исследование, но и их ответственность за предоставляемую информацию.

Внутри самих вспомогательных единиц находим такие дискурсивы, которые сочетают функции прагматических и грамматических операторов (термины В. Гладрова²⁰). Например, союзы могут быть исключительно грамматическим средством связи, а могут проявлять наряду с грамматическим и прагматическое значение²¹. Так, сочинительные союзы *а, но* могут употребляться при противопоставлении элементов предложения, то есть использоваться как дополнительные к лексическим средствам логические сигналы, которые недвусмысленно четко указывают на характер отношений между элементами предложения, помогая тем самым прояснить суть высказывания. Например: *Считается, что определенные функциональные типы предложений соответствуют не суждениям, а иным логическим формам мышления*. Союзы, употребляющиеся таким образом, лежат на пересечении классов грамматических и дискурсивно-прагматических вспомогательных единиц.

Собственно дискурсивы могут совмещать в себе функции и своих собственных подтипов, когда в одном слове регулятивная информация сочетается с дискурсивной. Многие исследователи считают такой синкретизм естественным и отмечают присутствие модальных оттенков значения в средствах, которые традиционно относятся к связующим элементам. Таким образом, деление дискурсивов на регулятивы и организаторы, предлагаемое в данной работе, является во многом условным. Критерием для такого деления будет являться преобладание регулятивной или дискурсивной информации в данном дискурсиве. Так, например, дискурсив *кстати* будем считать организатором, так как он используется в первую очередь для введения фрагмента речи и демонстрации ассоциативной связи фрагмента с текстом, а присущее ему акцентно-выделительное значение будем считать второстепенным.

Итак, осуществленная в рамках данного исследования попытка классификации дискурсивов показывает неизбежность и продуктивность выделения наряду с основными типами особых, переходных типов дискурсивов. Нами выделены дискурсивы, совмещающие значения прагматическое и пропозициональное, и дискурсивы с сочетанием прагматического и грамматического значений. Мы согласны с С. В. Андреевой, что «всё в языке не имеет “китайских стен”, характеризуется взаимопереходами, синкретичностью»²², и с Ю. С. Степановым, который уподобляет синтаксис «обширному континууму», в котором сосуществуют узловые элементы и линии отношений, их связывающие; одновременно имеются «почти

непрерывные ряды синтаксических единиц, различающиеся вариациями <...> и заполняющие промежутки» между этими узлами»²³.

Следует сказать, что многие служебные слова отличаются не только контекстно неразрешаемой синкретичностью, но и полифункциональностью²⁴ и полисемией²⁵, которые находят свое разрешение в контексте. Иногда одно и то же дискурсивное слово может употребляться в противоположных значениях (*конечно* может быть использовано и как сигнал уверенности, и как показатель неуверенности, смягчения, уступки). Многие служебные слова образуют так называемые омокомплексы (например, *как* функционирует как союз, частица, союз-частица или частица-союз, междометие).

Проведенное нами исследование позволяет предположить, что ВКЕ, ядро которых представлено дискурсивами (в узком понимании), представляют собой систему единиц, имеющую полевую структуру. Ядро ВКЕ образуют дискурсивы с прагматическим значением, представленные собственно дискурсивами (вводно-модальными словами и частицами). Дискурсивы, совмещающие пропозициональное и прагматическое значение, то есть синкретичные дискурсивы (модальные глаголы и предикативы; предикативные (авторизирующие) конструкции), формируют переходную зону. Синкретичные и собственно дискурсивы мы относим к прагматическим операторам. Грамматические операторы представлены служебными единицами. При этом предлоги и грамматические частицы и союзы обладают чисто грамматическим (структурным) значением и образуют центральную зону грамматических операторов. А союзы, сочетающие грамматическое значение с прагматическим, формируют переходную зону.

Следует сказать, что описанные выше различные типы ВКЕ наделяются нами статусом «вспомогательный» только при условии их уместного разнообразного употребления. Злоупотребление дискурсивами, особенно неумеренно частое использование одного и того же дискурсивного слова, превращает вспомогательные единицы в слова-паразиты и характеризует такого говорящего как носителя низкого уровня речевой культуры. Речь, перенасыщенная дискурсивами (хотя бы и разными), производит впечатление напыщенной и бессодержательной. Поэтому правильному, уместному, стилистически верному и разнообразному употреблению этих языковых единиц необходимо обучать как при преподавании родного, так и иностранного языка. К тому же нельзя забывать, что употребление дискурсивных слов имеет лингвокультурные особенности. Некоторые дискурсивы, хотя и являются переводными аналогами, в разных языках употребляются в различных ситуациях, имея иногда противоположное значение (ср.: рус. *конечно* вполне нейтрально, а англ. *of course* – сигнал раздражения и недовольства).

Итак, дискурсивы – это ВКЕ, отличающиеся большим структурным, семантическим, функциональным разнообразием. Они могут передавать вспомогательную (регулятивную и дискурсивную) информацию в чистом виде, а могут сочетать ее с фактуальной информацией, представляя собой в таком случае синкретичные единицы. Синкретичность свойственна также и ВКЕ внутри собственно дискурсивных слов. Множество ВКЕ, на наш взгляд, существует в виде поля с центром и периферией, выделяемых на основе семантики и прагматики исследуемых коммуникативных единиц. Однако, полагаем, несмотря на свое разнообразие ВКЕ составляют единый класс слов и выражений, служащих для передачи регулятивной и дискурсивной информации, принадлежащих речеорганизующему уровню коммуникации и выполняющих функции организации дискурса и демонстрации автором своего отношения к речи и ее содержанию.

Примечания

- 1 См.: Дискурсивные слова русского языка : контекстное варьирование и семантическое единство / сост. К. Киселева, Д. Пайар. М., 2003.
- 2 См.: Кобозева И., Захаров Л. Для чего нужен звучащий словарь дискурсивных слов русского языка. URL: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2004/Kobozeva.pdf> (дата обращения: 10.10.2012).
- 3 См.: Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Киселевой, Д. Пайара. М., 1998 ; Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство / сост. К. Киселева, Д. Пайар. М., 2003 ; Сиротинина О. О синтаксическом статусе некоторых компонентов дискурса // Oameni si idei : Studii de filologie. Cluj – Napoca : Editura Risoprint, 2005. С. 342–348 ; Она же. Дискурсивные слова как проблема пунктуации // Предложение и слово : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2008. С. 341–344 ; Она же. Дискурсивные слова и их отношение к пунктуационной системе русского языка // Исследования по семантике : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 24. Уфа, 2008. С. 476–480 ; Андреева С. Конструктивно-синтаксические единицы устной русской речи / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов, 2005 ; Кобозева И., Захаров Е. Л. Означающее дискурсивных слов русского языка как объект когнитивно ориентированного описания : проблема метаязыка // III Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». Москва, МГУ, 21–23 марта 2007 г. : Труды и материалы. М., 2007. С. 466 ; Малов Е., Горбова Е. Дискурсивные слова в русской разговорной речи (на материале анализа спонтанной разговорной речи) // Труды первого междисциплинарного семинара «Анализ разговорной речи». СПб., 2007. С. 31–36 ; Уздинская Е. Неудачное использование дискурсивных слов в газетных текстах // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 12. Саратов, 2012. С. 41–58 и др.
- 4 См.: Кобозева И., Захаров Л. Для чего нужен звучащий словарь дискурсивных слов русского языка.

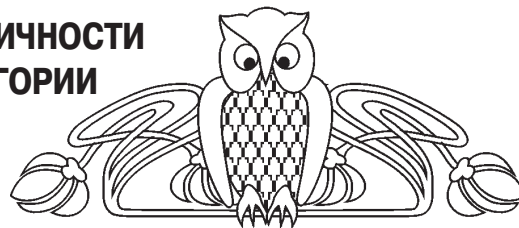
- ⁵ Скребнев Ю. Введение в коллоквиалистику. Саратов, 1985. С. 51–53.
- ⁶ См.: Менг К. Проблема анализа диалогического общения // Текст как психолингвистическая реальность : сб. ст. М., 1982. С. 14–18 ; Пономарева Т. Сочетаемость информативных высказываний разных прагматических типов с этикетными контактными стимулами // Языковые единицы : сб. ст. Л., 1991. С. 131–138.
- ⁷ См.: Андреева С. Указ. соч.
- ⁸ См.: Clark H. Pragmatics of Language Performance // Handbook of pragmatics / ed. L. R. Horn, G. Ward. Oxford : Blackwell, 2004. P. 365–382.
- ⁹ См.: Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. М., 1978. С. 402–421 ; Харламова Т. Textoобразующие средства в устной речи : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2000 ; Кормилицына М. Некоторые итоги исследования процессов, происходящих в языке современных газет // Проблемы речевой коммуникации / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 8. Саратов, 2008. С. 13–34 и др.
- ¹⁰ См.: Halliday M. Explorations in the Functions of Language. L., 1973.
- ¹¹ Андреева С. Указ. соч. С. 68, 84.
- ¹² Там же. С. 95–96.
- ¹³ См.: Викторова Е. Коммуникативы в разговорной речи : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1999.
- ¹⁴ См.: Прибыток И. Английские сентенсоиды. Саратов, 1992.
- ¹⁵ См., например: Schiffrin D. Discourse markers. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- ¹⁶ См.: Кобозева И., Захаров Л. Проект звучащего словаря дискурсивных слов русского языка. URL: <http://www.philol.msu.ru/~otipl/SpeechGroup/publications/2003/z-4.doc> (дата обращения: 10.10.2012).
- ¹⁷ См.: Андреева С. Указ. соч. С. 107.
- ¹⁸ См.: Викторова Е. Коммуникативы в разговорной речи.
- ¹⁹ См.: Викторова Е. Специфика употребления дискурсивных слов в научно-медицинской статье (на материале русского и английского языков) // Коммуникация. Мышление. Личность : материалы междунар. науч. конф., посвящ. памяти И. Н. Горелова и К. Ф. Седова. Саратов, 2012. С. 297–315.
- ²⁰ См.: Гладров В. Что такое структурные слова? О вопросе частей речи как проблеме взаимообусловленности уровней языка. URL: <http://www.philol.msu.ru/~rlc2004/ru/abstracts/?id=10&type> (дата обращения: 05.11.2012).
- ²¹ См.: Уэдинская Е. Указ. соч.
- ²² Андреева С. Указ. соч. С. 108.
- ²³ Степанов Ю. Индоевропейское предложение. М., 1989. С. 18.
- ²⁴ См.: Григорьева Н. Полифункциональные служебные слова : к проблеме статуса // Предложение и слово : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2010. С. 61–66.
- ²⁵ См.: Кобозева И. Полисемия дискурсивных слов и возможности ее разрешения в контексте предложения (на примере слова *вам*). URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2007/materials/html/38.htm> (дата обращения: 10.10.2012).

УДК 81'27

КОММУНИКАТИВНАЯ КАТЕГОРИЯ КАТЕГОРИЧНОСТИ И БЛИЗКИЕ ЕЙ КОММУНИКАТИВНЫЕ КАТЕГОРИИ

О. А. Акульшина

Саратовский государственный университет
E-mail: polise1988@rambler.ru

В статье прослеживается взаимосвязь категории категоричности и близких ей коммуникативных категорий, таких как объективность, истинность и эмоциональность.

Ключевые слова: категоричность, коммуникативное взаимодействие, коммуникативная неудача, категория объективности, категория истинности, категория эмоциональности.

Communicative Notion of Categoricalness and Similar Communicative Categories

O. A. Akulshina

The article traces the interrelation of the categoricalness notion and similar communicative categories, such as objectivity, truthfulness, and emotional capacity.

Key words: categorical, communicative interaction, communicative failure, category of objectivity, category of truthfulness, category of emotional capacity.

Человеческие отношения с лингвистической точки зрения представляют собой сложную сеть межличностных коммуникаций. Ежедневно мы вступаем в коммуникативное взаимодействие с десятками других людей (дома, на работе, в общественном транспорте, в магазине и т. д.), каждый из которых обладает собственным, уникальным набором личностных и коммуникативных характеристик. Важно, чтобы это коммуникативное взаимодействие происходило эффективно и беспрепятственно. Для этого выработаны этические и коммуникативные нормы, осуществляющие функцию регулирования и упорядочения коммуникации. С их помощью говорящий может рассчитывать на то, что он будет услышан и правильно понят в каждой отдельной коммуникативной ситуации. Соблюдение коммуникативных норм

позволяет говорящему сделать речь коммуникативно успешной и эффективной¹.

Категорию категоричности исследователи относят к важным коммуникативным категориям. В толковом словаре русского языка под редакцией С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой *категорический* по первому значению понимается как «ясный, безусловный, не допускающий иных толкований», по второму – «решительный, не допускающий возражений»². Е. П. Захарова определяет категорию категоричности как сопутствующую социально-этическую коммуникативную категорию, выполняющую регулятивную функцию в общении³. Категоричность – это один из инструментов, помогающих говорящему воздействовать на слушающего. Это воздействие может осуществляться при помощи многочисленных средств выражения категоричности, которые позволяют сделать речь говорящего убедительной, яркой, а его самого представить человеком, имеющим четко выраженную позицию по поводу обсуждаемого вопроса, показать его заинтересованность в происходящем. Говорящий должен уметь целесообразно использовать средства выражения категоричности. Тогда окружающими он будет воспринят как человек с четко выраженной позицией, человек с убеждениями. Но он не должен забывать о том, что чрезмерное использование средств выражения категоричности в коммуникации затрудняет процесс общения, может вызвать у адресата неприятие или даже отторжение информации.

Конфликтогенность категории категоричности признает большинство исследователей, справедливо отмечая, что излишне категоричное высказывание чаще всего приводит к коммуникативной неудаче. Под коммуникативной неудачей подразумевается такая ситуация общения, при которой цель, которую ставил перед собой адресант, не была достигнута. Авторы монографии «Межличностная коммуникация: теория и жизнь» отмечают, что «категоричная и поляризующая речь создает в разговоре атмосферу несвободы и закрытости – затрудняет возможность другим участникам открыто высказывать своё мнение, прекращает диалог»⁴. «Категоричный партнер создает впечатление, что он сосредоточен не на том, чтобы обсудить и решить вопрос, а на том, чтобы доказать свою правоту, настоять на своей точке зрения»⁵. С другой стороны, если говорящий откажется от использования средств выражения категоричности, то, возможно, это тоже приведет к коммуникативной неудаче, поскольку слушающий может воспринять его речь как малоубедительную, а самого адресанта как человека, не имеющего своей точки зрения, ярко выраженной позиции относительно того или иного вопроса. Говорящий должен использовать средства выражения категоричности целесообразно, стремиться убедить, а не переубедить адресата.

Попробуем доказать это на таком примере. В двух разных стилистических разновидностях

русского языка параллельно сосуществуют лексемы *лицо* и *рожа*. Если мы свяжем лексемы с обозначаемыми ими предметами реального мира, то окажется, что они означают примерно одно и то же – «переднюю часть головы человека»⁶. Несмотря на это, воздействие на собеседника эти лексемы оказывают абсолютно разное. Обе они состоят из определенного набора сем. Есть семы общие для этих слов, объединяющие их. Как правило, это нейтральные семы. Но есть также смысловозначительные, дифференцирующие семы. Так, например, *рожа* – некрасивое, безобразное лицо⁷. Следовательно, лексема *рожа* определяется через понятие «лицо» (передняя часть головы человека), но к этому понятию добавляются ещё и дополнительные смыслы – некрасивость, уродство, безобразие, несущие в себе негативную коннотацию, а следовательно, неблагоприятно воздействующие в речи на собеседника. Теперь посмотрим, как эти лексемы будут функционировать внутри контекста:

1) *Ну что вы её ругаете? // она и так лицо прячет от стыда // давайте сначала разберемся...* (ток-шоу «Пусть говорят»);

2) *Сидит он... // Гляньте... // Рожка твоя наглая... // Дать бы по ней / со всего маха... //* (ток-шоу «Пусть говорят»).

Говорящий в первом высказывании демонстрирует нам конформистский тип речевого поведения. Он пытается разобраться в очевидном конфликте, призывает агрессивно и негативно настроенных оппонентов толерантнее отнестись к объекту негодования, стремится достичь согласия и примирения конфликтующих сторон. Во втором случае говорящий оказывается нетерпимым к своему собеседнику и позволяет себе резкие негативные оценочные суждения в его адрес. Получается, что авторы высказываний хотят передать своим собеседникам (в данном случае аудитории) практически одну и ту же информацию, только выбирают они для этого разные языковые средства, которые в одном случае – при использовании лексемы *рожа* – приводят к созданию конфликтной ситуации и коммуникативной неудаче и, как следствие, прерыванию коммуникации. Это пример использования автором высказывания непродуктивной категоричности.

Категоричность может быть продуктивной и непродуктивной. *Непродуктивной* считается категоричность, которая приводит к конфликтности общения, к коммуникативной неудаче, к резкому обрыву коммуникации. Чаще всего такая категоричность выражена в тексте эксплицитно (разнообразными средствами, принадлежащими к разным уровням языка). В первом случае говорящим был выбран продуктивный вариант речевого поведения. Речевое поведение говорящего во втором примере, напротив, направлено на разжигание конфликта. Это непродуктивное речевое поведение, которое не поможет говорящему донести свою мысль до адресата. Следовательно,

цель коммуникации – обмен информацией – не была достигнута.

Продуктивной является такая категоричность, которая помогает автору эффективно воздействовать на адресата, при этом последний не воспринимает ее как давление на него с целью склонить на свою сторону, заставить принять чужую точку зрения. Понятие *продуктивный* определяется в словаре под редакцией С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой через понятие «плодотворный»⁸. Чаще всего добиться такого эффекта говорящему помогает использование имплицитной категоричности, выраженной в высказывании различными косвенными средствами. Такая категоричность «растворена» в высказывании и воздействует на читателя благодаря общему содержанию текста.

Категория категоричности – это коммуникативная категория, которая, по словам И. А. Стернина, является одним из «самых общих коммуникативных понятий, упорядочивающих знания человека об общении и нормах его осуществления»⁹. Понимание категории категоричности как сложного коммуникативно-когнитивного образования невозможно без описания ее основных параметров, а также круга явлений, пересекающихся или оказывающих влияние на нее. Об этом говорит И. А. Стернин: «Коммуникативные категории, как и любые мыслительные категории, тем или иным образом упорядочивают ментальные представления нации о нормах и правилах коммуникации. Это упорядочение осуществляется нежёстко, вероятностно, многие категории взаимно накладываются друг на друга и пересекаются друг с другом»¹⁰. Выделение признаков категоричности позволит нам идентифицировать категорию категоричности в тексте. Мы попробуем описать категорию категоричности с точки зрения ее информативной и прескриптивной составляющих (предписывающих, запретительных и интерпретирующих). Знание предписывающих составляющих категории категоричности позволит нам понять, где нужно и уместно употребить эту категорию, а где нет. Запретительные составляющие опишут нам случаи, когда использование категоричности приведет к коммуникативной неудаче. Интерпретирующие составляющие предложат нам варианты понимания реализации категории категоричности в рамках конкретной ситуации.

Заметим, что существует огромное количество коммуникативных контекстов, в которых реализуется категория категоричности, и эти контексты охватывают все сферы общения. При помощи этой категории говорящий выражает свое отношение к тому, о чем он говорит или что слышит. Безусловно, существуют определенные коммуникативные ситуации, для которых свойственно проявление категоричности, и, напротив, есть ситуации, где она встречается редко.

Основываясь на данных толковых, семантических словарей и словарей синонимов, мы

можем очертить круг явлений, которые оказываются не только семантически близки понятию категоричности, но могут выступать в качестве ее характеристик. Так мы обнаруживаем близость понятия *категоричный* и понятий *точный* («показывающий, передающий что-нибудь в полном соответствии с действительностью, с образцом, совершенно верный»¹¹), *уверенный* («твердый, не колеблющийся, не сомневающийся»¹²), *истинный* («1. соответствующий истине, содержащий истину; 2. точный, устанавливаемый научно; 3. действительный, настоящий, несомненный»¹³), *достоверный* («не вызывающий сомнений»¹⁴), *объективный* («3. непредвзятый, беспристрастный»¹⁵), *убежденный* («верящий во что-нибудь»¹⁶), *эмоциональный* («насыщенный эмоциями, выражающий их»¹⁷), *решительный* («2. исполненный твердости, непреклонности»¹⁸), *безусловный* («1. не ограниченный никакими условиями, полный, безоговорочный; 2. то же, что несомненный»¹⁹), *безапелляционный* («категорический, не допускающий возражений»²⁰), *директивный* («2. категорический, не терпящий возражений»²¹), *догматичный* («2. основанный на положениях, которые понимаются как догмы»²²), *императивный* («требовательный, категорический»²³), *конкретный* («реально существующий, вполне точно и вещественно определенный, в отличие от абстрактного, отвлеченного»²⁴), *однозначный* («3. исключающий другое или противоположное»²⁵), *ультимативный* («являющийся ультиматумом, категорический»²⁶).

Исходя из анализа содержания этих понятий, можно предпринять попытку раскрыть семантическое содержание категоричности. Прежде всего, нельзя отрицать, что категоричность может проявляться в любой коммуникации, как вербальной, так и невербальной. Существует ограниченное количество контекстов, в которых категоричность не проявляется вовсе (эти высказывания обладают нулевой категоричностью). Поскольку категоричность относится к сопутствующим (не основным) регулятивным категориям, она выступает в роли инструмента, позволяющего говорящему обогатить свою речь дополнительными смыслами, выражающими его отношение к передаваемой информации. Но регулятивных категорий, с помощью которых говорящий может выражать свое отношение к тому, о чем он пишет или говорит, достаточно много. Поэтому нам нужно выделить те смыслы, которые составляют семантическое ядро категории категоричности. *Категоричным* мы можем назвать говорящего, который верит, что непредвзято, беспристрастно, в полном соответствии с действительностью передает безусловно достоверную, не вызывающую у него сомнений информацию, в отношении которой и у адресата не возникает сомнений.

Во-первых, функционирование категории категоричности в речи коммуниканта связано с его пониманием *истинности* – *ложности* того, о чем

он говорит. В этом случае задача, которую ставит перед собой говорящий, заключается в том, чтобы повлиять на адресата, склонить и (или) заставить его изменить свое мнение, намерения, совершить нужное действие или поступок. Говорящий может попытаться заставить собеседника принять его информацию на веру, убедить его, доказать ему что-либо или даже внушить. М. А. Гловинская так формулирует это намерение адресанта: «Считая или зная, что адресат считает какой-то тезис не истинным или сомневается в его истинности, и желая, чтобы он считал его истинным, говорить ему об этом тезисе то, что может заставить его так считать»²⁷. Круг понятий, семантически пересекающихся с категорией категоричности, будет следующим: *истина – вера – доказательность – достоверность – убежденность – уверенность – неуверенность – сомнение – ложь*. Представим, что в данной цепочке понятия *истина* и *ложь* представляют собой два полюса значений, противопоставленных друг другу. Между этими двумя полюсами значений располагается еще некоторое количество понятий. Причем эти понятия расположены не хаотично, а в определенной последовательности. Понятия, расположенные между полюсами *истина – ложь*, отражают мнение говорящего в отношении истинности – ложности передаваемой информации, которая будет оценена по этой линейной шкале (условно: истина – положительный полюс, ложь – отрицательный). Чем теснее понятие *N* расположено к какому-либо полюсу, тем ближе оно к нему по значению. Значит, мы можем говорить о следующей зависимости: чем выше оценка говорящим передаваемой информации с позиции ее истинности, тем категоричнее его высказывания. Заметим, что в данном случае мы не учитываем ситуации общения, характеристик участников общения, их языковой, этической компетентности и других, то есть тех признаков, которые, безусловно, окажут сильнейшее влияние на течение коммуникации. Сейчас мы говорим только о семантической близости бинарной оппозиции *истина – ложь* и категории категоричности.

Таким образом, убежденность говорящего в истинности передаваемой информации и стремление передать ее адресату – одна из причин появления категоричных высказываний. В философском контексте *убеждение* понимается как один из элементов мировоззрения личности или социальной группы, придающий уверенность в своих взглядах на мир, знаниях и оценках реальной действительности²⁸. Человек все свое сознательное существование стремится передать накопленный опыт, знания, умения следующему поколению с целью облегчить его жизнь, помочь избежать допущенных ошибок. Возможно, именно этот факт стал одной из причин возникновения и развития категоричности как коммуникативной категории. Ведь категоричное высказывание говорящего есть не что иное, как его попытка донести истинное знание до адресата речи. Другой вопрос,

является ли это знание истинным на самом деле (то есть объективно). При помощи категоричных высказываний говорящий стремится доказать собеседнику свою правоту. Причем, отметим это еще раз, он может демонстрировать как знание какого-либо вопроса, так и убежденность в том, что он обладает этим знанием:

1) – *Да что ты мне рассказываешь? // Я матч своими глазами смотрел! // Три мяча они забили / и точка // и дальше можешь думать что хочешь / а было именно так //* (из разговора двух друзей);

2) – *Прививать дерево всегда нужно только с южной стороны // в противном случае прививка сто процентов не приживется //* (из разговора двух дачников);

3) – *Я никогда не разрешу тебе с ним играть! // Понял? //* (из разговора матери и ребенка).

Авторы этих высказываний, пытаясь доказать свою правоту, оказываются излишне категоричными. В первом случае говорящий пытается настоять на верном счете футбольного матча, полагаясь только на свою память. Говорящий во втором примере навязывает собеседникам свою манеру прививки деревьев. В третьем примере мать, без объяснения причины, запрещает ребенку играть со сверстником. Как правило, в подобных коммуникативных ситуациях, когда говорящие демонстрируют убежденность, граничащую с беспепелляционностью, может произойти коммуникативная неудача и неприятие, отторжение информации адресатом.

Еще более сложные связи возникают между категоричностью и бинарной оппозицией *объективность – субъективность*. Нужно заметить, что эта бинарная оппозиция представляет интерес для научных парадигм, предметом изучения которых является информация: для филологии, философии, юриспруденции и др. В философском контексте *объективность* характеризуется как некое понятие или явление, взятое без каких-либо примесей со стороны субъекта, идеальное, недостижимое даже научной парадигмой знание, которое существует в бытии как некий эталон, идеал²⁹. Предмет или явление может стремиться к объективности, но никогда она не будет целиком достигнута. Абсолютная объективность недостижима, поскольку любой факт при его презентации всегда интерпретируется конкретным субъектом. В отличие от объективности *субъективность* – это выражение представлений человека об окружающем мире, его точки зрения, чувств, убеждений, мнений, желаний. Именно с этой категорией тесно взаимосвязана категория категоричности.

В коммуникации объективность и субъективность неделимы. Все дело в том, что любой объективный факт, существующий в мире, употребляемый в вербальной или невербальной форме, обрастает субъективными признаками и оценками. Личные характеристики говорящего

всегда накладывают отпечаток на его речь. Как отмечает М. Л. Макаров, нельзя рассматривать объективность и субъективность как бинарную оппозицию, поскольку в реальной коммуникации они сосуществуют³⁰. При восприятии самой объективной информации человеческий разум ее трансформирует и накладывает свой отпечаток (эмоции, оценка). Информация при передаче несколько раз видоизменяется и искажается. Таким образом, возникают достаточно сложные отношения между пониманием объективности и передаваемой говорящим информацией. На наш взгляд, категория категоричности чаще всего связана с категорией субъективности, несмотря на то, что проявление ее в речи продиктовано желанием говорящего доказать свою максимальную объективность в отношении какого-либо вопроса. Категоричность в коммуникации возникает тогда, когда мнения, взгляды, принципы говорящих расходятся. Категоричность – это попытка говорящего заставить своего собеседника думать так же, как и он, воспринимать мир таким, каким он его воспринимает, навязать собеседнику свою псевдообъективную реальность. Именно из-за различного восприятия окружающей нас действительности и неготовности говорящих идти на компромиссы возникает коммуникативная неудача. Об этой черте русского характера говорит А. В. Сергеева: «Если в их (русских. – О. А.) голове родилась какая-то идея, то, преследуя её, они бывают упорны, упрямые, с трудом принимают иную точку зрения, их трудно переубедить»³¹.

Изучая социально-этические регулятивные категории, мы можем говорить о том, что границы между ними достаточно прозрачны, их периферии пересекаются, средства дублируются. Так, Г. В. Шамьенова отмечает, что социально-этические категории тесно взаимосвязаны, и объясняет это тем, что «эта сторона смысла не имеет собственной регулярно действующей системы средств выражения». Она считает, что «неграмматизированность социально-этических категорий в русском языке создает трудности в определении их границ, выявлении и систематизации языковых средств». Однако Г. В. Шамьенова отводит категории категоричности отдельное место и считает, что ее можно воспринимать как самостоятельную категорию³². Такой же взгляд на категорию категоричности высказывают и другие исследователи (Т. В. Шмелева, Т. В. Христенко).

Но категория категоричности обнаруживает взаимосвязь не только с социально-этическими категориями, такими как, например, категория вежливости. Так, Г. В. Шамьенова изучает категорию категоричности в паре с категорией деликатности, отмечая, что деликатность – явление более камерное, чем вежливость, и входящие в понятие деликатности смысловые компоненты чуткости, такта, внимания по отношению к собеседнику оказываются составляющими и вежливости в целом. Но, с другой стороны, если вежливость включает

в себя понятие деликатности, то и грубость, и категоричность – с отрицательным знаком признаки вежливости – близкие по своему значению смыслы – сосуществуют внутри категории вежливости в качестве содержательных вариантов. Но эти понятия не тождественны, так как категоричность не отвечает правилам вежливости, но не всегда расценивает как невежливость и тем более грубость. Регулятивная психологическая категория эмоциональности тоже является одним из параметров содержания категории категоричности, поскольку возникновение категоричных высказываний в речи говорящего всегда связано с выведением последнего из эмоционального равновесия. Эмоциональное восприятие окружающего мира – отличительная черта русского этноса. «Русская душа есть дитя прежде всего чувства и созерцания, тогда как рассудок и воля – вторичны»³³. Эту особенность русской нации отмечает и А. В. Сергеева и говорит о том, что эмоциональность заставляет русских решать проблему «не столько с помощью логики и здравого смысла (как делают это европейцы), сколько на основе эмоций и переживаний»³⁴. Категоричное высказывание всегда эмоционально насыщено, но эмоциональная речь не всегда категорична. Значит, категория категоричности в коммуникации всегда функционирует вместе с категорией эмоциональности. Следовательно, регулятивная категория эмоциональности выступает в качестве еще одного параметра категории категоричности.

Коммуникативная категория категоричности поддерживается в речи близкими ей коммуникативными категориями, такими как *истинность*, *объективность* и *эмоциональность*. Любопытный факт, существующий в мире, говорящий оценивает с точки зрения объективности его существования на предмет истинности. Из подобного анализа фактов складывается объективная картина мира отдельного говорящего. Категоричные высказывания в речи собеседников возникают из-за столкновения объективных картин мира отдельных коммуникантов, из-за попыток собеседников навязать друг другу свое видение объективного мира. Это желание несмотря ни на что доказать собеседнику свою правоту объясняет излишнюю эмоциональность говорящего в коммуникации.

Примечания

- 1 См.: Хорошая речь / под ред. М. Кормилицыной и О. Сиротининой. М., 2007. С. 163.
- 2 Ожегов С., Шведова Н. Толковый словарь русского языка. М., 1992. С. 939.
- 3 См.: Захарова Е. Типы коммуникативных категорий // Проблемы речевой коммуникации / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 1. Саратов, 2000. С. 13.
- 4 Межличностная коммуникация : теория и жизнь / под науч. ред. О. Матяш. СПб., 2011. С. 248.

- 5 Там же. С. 265.
 6 Ожегов С., Шведова Н. Толковый словарь русского языка. М., 1992. С. 1159.
 7 Там же. С. 2450.
 8 Там же. С. 2183.
 9 Стернин И. О национальном коммуникативном сознании // Лингвистический вестн. Вып. 4. Ижевск, 2002. С. 87.
 10 Там же. С. 91.
 11 Ожегов С., Шведова Н. Толковый словарь русского языка. М., 1992. С. 2905.
 12 Там же. С. 2965.
 13 Там же. С. 886.
 14 Там же. С. 600.
 15 Там же. С. 1569.
 16 Там же. С. 2959.
 17 Там же. С. 3288.
 18 Там же. С. 2438.
 19 Там же. С. 102.
 20 Там же. С. 93.
 21 Там же. С. 561.
 22 Там же. С. 576.
 23 Там же. С. 849.
 24 Там же. С. 1014.
 25 Там же. С. 1587.
 26 Там же. С. 2999.
 27 Гловинская М. Убеждения, уверения и доказательства в русском языке // Проблемы речевой коммуникации / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 1. Саратов, 2000. С. 57.
 28 См.: Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 197.
 29 Там же. С. 234.
 30 См.: Макаров М. Основы теории дискурса. М., 2003. С. 45.
 31 Сергеева А. Какие мы русские? (100 вопросов – 100 ответов). Книга для чтения о русском национальном характере. М., 2006. С. 36.
 32 Шамьенова Г. Принцип вежливости как особая коммуникативно-прагматическая категория в русском речевом общении : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2000. С. 73.
 33 Ильин И. Сущность и своеобразие русской культуры. М., 2007. С. 477.
 34 Сергеева А. Указ. соч. С. 259.

УДК 811.111'42:070

МОДУСНАЯ КАТЕГОРИЯ ТОНАЛЬНОСТИ И ЯЗЫКОВЫЕ СПОСОБЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

С. Е. Тупикова

Саратовский государственный университет
E-mail: tupikovase@mail.ru

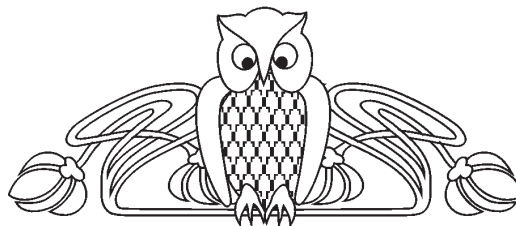
Статья посвящена освещению подходов к категоризации и изучению модусной (интерпретативной) категории тональности как способа выражения субъективного отношения говорящего к фактам объективной реальности. Объектом исследования является публицистический дискурс англоязычной качественной прессы.
Ключевые слова: категоризация, категория, модусная категория тональности, ментальная репрезентация, интерпретация.

Modus Category of Tonality and Methods of its Realization in Journalistic Discourse

S. E. Tupikova

The article focuses on different approaches to categorization and deals with the study of cognitive aspects of modus (interpretative) category of tonality as a means of expressing the speaker's subjective attitude to the facts of the objective reality. The complicated structure and methods of realization of tonality are shown on the example of journalistic discourse of the English language.
Key words: categorization, category, modus categories, category of tonality, mental representation, interpretation.

Бесспорно, язык является важнейшим средством коммуникации и выражения мысли с древ-

нейших времен по настоящее время, он служит инструментом познания, постоянного осмысления мира человеком и превращения опыта в знание. Как убедительно доказывают исследования отечественных и зарубежных лингвистов, язык служит не только средством передачи и хранения информации, но и инструментом, с помощью которого формируются новые понятия, во многом определяющие способ человеческого мышления. Выбор конкретных языковых средств оказывает влияние на структуру мышления и тем самым на процесс восприятия, интерпретации и осмысления действительности.

В современных лингвистических исследованиях большое значение придается изучению когнитивной деятельности как важнейшей для человека, напрямую соотносимой с понятием мышления и включающей перцептивный, понятийный и интерпретативно-оценочный аспекты. Им соответствуют основные уровни когнитивной деятельности: эмпирическое познание, первичное (понятийное) осмысление и осмысление вторичное (интерпретативно-оценочное)¹.

Познание, осуществляемое с помощью языка, способствует созданию картины мира, которая представляет собой целостную, содержательную *интерпретацию* окружающей действительности.

Такая интерпретация актуализируется разными языковыми формами, поскольку «опосредована языком». Языковая интерпретация, как справедливо замечает Н. Н. Болдырев, характеризует «процесс использования языковых средств для осмысления окружающей действительности», включающее формирование разных типов оценки, мнений и тональности². Иными словами, познание – это процесс построения особой концептуально-информационной модели действительности в человеческом сознании.

Построению такой концептуально-информационной модели действительности в человеческом сознании способствуют средства массовой информации, они не только отражают и описывают значимые события, но и передают свое отношение к описываемым фрагментам действительности. Такое отношение может быть выражено с помощью различных модусных категорий: модальности, тональности, персуазивности, эвиденциальности, аппроксимации, оценочности и др.

Дж. Лакофф утверждает, что «поскольку мы способны размышлять не только об отдельных вещах или людях, но и о категориях вещей и людей, категоризация является важнейшим аспектом для любого подхода к мышлению. Любая теория мышления должна опираться на соответствующие представления о категоризации»³. Процесс категоризации тесно связан со всеми когнитивными способностями человека, всеми компонентами когнитивной системы.

Категоризация – это мыслительный процесс, направленный на формирование категорий как понятий, «предельно обобщающих и классифицирующих результаты познавательной деятельности человека»⁴. Как пишет Е. С. Кубрякова, в узком смысле категоризация – это подведение вещи, явления, процесса и любой анализируемой сущности под определенную категорию как определенную рубрику опыта или знания и признания ее (этой сущности) членом этой категории. В более широком смысле категоризация – это сложный процесс формирования и выделения самих категорий по обнаруженным в анализируемых явлениях сходным им аналогичным сущностным признакам или свойствам⁵. То есть категоризация представляет собой результат человеческой когниции.

Прежде чем обратиться к анализу категории тональности, рассмотрим существующие подходы к классификации категорий. Во-первых, выделяют *классический подход*, при котором категория рассматривается как «некое множество, все члены которого разделяют общие признаки»⁶. Во-вторых, понятие категории изучалось с точки зрения *логического подхода*. Согласно логическому рассмотрению данного понятия, категория характеризовалась как предельно обобщенное понятие, отражающее наиболее существенные связи и отношения действительности и познания. При логическом подходе категоризация стала ассоциироваться с логической операцией обобщения⁷.

В-третьих, существует *подход на основе семейного сходства*, когда категории выделяются на основе подобия тех или иных характеристик у членов группы, входящих в данную категорию, а не по наличию у основного объекта и членов группы существенных признаков⁸. В этом случае только часть элементов категории будет обнаруживать какие-либо из этих признаков, а другим элементам будут свойственны совсем другие признаки. Л. фон Витгенштейн указывает, что единицы объединяются в категорию не благодаря наличию одинаковых критериальных признаков, но на основе некоторых сходных черт, которые ученый называет «фамильным сходством». Эти черты накладываются друг на друга и пересекаются, образуя категорию – «семью».

В-четвертых, выделяют *прототипический подход*, вследствие которого Э. Рош вывела в категории центр (ядро) и периферию⁹. Прототипическая теория категоризации занимает значительное место в когнитивистике. В ее основе лежат работы таких ученых, как Л. фон Витгенштейн и Э. Рош. Л. фон Витгенштейн в своих исследованиях ставит под вопрос тезис о том, что единицы той или иной категории обладают одинаковым набором признаков, вследствие чего их классификация происходит четко, а категория не может иметь «размытых» краев. Как отмечает Е. С. Кубрякова, «немалую значимость приобретает и вопрос о том, сколько членов формирует категорию», и в связи с этим подчеркивает, что «обнаружить общие черты у небольшого количества сравниваемых объектов гораздо легче, чем постулировать наличие единых признаков у всех многочисленных членов категории; ...если мы начинаем сопоставлять некие единицы попарно, одинаковые признаки для двух единиц выявить гораздо проще»¹⁰. Таким образом, можно констатировать тот факт, что сходство единиц становится очевидным при попарном сравнении. Однако чем большее количество единиц будет сопоставлено, тем меньше обнаружится общих черт¹¹.

Дж. Лакофф подчеркивает значение теории, разработанной Э. Рош, утверждая, что «теория прототипов в процессе своего развития меняет наш взгляд на наиболее фундаментальную способность человека – способность к категоризации – и тем самым вносит новое в наши представления о мышлении человека и о способах рассуждения»¹².

Как утверждают ученые, прототипический подход основан на том, что в любом естественном языке проводится меньше различий, чем в окружающем мире. Это объясняется тем, что в лингвистической категоризации отражаются, в первую очередь, не особенности конкретного языка, а особенности когниции, познания, то есть у них существуют когнитивные основания. Кроме того, элементы одной категории объединяются не потому, что они обладают свойствами, необходимыми и достаточными для каждого члена и обязательными для них, но потому, что они

демонстрируют (причем иногда в большей, иногда в меньшей степени) некоторые черты подобия или сходства с тем членом категории, который выбирается в качестве ее лучшего представителя и полнее всего репрезентируют эту категорию¹³.

Оппозиционный подход к выделению категорий заключается в противопоставлении членов одной категории другой, так как «объекты реального мира обнаруживают некоторые сходства и различия, т. е. реальный мир не хаотичен и определенным образом структурирован»¹⁴.

Существует и так называемый *полевой подход* к выделению категории, наиболее системно представленный в теории функционально-семантических категорий/полей. В рамках данного подхода предполагается, что все языковые элементы разных уровней, выполняющие сходные семантические функции, группируются в виде поля с центром и периферией. Центром служит элемент, семантически инвариантный по отношению ко всем другим элементам поля, которые образуют периферию. Как отмечает Н. Н. Болдырев, спорные вопросы данной теории касаются трактовки принципов определения центральности и границ формирования структуры и состава категории¹⁵.

Однако категории, выделенные на основе классического, прототипического, полевого, оппозиционного и логического подходов, по мнению Дж. Лакоффа, «не являются когнитивными», так как при их выделении не учитывались когнитивные механизмы, факторы и принципы категоризации как совокупности реальных ментальных операций, используемых человеком в процессах познания мира и его «языкования»¹⁶. И только современные работы по лингвистике описывают категории как когнитивные категории в их языковом воплощении и рассматривают их в неразрывной связи с мышлением, то есть как ментальные репрезентации реальности. Такой подход к выделению категорий получил название *когнитивный подход*.

Относительно лингвистической науки следует говорить о языковых категориях, имеющих чрезвычайно многообразный характер, поскольку язык содержит множество дифференцированных уровней и индивидуальных значений, отражающих все существующее в окружающем мире. Языковые категории не одинаковы и как носители человеческих знаний неравноценны. Поскольку категории различны по своей природе и назначению, они обладают разными устройством и стратификацией.

Ряд исследователей рассматривают в своих работах собственно *языковые категории*, под которыми понимают формы языкового сознания, с помощью которых человек упорядочивает полученные знания о мире и о себе, и которые обеспечивают единство языка как системы во всех его индивидуальных проявлениях. Аргументированным, на наш взгляд, представляется мнение о языковых категориях как об *особом*

*формате знания, то есть определенной форме или способе представления знаний на мыслительном или языковом уровнях*¹⁷.

Н. Н. Болдырев выделяет три системы языковой категоризации: лексическую, грамматическую и модусную (интерпретирующую или оценочную). Ученый говорит о данных системах категоризации как *базе для осуществления процесса понимания*¹⁸. Лексические значения и объединения слов отражают категоризацию естественных объектов, то есть *лексическая категоризация* представляет собой языковой аналог категоризации языковых объектов и объектов внутреннего мира человека. Как замечает Н. Н. Болдырев, *грамматические категории*, представляют собой естественные категории для языка. *Модусные категории*, к которым, на наш взгляд, принадлежит тональность, относятся к числу *коммуникативных*, поскольку они связаны с процессом использования языка.

Модусная категоризация отражает интерпретацию человеком результатов познания окружающего мира с разных позиций: в плане их соответствия представлениям человека о порядке вещей, его мнений и оценок, аксиологической системе. Система модусных категорий отражает антропоцентрический характер языка, позволяет человеку реализовать индивидуальность в восприятии и осмыслении событий, фактов, сущностей, передать индивидуальный характер знаний, свое отношение к ним¹⁹.

Данный тип категорий широко представлен в высказываниях, однако при этом они не имеют закрепленной формы выражения в силу того, что отражают размытые, часто субъективные или релятивные сущности, например оценочные, такие как отношение к содержанию высказываемого – модальное значение, значение аппроксимации (приблизительности, неточности), эмотивное значение, значение сомнения или отрицания, эвиденциальное значение, персуазивное значение и т. д. В целом модусные категории обеспечивают возможность различной интерпретации говорящим того или иного концептуального содержания и формирования на основе этого отдельных смыслов²⁰.

Рассмотрим в связи с вышесказанным модусную категорию тональности, задача которой обеспечить интерпретацию и оценку предлагаемой информации. Категория тональности возникает в процессе взаимодействия коммуникантов как языковых личностей и определяет установки и выбор всех средств общения.

Для анализа функционирования категории тональности мы использовали статьи жанра светской хроники – самого актуального в современной публицистике. Выбор данного жанра обусловлен тем, что он по природе своей субъективен, так как его основная цель – обозначить позицию говорящего, выразить его мнение к тому или иному человеку или событию. Кроме того, в исследуемом жанре позиция говорящего представлена наиболее

ярко, передается авторская оценка, присутствует эмоциональное отношение, требующее интерпретации слушателем. Все это позволяет максимально полно описать модусную (интерпретирующую) категорию тональности в плане ее репрезентации в публицистическом дискурсе.

Однако отметим, что понимание интерпретации не может ограничиваться, как справедливо отмечает Н. Н. Болдырев, операциями формирования и передачи знания в процессе коммуникации. «Интерпретирующая деятельность человека направлена также на транслирование его индивидуальных интенций, эмоциональных установок и оценок»²¹. Интерпретация ориентирована не только на передачу фрагмента знания говорящего, но и его мнения относительно этого знания, она может быть направлена на моделирование того или иного отношения адресата к содержанию сообщения.

Обратимся к статье Эммы Кук «*Children and apps: Should we fear the iNanny?*» («Дети и электронные приложения: Стоит ли нам бояться электронных нянь?»), опубликованной на сайте ежедневной британской газеты «The Guardian» и рассматривающей проблему зависимости современных детей от технических средств.

*The problem is, it's a shared family dependency and I can only really blame myself. I've recently bought a new laptop and smartphone and am enthralled with – and hooked on – both. I'm as addicted as they are, so do I have any right to complain? As a parent, I should monitor and impose many more rules than I do. Instead, I resort to exasperated threats, shrieking at them when it gets to homework, bath and guitar practice times*²².

Основным функциональным назначением модусных категорий является актуализация средствами языка субъективного отношения при выражении объективной реальности. Так, в данном примере модусная категория тональности актуализирует: 1) субъективное отношение автора к действительности – недовольство сложившейся ситуацией, зависимостью от технических средств; 2) квалификацию событий с точки зрения автора – дети, как и взрослые, в настоящее время слишком зависимы от технических устройств, в чем есть вина самих взрослых; 3) стремление автора каким-то образом воздействовать на реципиента, а именно заставить адресата обратить внимание на данную проблему и мотивировать его изменить сложившуюся ситуацию к лучшему. В примере в структуре единого концептуального пространства актуализированный компонент «чувство недовольства, озабоченности, тревоги и волнения» получает модус интерпретации «зависимость от технических средств – общая беда», что обеспечивается активизацией компонента «зависимость» лексической единицей *dependency* и противопоставлением традиционным детским занятиям и развлечениям *homework, bath and guitar practice*, раскрывающим диссонанс сложившейся ситуации.

Категория тональности репрезентируется в анализируемом примере на всех уровнях языка: на морфологическом уровне формами повелительного наклонения (*I should monitor and impose...*), вводно-модальными словами *so, instead, the problem is*, выражающими чувства тревоги и огорчения. На лексическом уровне диссонансная тональность (о чем говорит общий негативный эмотивный фон высказываний) репрезентируется, прежде всего, эмоционально-экспрессивной лексикой:

Dependency – 1) when someone is addicted to smb. or smth.; 2) when one thing is strongly affected by another thing; **Blame-** to say or think that someone or something is responsible for something bad; **To be enthralled with** – to make someone very interested and excited, so that they listen or watch something very carefully for a long time; **To be hooked on-** 1) to succeed in making someone interested in something or attracted to something; 2) if you are hooked on a drug, you feel a strong need for it and you cannot stop taking it (= addicted); **to complain** – to say that you are annoyed, not satisfied, or unhappy about something or someone; **to exasperate** – to make someone very annoyed by continuing to do something that upsets them; **threat** – a statement in which you tell someone that you will cause them harm or trouble if they do not do what you want, **shriek** – a loud high sound made because you are frightened, excited, angry etc.; to make a very high loud sound, especially because you are afraid, angry, excited, or in pain (= scream)²³.

На лексическом уровне диссонансная тональность репрезентируется также изобразительно-выразительными средствами – эпитетом *a shared family*, подчеркивающим общность проблемы, контрастом *I should monitor and impose ... Instead, I resort to exasperated threats ...*, сравнением *As a parent..., I'm as addicted as they are*.

На синтаксическом уровне модусная категория тональности реализуется синтаксическими повторами, риторическим вопросом *so do I have any right to complain?*, эмоционально нагруженным предложением (вопросительным), синтаксической конструкцией с типе *I've recently bought a new laptop and smartphone and am enthralled with – and hooked on – both*.

Следующий пример, взятый из статьи Джесс Картнер-Морли «*Victoria Beckham on song at New York fashion week*» («Виктория Бэкхем на неделе моды в Нью Йорке»), опубликованной в «The Guardian», освещает новость о необычном новом наряде Виктории Бэкхем, фото в котором она выложила в Интернете:

*Victoria Beckham shocked the fashion world last week when she tweeted a photo of herself wearing a daring new outfit. Rumours suggest either Andrex or Charmin were responsible for her posh, strong new look. She and her famous pals were having a bit of «normal» fun, and seemed keen to tell the world about it*²⁴.

В приведенном примере компонент «манера одеваться и манера поведения» в едином концептуальном пространстве получает модус интерпретации «вызывающая манера одеваться» и «самодовольная манера поведения». Это становится возможным за счет активизации диссонансной ироничной тональности на разных языковых уровнях (лексическом, грамматическом, синтаксическом), но ярче всего репрезентируемой на лексическом уровне за счет активизации оценочного компонента лексической семантики глагола *shock* – 1) *to make someone feel very surprised and upset, and unable to believe what has happened*; 2) *to make someone feel very offended, by talking or behaving in an immoral or socially unacceptable way*, интенсифицируемого эмоционально-окрашенной лексикой: *Daring* – *involving a lot of risk or danger; or brave enough to do risky things*; *Posh* – *a posh restaurant, hotel, car etc is expensive and looks as if it is used or owned by rich people*; *to be keen on* – *wanting to do something or wanting something to happen very much (= eager)*²⁵.

Использование представленных выше языковых средств репрезентации тональности показывает общее критическое отношение автора к описываемым людям и событиям и создает легко воспринимаемую читателями диссонансную и ироническую тональность.

Существование разных типов дискурса, имеющих особые коммуникативные цели и стратегии, приводит к пониманию того, что в каждом из них реализуются определенные типы тональности. Мы вовсе не утверждаем, что для англоязычного публицистического дискурса основным типом тональности является диссонансный, однако хотелось бы заметить, что для жанра светской хроники данный тип тональности в последнее время становится преобладающим, наряду с критическим, ироничным, оценочным, персуазивным; гораздо реже встречается тональность одобрительная, унисонная, комплиментарная.

Таким образом, анализ языкового материала показывает, что через тональность как модусную категорию выражается отношение пропозитивной основы содержания высказывания к действительности по признакам унисонность/диссонансность с помощью лексико-грамматических средств языка (наклонение глагола, модальные глаголы, модальные слова и сочетания, существительные и прилагательные соответствующей семантики), морфологических и синтаксических конструкций. В публицистическом дискурсе модус тональности репрезентирует отношение пропозитивной основы содержания высказывания к действительности (событию или человеку) и выражается комплексом лексико-грамматических и синтаксических языковых средств. Однако необходимо отметить, что субъективно-оценочная позиция автора (адресанта) в публицистическом дискурсе выражается не только категорией тональности, а посредством системы модусных категорий эвиденциальности,

модальности, тональности, аппроксимации, персуазивности и др.

Изучение фактологического материала позволяет резюмировать: тональность – это модусная категория, реализующаяся разноуровневыми языковыми средствами.

Примечания

- 1 См.: Кубрякова Е. Демьянков В., Панкрац Ю. [и др.]. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М., 1997.
- 2 Болдырев Н. Концептуализация функции отрицания как основа формирования категории // *Вопр. когнитивной лингвистики*. 2011. Вып. 1. С. 5.
- 3 Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи : Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004. С. 336.
- 4 Абишева К. Категоризация и ее основные принципы // *Вопр. когнитивной лингвистики*. 2013. Вып. 2. С. 21.
- 5 См.: Кубрякова Е. Язык и знание : На пути получения : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.
- 6 Аристотель. Метафизика. Ростов н/Д, 1999. С. 409.
- 7 См.: Шафиков С. Категории и концепты в лингвистике // *Вопр. языкознания*. 2007. № 2. С. 3.
- 8 См.: Витгенштейн Л. Философские работы. М., 1994.
- 9 См.: Rosh E. Principles of Categorization // *Cognition and Categorization*. Hillsdale. N.Y., 1978.
- 10 Кубрякова Е. Указ. соч. С. 100.
- 11 См.: Taylor J. Linguistic categorization : Prototypes in Linguistic theory. Oxford, 1989.
- 12 Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификатора // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка : пер. с англ. / сост. и ред. В. В. Петров, В. И. Герасимов М., 1988. С. 12.
- 13 См.: Tsohatzidis, J. Meaning and Prototypes. *Studies in Linguistic Categorization*. L., 1990 ; Кубрякова Е. С. Указ. соч.
- 14 Болдырев Н. Процессы концептуализации и категоризации в языке и роль в них имен абстрактной семантики // *Горизонты современной лингвистики : Традиции и новаторство*. М., 2000. С. 4.
- 15 См.: Болдырев Н. Языковые категории как формат знания // *Вопр. когнитивной лингвистики*. М., 2006. Вып. 2. С. 20.
- 16 Lakoff G. *Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind*. Chicago, 1987. P. 370.
- 17 См.: Болдырев Н. Языковые категории как формат знания.
- 18 См.: Болдырев Н. Концептуальная основа языка // *Когнитивные исследования языка*. Вып. IV. Концептуализация мира в языке / гл. ред. сер. Е. С. Кубрякова, отв. ред. вып. Н. Н. Болдырев. М. ; Тамбов, 2009. С. 25–77.
- 19 См.: Болдырев Н. Языковое сознание и интерпретация // *Когнитивные исследования языка*. Вып. VIII. Проблемы языкового сознания : материалы междунар. науч. конф. 15–17 сентября 2011 г. М., 2011.

- ²⁰ См.: Болдырев Н. Языковые категории как формат знания.
- ²¹ Болдырев Н., Панасенко Л. Когнитивная основа лексических категорий и их интерпретирующий потенциал // Вопр. когнитивной лингвистики. 2013. Вып. 2. С. 5.
- ²² Cook E. Children and apps : Should we fear the iNanny? // The Guardian. 2013. 27 April. URL: <http://www.theguardian.com/lifeandstyle/2013/apr/27/children-apps-fear-inanny.html> (дата обращения: 27.04.2013).
- ²³ Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <http://www.ldoceonline.com/dictionary> (дата обращения: 27.04.2013).
- ²⁴ Cartner-Morley J. Victoria Beckham on song at New York fashion week // The Guardian. 2013. 10 February. URL: <http://www.theguardian.com/fashion/2013/feb/10/victoria-beckham-on-song-at-new-york-fashion-week> (дата обращения: 15.02.2013).
- ²⁵ Болдырев Н. Языковые категории как формат знания. С. 5.

УДК 811.161.1'373.4:070

СНИЖЕННАЯ ЛЕКСИКА В ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТАХ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ОБЩЕЙ ТЕНДЕНЦИИ К ДЕМОКРАТИЗАЦИИ РЕЧИ В СМИ

А. И. Матяшевская

Саратовский государственный университет
E-mail: angelinacaribe@gmail.com

В статье рассматривается сниженная лексика в российских газетах различных типов. Определены её функции, частотность и способы введения.

Ключевые слова: язык СМИ, национальная специфика медиа-дискурса, речевая культура, сниженная лексика, функции, нарушение нормы.

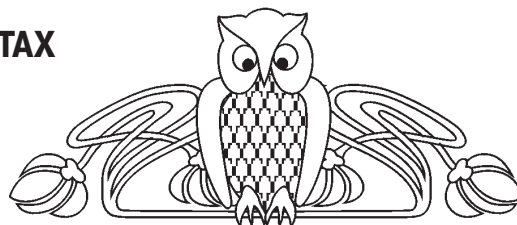
Usage of Substandard Vocabulary in Printed Mass Media as a Result of the General Trend Towards Conversationalization of Media Discourse

A. I. Matyashevskaya

The article presents the analysis of substandard vocabulary that is used in Russian newspapers of various types. It describes these words' functions, frequency of occurrence and ways of introducing them.

Key words: mass media language, national peculiarities of media discourse, speech culture, informal/spoken and taboo words, functions, violation of the norm.

В статье отражены результаты исследования российских газет «Аргументы и Факты», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец» (федеральный выпуск), «Новая газета», «Российская газета» (по 20 номеров за 2011–2013 гг.). Выбор данных изданий объясняется их принадлежностью к разным типам. «Комсомольскую правду» (далее – КП) отличает в основном развлекательная направленность публикаций, «Аргументы и Факты» (далее – АиФ) являются довольно серьезным, но не лишённым «желтизны» изданием; «Московский комсомолец» (далее – МК), «Новая газета» (далее – НГ), «Российская газета» (далее – РГ) по праву считаются «качественными» изданиями, при этом различаясь своими политическими ориентирами. РГ является официальной газетой Правительства Российской Федерации; НГ открыто выступает на стороне оппозиции; МК позиционирует себя как максимально независимое

издание, в последнее время притесняемое «партией власти». Поскольку в соответствии с нормами публицистического стиля на страницах газет не должна использоваться не только нелитературная, но и разговорная лексика (выполняющая ту же функцию снижения речи, что и нелитературная), будем все подобные употребления считать сниженными и выделять для анализа в рамках исследования наряду с нелитературными.

В ходе сравнения британской¹ и российской прессы обнаруживается целый ряд сходств, касающихся употребления сниженной лексики. Основной задачей данного исследования является определение степени целесообразности и допустимости использования сниженных элементов в газетных текстах. С точки зрения культуры речи, использование иноязычных элементов в речи СМИ считается оправданным при условии выполнения ими важных для журналиста функций. В первую очередь, сниженная лексика оказывается незаменимой для автора в стремлении заставить читателя воспринимать его как «своего». Сниженные лексемы в этой функции особенно востребованы как в российских, так и в британских газетах: прибегая к широким возможностям риторической категории разговорности², авторы добиваются эффекта располагающей доверительности и непринужденности представленных в статьях рассуждений: А телевизионщикам **голову ломай** (разг.) – как всё это показывать и комментировать, тем более когда **абсурд** из сюжета **так и прет** (разг.; НГ, 10.08.2012); Впрочем, объективности ради надо признать, что рекордсменами по низкой компетентности в этой истории показали себя не **опера** (разг.) и не **собровцы**, а те, кто санкционировал показ своего **дикого** пиар-ролика по телевидению. Вот уж они **конкретно накосячили** (жарг.; МК, 22.10.2013). При этом, касаясь острых социальных проблем, журналисты обеих стран часто усиливают воздействие разговорных лексем, добавляя инклюзивное местоимение «мы» и многочисленные риторические вопросы: Но почему Россия обязана принимать мигрантов,

обеспечивать работой, лечить, обучать их детей в школах, а теперь еще и принимать экзамен бесплатно? Почему здесь должны **раскошелиться** (разг.) мы, российские налогоплательщики, если знание русского языка выгодно самим трудовым мигрантам – хотя бы потому, что расширяет их возможности на российском рынке труда? (РГ, 14.05.13)

При этом российские издания, стремясь быть услышанными своей аудиторией и демонстрируя значимость её мнения, прибегают к прямым обращениям: Господа, так ведь это еще хуже! **Тупой** (разг.), ничего не ведающий **мужик** (разг.), у которого 5 лет подчиненные **уводили исподтишка** (разг.) миллиарды, продавали здания, не выполнялся оборонный заказ и проч.? То есть, **придурак** (разг.), у нас на военном ведомстве сидел? (АиФ, 19.11.2012) Более того, как правительственные, так и резко оппозиционные российские СМИ косвенно подчеркивают правильность взглядов своей потенциальной аудитории, а также её «избранность» в сравнении с остальным обществом: В итоге становится стыдно за страну, из которой лучшие люди вынуждены **валить** (жарг.) в поисках самореализации (НГ, 10.08.2012); Для многих либералов нежелание голосовать **за них, любимых** (разг.), а тем более готовность поддержать существующую власть – есть признак «дурака и быдла» (груб.; РГ, 07.08.2012).

Ещё одной характерной особенностью российской прессы является четко выраженное противопоставление «мы (народ) – они (коррупцированные чиновники и руководители)»: Чтобы **слезть с нефтяной иглы** (разг. метафора) и быть конкурентоспособными не только в сырьевой сфере, мы начали научный мегапроект «Сколково». Однако пока кроме как с необоснованным завышением зарплаты некоторых его сотрудников, а также с устранением конкурента в виде РАН этот проект у простых людей не ассоциируется (АиФ, 16.08.2013).

Кроме того, российские СМИ часто тяготеют к роли советчика, в довольно категоричной форме раздающего читателям единственно верные рекомендации: Вы говорите, вам **выносят мозг** (молод. жарг.) «мерчендайзеры» и «сейлзменеджеры» вкупе с «супервайзерами» и «манмейкерами»? Прочитайте книгу Максима Кронгауза «Русский язык на грани нервного срыва» – и вы успокоитесь (РГ, 11.07.2012); Раз на честность коммунальщиков **рассчитывать не приходится** (разг.), а госслужбы, которые должны их проверять, часто бездействуют, **не спускайте на тормозах** (разг.) **беспредел** (разг.) в платежах ЖКХ. Проверьте квитанции! (АиФ, 25.09.2013)

Для создания впечатления подчеркнутой объективности передаваемой информации как российские, так и британские журналисты прибегают к цитированию, содержащему разнобразную сниженную лексику. Использование цитат в составе статей, в первую очередь, обе-

регает журналистов от возможных судебных разбирательств: Глава областной госадминистрации Донецкой области (малая родина Виктора Януковича) бесперебойно выдает на-гора в столицу руководящие кадры и тонко чувствует настроения «шефа» – первым сформулировал новое отношение к журналистам: **«говнометчики** (груб.)», их «надо обнимать, а некоторых – давить» (цитата). (НГ, 04.03.13). При этом британские журналисты чаще всего дословно воспроизводят речь героев, тогда как российские издания более склонны к усечённой или даже косвенной цитации: Бердыев назвал работу арбитра «судейским **беспределом** (разг.)»: так он отреагировал на назначение penalties в ворота «Рубина» (АиФ, 24.09.2013); И добавил, **мол** (разг.), таким **разводом** (разг.) активно пользуются наши недобросовестные сотрудники (МК, 16.08.2012); Напомним, в конце прошлого года Генпрокуратура УрФО даже пригрозила снять мэра за **беспредел** (разг.) в коммунальной сфере (РГ, 25.07.2013). Кроме того, сниженные элементы часто служат способом неявного указания на уровень образования и общей культуры героя статьи: Говорят мне, что узбек какой-то с первой зарплаты купил эту **«шестерку»** (разг.) за 500 долларов, **гарцевал** (разг.) по району, **девок** (разг.) **цеплял** (разг.), **бычил** (жарг.; КП, 23.10.2013).

Универсальной чертой и российских, и британских газетных публикаций становится манипуляция сознанием аудитории при помощи приёма псевдоцитации. Часто журналист, как бы «читая мысли» героев статьи (в нижеследующем примере – всего египетского народа), заставляет читателей поверить в убедительность приводимых им доводов, а также своих не всегда оправданно обобщающих заявлений: От Мурси ждали, что он **даст по рукам** (разг.) коррупционерам и бюрократам, но свергнутый президент строил халифат и не обращал внимания на такие **мелочи** (ирон.), как экономика (КП, 09.07.2013); Они пошли на прорыв египетско-израильской границы, прекрасно понимая, что там их встретит до зубов вооруженный спецназ Израиля, который явно **не будет с ними церемониться** (разг.; РГ, 07.08.2012).

Чтобы подчеркнуть правомерность своих заявлений, журналисты опираются на авторитетное мнение: Как следует из фактов, которые приводятся в докладе Комиссии, в диссертационном совете по истории МПГУ работала машина по **«клепанию»** (разг.) фиктивных диссертаций (РГ, 01.02.2013); Эксперты полагают, что без заинтересованного участия влиятельных лиц, **крышующих** (разг.) китайских бизнесменов, дело тут не обошлось (МК, 23.10.2013). При этом как российские, так и британские журналисты во многих случаях прибегают к обобщенному экспертному мнению: Что касается решения ВАС, то, разделяя мнение юристов, приведу в их защиту свежий пример из реальной жизни. Сегодня в одном из южных регионов идет борьба за земельные паи совхоза, расположенного на морском побережье.

Рейдеры используют все средства, чтобы **раздербанить** (прост.) хозяйство с «**лакомой**» (разг.) территорией (РГ, 22.04.2011).

В отличие от более осторожных британских газет, рассмотренные нами российские издания значительно чаще обращаются к нереперентным источникам сведений: Экономически продвинутые рассказывают, будто праздник внедрились капиталисты, чтобы **впарить** (разг.) людям оставшиеся с Рождества и Нового года подарки (КП, 21.02.2013). Но в жёлтых изданиях активное обсуждение непроверенных слухов и сплетен обнаруживается в обеих странах: Недавно на просторах Интернета появилась новость, **мол** (разг.), певица Татьяна Буланова рассталась с мужем, экс-полузащитником «Зенита», а ныне – тренером дубля Владиславом Радимовым. **Дескать** (прост.), пара разъехалась, начался бракоразводный процесс (КП, 15.03.2013).

При помощи сниженных лексем журналисты обеих стран пытаются создать у читателя ощущение, что автор и герой публикации, принадлежащий к «миру богатых и знаменитых», хорошо знакомы, являются близкими приятелями (в российской прессе эффект усиливается нехарактерным использованием краткой формы имён), находятся «на короткой ноге», а, значит, знают друг о друге всю подноготную: Надя (Надежда Петрова. – А. М.), к сожалению, не сумела **дожать** (жарг.) соперницу – то россиянку беспокоили застарелые травмы, то она никак не могла совладать с нервами (РГ, 18.10.2012); Мне показалось, что **завалив** (жарг.) последний прыжок на высоте 4,80, Лена (Елена Исинбаева. – А. М.) даже чуть улыбнулась (НГ, 08.08.2012).

Для британской и российской прессы также характерно употребление сниженных лексем в роли знакомых и понятных читателям ярлыков – при этом значение подобной лексемы обладает яркими коннотациями, заключая в себе ёмкую характеристику предмета статьи и значительно расширяя её содержание: Сообща с «**интернетчиками**» (разг.) могли дружески попросить хозяина «Вашингтон пост» **заткнуть фонтан** (груб. разг.) и с помощью его **журналиог** (груб. разг.) вывести спецслужбы на след засекреченного на тот момент предателя (КП, 11.07.2013); Английские писатели – публицист Джон Арбетнот и сатирик Джонатан Свифт – выпустили серию памфлетов, где создали образ **тупого** (разг.) и **упёртого** (разг.) британского **бычьа** (разг.). Этаких **гопников** (жарг.; АиФ, 04.09.2013). В отличие от российской прессы, многие британские журналисты осознают неоправданность, оскорбительность ярлыковых характеристик, часто иронически обыгрывая подобные оценки в своих публикациях.

В журналистском тексте сниженные лексем часто используются именно из-за ёмкости своего содержания, заменяя собой целый ряд характеризующих слов: Иначе радикальные националисты получают все шансы на успех, и по стране запольха-

ет так, что **мама не горюй** (разг.; КП, 10.07.2013); или же выступая в качестве необходимой для избежания повторов синонимической замены: Теперь «**звездно-полосатые**» (разг.) в субботу сыграют с победителями встречи Швейцария – Чехия, результат которой станет известен после подписания этого номера «РГ» в печать (РГ, 17.05.2013).

Кроме того, российские и британские журналисты употребляют разговорные лексем, заботясь о своём читателе: «разбавляя» содержание информационно насыщенных статей, сниженная лексика значительно облегчает их восприятие: В среднем для бизнеса в России максимальный тариф составляет 4,6 рубля. А европейская средняя розничная цена 50–70 евроцентов за киловатт. На наши деньги получается максимум 27,3 рубля. **Как ни крути** (разг.), российская электроэнергия в среднем дешевле (РГ, 11.05.2012); Если сейчас приведенная выше **получка** (разг.) – это 1,6 от средней зарплаты по стране, то к 2021 году этот ценз вырастет до 2,3 (КП, 22.10.2013)

Повышенная диффузность значений многих разговорных лексем³ часто выручает журналистов при невозможности своевременно найти в своём лексиконе более подходящее слово: Забавно, что почти в то же самое время, достав из шкафа все свои **прибамбасы** (разг.), возобновил тренировки и Хокецу (НГ, 10.08.2012); Среди других возможных «**фишек**» (разг.) упоминались парк развлечений, гольф-клуб, зимний спортивный парк с горнолыжной трассой и другими прелестями для активного зимнего отдыха (РГ, 07.02.2012); 57 квадратных километров водной глади разрезают 40 маленьких и не очень островов. Но главная **фишка** (разг.) этого озера – рыба (АиФ, 29.08.2013). Разделяя точку зрения автора «Словаря модных слов» Вл. Новикова, считаем приведённые лексем неуместными в журналистской речи, поскольку «так говорят те, чей личный словарь не отличается разнообразием и красочностью»⁴. То же относится и к диффузным молодёжным жаргонизмам «прикольный», «выносить мозг» – присущая им стилистическая окраска делает их употребление неуместным в газетной статье, вызывая оправданное недовольство читателей: Ну, начать с того, что во всех залах (Государственного музея истории космонавтики имени К. Э. Циолковского. – А. М.), где представлены копии различных летательных аппаратов в полную величину (почему только копии?), то и дело встречались **совершенно выносящие мозг** (молод. жарг.) своими формами и цветом странные сооружения из монтажной пены и других материалов (РГ, 03.02.2012).

Сниженная лексика в печати становится универсальным действенным способом демонстрации отвержения, неприятия описываемого явления журналистом, который просто не в состоянии сдержать своих эмоций по этому поводу: Этот уникальный исторический момент, когда власть практически подвела уголовное дело к

скамье подсудимых, **профукало** (прост.) само общество (НГ, 10.08.2012); Наш патриотизм в том, чтоб устраивать патриотические **показухи** (разг.). Чем **показушней** (разг.), тем патриотичней (МК, 23.08.2013). Следует отметить, что яркой приметой публикаций оппозиционных российских журналистов является предельная резкость, порой даже грубость их высказываний. В текстах НГ некоторые журналисты демонстрируют полное неприятие альтернативных убеждений, навязывают читателям собственную точку зрения, не заботясь при этом о каких-либо серьёзных доказательствах и аргументах: Так вот, говорю я, есть мнение, что один из самых острых, тонких и сильных инструментов, эту душу обрабатывающих, – как раз жизнь во времена **дураков** (разг.), без каких-либо перспектив, с ощущением полного исторического тупика. Приходится признать, что меч закаляется не только в огне, но и в **говне** (груб.; НГ, 28.09.2012).

Иногда (хотя и значительно реже своих британских коллег) отечественные журналисты, считая сниженную лексему не вполне уместной и позволительной в данном контексте, осознанно дистанцируются от неё: заключают её в кавычки – «**Копали**» (разг.) под резкого санврача и в «Единой России» – за предложение отправить Госдуму в отставку (МК, 23.10.2013); Народный контроль в ЖКХ: как «**отбить**» (разг.) свои деньги (заголовки АиФ, 31.05.2013); дополнительно поясняют свой лексический выбор – Хитом мировых СМИ стали кадры, на которых Ким и Родман сидя бок о бок друг с другом, просто «**угорают**» (молод. жарг.) – иного слова и подобрать трудно – от смеха (РГ, 05.03.2013); оправдываются перед читателями – Ужас, который творился на игре московского «Динамо» с питерским «Зенитом» иначе как **беспределом** (разг.) не назовешь (АиФ, 19.11.2012); или же апеллируют к всеобщей речевой практике – Например, такие визиты могли бы ускорить оснащение дежурных частей и камер предварительного содержания, именуемых в народе «**обезьянниками**» (разг.; РГ, 07.08.2012).

Использование жаргонных лексем помогает журналистам в изображении колорита определённой социальной среды, одновременно подчёркивая некую причастность российских и британских авторов к описываемым ситуациям, их полную осведомлённость о жизни «теневого» мира. В некоторых случаях журналист вынужден давать необходимые пояснения относительно употреблённой жаргонной лексемы, поскольку рядовой читатель не владеет жаргоном в достаточной степени, чтобы «расшифровать» её значение: Так называемый «**грев**» (крим. жарг.) – продукты и вещи первой необходимости, которые передаются с воли, объединяются в «**общак**» (крим. жарг.) и раздаются, в том числе и тем осужденным, которые нуждаются в первую очередь (НГ, 03.10.2013); В спорах за эту «**полян**» (крим. жарг.) полегло немало мафиозных лидеров, чаще всего «**пиковый**

масти» (крим. жарг.) (перебравшихся в Россию с Кавказа и из Закавказья. – Ред.) (АиФ, 23.10.2013).

Однако благодаря постоянному тиражированию в российских СМИ многие криминальные жаргонизмы неоправданно расширили свою сочетаемость и прочно закрепились в составе литературного языка⁵, проникая даже в официальные тексты судебных решений: Непосредственно в бане взят министр здравоохранения Челябинской области Виталий Тесленко, а заодно там же советник губернатора Иван Сорокун – за **откаты** при закупках медицинского оборудования (НГ, 14.11.2012); В Белгороде по делу о трехмиллионном откате вынесли оправдательный приговор (КП, 30.08.2013); В производстве генерала Никандрова находится громкое дело о **крышевании** за взятки прокурорами и милиционерами целой сети незаконных игорных заведений в Московской области (АиФ, 15.10.2013). Одной из вероятных причин подобной экспансии криминальных жаргонизмов в высшие пласты языка считается неблагоприятная социальная ситуация в стране (жизнь не по закону, а «по понятиям», постоянные злоупотребления чиновников всех уровней власти): На фоне многомиллиардных хищений при госзакупках, **распилов и откатов** на верхних этажах власти какой-нибудь мэрокровопийца в уездном городке смотрится почти невинно (АиФ, 16.10.2013). В то же время в формировании речевой моды на подобные лексемы нельзя недооценивать роль явного пристрастия представителей «партии власти» к криминальным жаргонизмам: Белоусов «**наехал**» (крим. жарг.) на Кудрина, и правильно сделал: не одному ему на нас «**наезжать**» (крим. жарг.), – улыбнулся президент и передал слово Игнатьеву, который отметил стабильность банковской системы (РГ, 23.04.2013). По мнению лингвистов, бесконтрольное использование криминальных жаргонизмов СМИ чревато осмыслением как политической, так и повседневной действительности «в категориях блатного жаргона»⁶: Московские власти будут бороться с незаконной рекламой по телефону. Рекламодатель может, конечно, сменить номер, но смысл? **Прессовать** (крим. жарг.) начнут и по новому номеру (РГ, 10.05.2012); Последнее время Онищенко вёл активную борьбу с производителями иностранных продуктов, находя в них бактерии или антибиотики. АиФ. ru вспоминает самые последние «наезды» (крим. жарг.) уже бывшего главы Роспотребнадзора (АиФ, 22.10.2013); Через два года начались семейные **разборки** (крим. жарг.), а потом – снова в загс, но теперь разводиться (КП, 19.01.2013); Осы и шершни – совсем другая **братва** (крим. жарг.). Они самые настоящие агрессоры, нападают первыми, просто так, потому что так захотелось (АиФ, 13.05.2011). При этом российские журналисты, интригуя потенциальных читателей, могут обыгрывать прямое и переносное значение криминального жаргонизма: Военную разведку

замочили (в ходе учений заставили плавать. – А. М.) в буквальном смысле, но «убить» даже в переносном не смогли (РГ, 25.07.2013); Как корреспондента «КП» **замочили** (из водяного пистолета. – А. М.) в центре города (КП, 20.06.2011). Намеренно создавая в погоне за ложной сенсационностью эффект нарушенного ожидания, чаще всего журналист достигает обратного результата: вызывает непонимание и недовольство читателей, итогом которого становится нежелание полностью прочитать статью⁷.

По нашим наблюдениям, проникновение сниженных лексем в газетные заголовки более характерно для газет с преобладанием развлекательной тематики, причём британские журналисты в целом активнее используют сниженную лексику в качестве компонента языковой игры в своих заголовках, чем российские авторы. Тем не менее сниженная лексика иногда проникает и в заголовки качественных газет – несмотря на серьёзность тематики и довольно сдержанный, официальный стиль основного текста статьи: **Приняли на грудь** (разг.) (о некачественных грудных имплантах, угрожающих здоровью европейских женщин. – А. М.) (РГ, 22.12.2011); **Гонят пургу** (жарг.) (о циклоне на Камчатке. – А. М.) (РГ, 29.03.2013).

Кроме того, невозможно оставить без внимания факт регулярного злоупотребления просторечным «аккурат» со стороны отечественных изданий всех типов⁸: Ольга Соколова по просьбе сына в 2012 году снимала им с Найдой Асияловой квартиру. Причем в том же военном городке Долгопрудного – **аккурат** в доме напротив (КП, 23.10.2013); Корреспондент «АиФ» заглянул на ежегодный форум **аккурат** на следующий день после вынесения приговора Алексею Навальному (АиФ, 22.07.2013); – Не надо соваться туда, – советует мне продавщица в табачном ларьке, расположенном **аккурат** напротив двери (МК, 23.10.2013); Время показа волнует их еще как – сериал начался вместе с прениями и закончится **аккурат** под приговор, который будут выносить присяжные (НГ, 18.10.2013); **Аккурат** ко Дню независимости США, который отмечают 4 июля, после долгого и дорогостоящего ремонта откроется самый узнаваемый символ Америки – статуя Свободы (РГ, 04.07.2013).

Итак, результаты данного исследования согласуются с утверждениями целого ряда лингвистов о размывании границ между письменной (более официальной, подготовленной) и устной (спонтанной) речью, проникновении в язык российских СМИ как разговорных конструкций, не противоречащих нормам литературного языка, так и жаргонизмов, просторечных слов, инвектив, а также о повышении общей эмоциональности и выразительности медийных текстов⁹. При этом повышение экспрессивности текстов СМИ за счет возможностей разговорной лексики, а также всевозрастающий субъективизм публикаций рас-

сматривается исследователями как глобальное явление¹⁰.

Поскольку главным признаком хорошей речи считается её целесообразность¹¹, допустимым с точки зрения культуры речи считается употребление сниженной лексики в текстах массмедиа при условии, что данные лексемы используются в качестве средства речевой характеристики, передают колорит определённого временного периода или социальных групп, расширяют возможности выражения оценки¹², служат «главной стратегической цели газетного текста – социального воздействия на читателя»¹³.

Однако свободное использование сниженной лексики далеко не всегда оправданно и целесообразно: в одних случаях – это употребление языковых средств в целях повышения выразительности, использование риторической категории разговорности, направленное на реализацию стратегии близости к массовому адресату; в других – явное проявление вербальной агрессии, неуместное опрошение речи, свидетельствующее об откровенной некомпетентности журналиста. Вслед за О. Б. Сиротининой и М. А. Кормилицыной полагаем, что истинный профессионализм журналиста подразумевает ответственное отношение к языку¹⁴: «в погоне за выразительностью» нельзя забывать о «речевых, этических и даже эстетических нормах»¹⁵, поскольку тексты СМИ являются эталоном для большинства читателей¹⁶. Опираясь на мнение Б. Н. Головина, считаем главным признаком «чистоты» журналистского текста отсутствие в нём «элементов языка, отвергаемых нормами нравственности»¹⁷: излишнее насыщение некоторых текстов российской прессы сниженной лексикой, недопустимо – журналисты должны быть более ответственны в соблюдении норм литературного языка.

Примечания

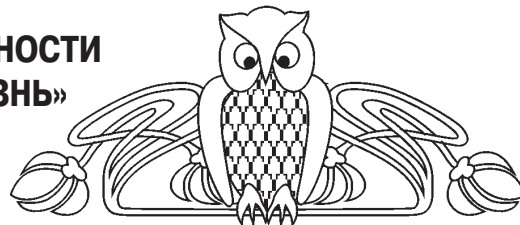
- 1 См.: Матяшевская А. Сниженная лексика в британских СМИ (на материале газет The Observer, The Sun и The Daily Star) // Вторая международная научная конференция «Стилистика сегодня завтра : медиатекст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах» : материалы конф. М., 2012 ; Она же. Особенности функционирования сниженной лексики в британских газетах The Guardian и The Independent // Предложение и слово : сб. науч. тр. Саратов, 2013.
- 2 См.: Сиротинина О. О терминах «разговорная речь», «разговорность» и «разговорный тип речевой культуры» // Лики языка / Ин-т рус. языка РАН. М., 1998.
- 3 См.: Сиротинина О. Общение в зоне рисков и тенденция к диффузности значений // Проблемы речевой коммуникации / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 12. Саратов, 2012. С. 5–13.
- 4 Новиков Вл. Словарь модных слов. М., 2012. С. 226.
- 5 См.: Сиротинина О. Русский язык : система, узус и создаваемые ими риски. Саратов, 2013.

- 6 Сурикова Т. Этический аспект языка СМИ // Язык массовой и межличностной коммуникации : сб. М., 2007. С. 143.
- 7 См.: Кормилицына М. Качество передаваемой в печатных СМИ информации как фактор социальных рисков // Проблемы речевой коммуникации / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 12. Саратов, 2012.
- 8 См.: Сиротинина О. Русский язык : система, узус и создаваемые ими риски.
- 9 См.: Петрова Н., Рацибурская Л. Язык современных СМИ : средства речевой агрессии. М., 2011.
- 10 См.: Fairclough N. Media Discourse. L., 1995 ; Микоян А. Проблемы перевода текстов СМИ // Язык средств массовой информации : учеб. пособие для вузов / под ред. М. Н. Володиной. М., 2008. С. 445.
- 11 См.: Хорошая речь / под ред. М. А. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой. М., 2007. С. 17.
- 12 См.: Петрова Н., Рацибурская Л. Указ. соч. ; Кануткина Е. Либерализация языка средств массовой информации как фактор изменения языковых норм // Тенденции развития языка СМИ : актуальные проблемы : материалы Второй междунар. заоч. науч.-практ. конф. молодых исследователей, 26 нояб. 2011 г. / под общ. ред. С. В. Гуськовой. Тамбов, 2011.
- 13 Кормилицына М., Сиротинина О. Язык СМИ : учеб. пособие. Саратов, 2011. С. 61.
- 14 См.: Сиротинина О. Русский язык : система, узус и создаваемые ими риски.
- 15 Кормилицына М. Целесообразность использования выразительных средств как один из показателей коммуникативной компетентности журналиста // Проблемы речевой коммуникации / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2011. Вып. 11. С. 13.
- 16 См.: Сиротинина О. Русский язык : система, узус и создаваемые ими риски ; Добросклонская Т. Медиалингвистика : системный подход к изучению языка СМИ (современная английская медиаречь). М., 2008.
- 17 Головин Б. Основы культуры речи : учебник для вузов. М., 1988. С. 164.

УДК 811.111'42:070

СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «БОЛЕЗНЬ» В РАЗГОВОРНОМ ДИСКУРСЕ (на материале спонтанной неофициальной разговорной речи медиков)

Т. В. Родионова

Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского
E-mail: rodionovav2011@mail.ru

Статья посвящена исследованию речи отдельных социально-профессиональных групп с позиций теории семантических полей. Рассматривается специфика лексико-семантического поля «Болезнь» на материале спонтанной неофициальной разговорной речи медиков, дается структурно-функциональный анализ исследуемого поля.

Ключевые слова: социально-профессиональная группа, лексико-семантическое поле «Болезнь», спонтанная неофициальная разговорная речь медиков.

Structural and Functional Peculiarities of the Lexical-Semantic Field «Disease» in Conversational Discourse (on the material of spontaneous informal speech of physicians)

T. V. Rodionova

The article focuses on the analysis of some social and professional group discourse from the viewpoint of semantic fields theory. The peculiarities of the lexical-semantic field «Disease» are described based on the material of spontaneous informal conversational discourse of physicians; the structural and functional analysis of the field in question is given.

Key words: social and professional group, lexical-semantic field «Disease», spontaneous informal conversational discourse of physicians.

Одной из наиболее актуальных проблем антропологического направления современной лингвистики последних десятилетий является изучение человеческого фактора в языке и языкового фактора в человеке. В связи с этим несомненный научный интерес представляет исследование речи социально-профессиональных коллективов и отдельных языковых личностей.

Проблемам теории семантических полей посвящено большое количество работ в лингвистической литературе. Исследование языка и речи с позиций теории семантических полей способствует выявлению истинного положения единиц в языке, поскольку в поле раскрывается и реализуется картина мира. Большинство исследователей понимают лексико-семантическое поле (ЛСП) как «тесно связанный по смыслу раздел словаря»¹, как внутренне связанные отрезки словаря, элементы которого ограничивают друг друга и покрывают какую-либо понятийную сферу.

«Поле – совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное сходство обозначаемых явлений»². Характерными признаками поля являются связь слов и их отдельных значений, системность этих связей, относительная автономность, наличие ядра и периферии.

С целью выявления структурно-функциональной специфики ЛСП «Болезнь» в разных

типах медицинского дискурса было предпринято комплексное исследование речи медиков на материале монографий и научных статей из медицинских журналов (письменная научная речь – ПНР), магнитофонных записей лекций медицинской тематики, прочитанных профессорами и доцентами Саратовского государственного медицинского университета студентам старших курсов (устная научная речь – УНР) и магнитофонных записей спонтанных неофициальных бесед с врачами разных специальностей (разговорная речь – РР). Объем материала составил примерно 25 000 словоупотреблений по каждому типу речи. В комплексном исследовании также использовались результаты психолингвистического эксперимента, проведенного с двумя группами информантов (медиками и немедиками)³. В рамках данной статьи рассматривается специфика исследуемого поля в разговорной речи медиков.

Во всех исследуемых типах медицинского дискурса хорошо выделяется и структурируется ЛСП «Болезнь». Оно обладает всеми необходимыми «полевыми» признаками: общностью состава; целостностью; произвольностью; размытостью границ; пересечением с другими полями; системным характером связей между элементами поля; выделительностью его в составе языка (и речи); зонной организацией и др.⁴

Структура ЛСП «Болезнь» в РР медиков идентична структуре поля в ПНР⁵ и УНР⁶, она представлена теми же шестнадцатью лексическими группировками и имеет такую же зонную организацию: ядро, околоядерную зону и периферию. В данной статье рассматривается ядро ЛСП «Болезнь», наиболее ярко отражающее структурно-функциональные особенности поля.

Ядро поля в РР медиков включает в себя имя поля – *болезнь*, синоним к имени поля *заболевание*, квазисинонимы *патология*, («...Самой тяжелой патологией у беременных является пиелонефрит...»), *нарушение* («...Рентген может выявить легочные нарушения...»), *расстройство* («...Пришел один дедок (в клинику урологии), старый уже..., с таким вот расстройством. Что-то у него там с почками, кровь в моче. Простатитчик, короче...») и две лексико-семантические группы (ЛСГ) «Виды болезней» и «Субъект болезни».

Имя поля *болезнь* употребляется чаще, чем синоним к имени поля *заболевание*, в то время как в ПНР и УНР наблюдается обратная тенденция. Случаи квазисинонимии в РР медиков не так регулярны и многочисленны, как в ПНР и УНР; самым распространенным квазисинонимом является *патология*.

Парадигматически имя поля, его синоним и квазисинонимы связаны отношениями семантического тождества. Наиболее характерными из синтагматических связей являются: А + N (*бессимптомное заболевание, легочные нарушения, интересная/актуальная/тяжелая патология*); N₁ + (в) + N₂ (*патология в легких*). Чаще всего

вторым членом синтагматической цепи являются слова, относящиеся к полю «Телесный», к полю «Оценка», а также слова, вошедшие в околоядерную группировку «Симптомы болезни». В ряде случаев наблюдаются слабые синтагматические связи: «...А стресс сейчас ведь, ну, над всеми болезнями первый фактор...», «...Туберкулез – это именно то заболевание, которое много видно и мало исследовано...».

Внутренняя структура ядерной ЛСГ «Виды болезней» в РР не обнаруживает той сложности и разветвленности, которые присущи этой ЛСГ в ПНР и УНР медиков; здесь не наблюдается детализации при классификации болезней, поскольку в РР в этом и нет необходимости. Детальное рассмотрение конкретных подвидов и форм болезней неактуально для РР, так как речь идет только о том, что интересует собеседников, или о том, что им уже известно и понятно без слов.

Парадигматика единиц данной ЛСГ в РР намного беднее, чем в ПНР и УНР; она представлена, главным образом, родо-видовыми связями (*травма – ожог, рана, вывих; болезнь – бронхит, гипертония*). Синонимические отношения представлены примером: «...**Туберкулез** – это инфекционное заболевание все-таки. Большой живет себе и не знает, а потом у него резко так эта **болячка** вдруг появилась...», но это случай стилистической синонимии, поскольку лексема «*болячка*» имеет в слове помету «разг.» и обозначает вовсе не болезнь, а «гнойную ранку на коже, струп».

Синтагматика единиц ЛСГ «Виды болезней» в РР принципиально отличается от синтагматики единиц данной ЛСГ в ПНР и УНР медиков. Основная синтагматическая модель – N + (предлог) + N (*умереть от травм, предрасположен к аллергии, вправить вывих, заработать геморрой, зашить рану* и др.). Это связано с тем, что для РР характерно употребление большего количества глагольной лексики по сравнению с ПНР и УНР.

Вторая ядерная ЛСГ – «Субъект болезни» – представлена в РР значительно большим (по сравнению с ПНР и УНР) количеством единиц, что является ярко выраженной особенностью РР медиков. Центральной единицей этой ЛСГ в РР является лексема «*большой*» (гипероним); все остальные единицы ЛСГ – гипонимы к данной лексеме (*астеник, астматик, гипертоник, диабетик, неврастеник, неврастеничка, сердечник, сердечница, хроник, язвенник* и др.). Основной вид парадигматических связей в ЛСГ – родо-видовые отношения. Большинство согипонимов связаны отношениями формально-семантического тождества (*аллергик, алкоголик, неврастеник; бронхитчик, простатитчик; психопат – психопатка, сердечник – сердечница*). В двух случаях наблюдается оппозиция семантического тождества: *алкоголик – пьяница, психопат – псих*.

Ряд слов ЛСГ «Субъект болезни» не имеет словарных толкований⁷ либо в их толковании

отсутствует сема «болезнь» или, в одном случае, сема «человек, лицо». Тем не менее эти слова были отнесены к данной ЛСГ нашего поля, поскольку в контексте произошла актуализация этих сем. Не вызывает никаких сомнений правомерное отнесение лексем *бронхитчик*, *гастритчик*, *лейкозник*, *невротик*, *простатитчик*, *психопатка* к ЛСГ «Субъект болезни», поскольку:

а) данные лексемы содержат сему «болезнь», а их суффиксы – сему «лицо, человек». Толковые словари русского языка не дают словарных дефиниций к перечисленным лексемам, однако семная структура этих слов достаточно «прозрачна», что и позволяет нам толковать эти слова по аналогии с другими подобными, зафиксированными в словарях. Например: *бронхитчик* – Человек, страдающий бронхитом; *простатитчик* – Человек, страдающий простатитом (лицо мужского пола); *психопатка* – Лицо женского пола, страдающее психопатией; психически неуравновешенная женщина (или: женск. к *психопат*);

б) данные лексемы достаточно регулярно встречаются в РР самих медиков. Более того, в РР медики чаще употребляют, например, не лексему «*диабетик*», а лексему «*диабетчик*» (или «*диабетчица*»). По-видимому, такой способ образования слов со значением «лица, страдающего какой-либо болезнью» достаточно продуктивен в РР медиков.

Две другие лексемы – *клиент* и *смертник*, хотя и зафиксированы в словаре, но по семному составу своих словарных дефиниций не могут быть отнесены к описываемой ЛСГ. Однако мы включили эти слова в ЛСГ «Субъект болезни» нашего поля, поскольку в речи медиков они выступают в следующих значениях: **клиент** – только что умерший больной, которого необходимо отвезти в больничный морг и на которого необходимо написать эпикриз, то есть заключение врача о смерти больного («...Сидим в ординаторской, заходит медбрат и говорит: “Все, Г.М., клиент готов, везите на вскрытие”. Ну, я встала и пошла...”); **смертник** – «тяжелый» больной, имеющий травмы или болезни, не совместимые с жизнью, который не сможет выжить и умрет в ближайшее время от своих травм или болезней («...В нашем отделении лежат сейчас одни смертники: кому голову проломили, кому мозги отстрелили...»).

Характерно, что оба эти слова употребляются в среде медработников нейрохирургического отделения больницы, в котором, как известно, действительно лежат самые «тяжелые» больные. Оба эти слова медики используют при общении друг с другом в присутствии родственников других больных и посторонних людей. Слово «клиент», по-видимому, является эвфемизмом для слов «покойник», «труп», «умерший». В речи врачей других отделений больницы эти слова нам не встретились, хотя, возможно, для их употребления просто не было повода.

Две другие лексемы – *ракушка* и *чернобылец* – вошли в ЛСГ «Болезнь», поскольку в РР медиков они развили семы, связанные с болезнью: **ракушка** – Человек, больной раком («...В онкологии врачи называют своих больных ракушками, да и сами больные, наверное, знают это название...»); **чернобылец** – Человек, участвовавший в ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС; с точки зрения врачей – обязательно страдающий целым рядом заболеваний и нуждающийся в оформлении инвалидности («...И вообще, – сказала участковый врач, – вот, у меня муж тоже чернобылец, а у меня ничего не получается с оформлением ему инвалидности...»). Характерно, что слово «ракушка» не употребляется (или нам не встретилось) никакими другими медицинскими специалистами, кроме врачей-онкологов. На слово же «чернобылец», предложенное как слово-стимул при проведении свободного ассоциативного психолингвистического эксперимента врачам разных специальностей, все медики высказали единую реакцию, считая чернобыльцев однозначно больными людьми. Вот примеры их ответов-реакций на слово-стимул «**чернобылец**»: больной, невротичный, покалеченный своим неврозом, невропат, неуравновешенный психически, получивший большую дозу радиации, должен претендовать на группу инвалидности, глубокий инвалид, постоянно болеет, головные боли и т. д.⁸

Синтагматика единиц ЛСГ «Субъект болезни» представлена, главным образом, моделью $A + N$ (*титичный аллергик*, *страшный астматик*, *классический психопат*, *законченная неврастеничка*). Второй член синтагматической цепи чаще всего выражен словом, относящимся к полю «Оценка», что очень характерно для РР.

В целом ядро ЛСП «Болезнь» в РР медиков характеризуется меньшей по сравнению с ПНР и УНР концентрированностью, однако оно так же открыто для пополнения его новыми единицами. Особенно интенсивно пополняется в РР ядерная ЛСГ «Субъект болезни».

Как известно, типичной сферой проявления разговорного стиля речи является сфера бытовых отношений. С областью обиходного общения связаны содержательные особенности и конкретный характер мышления, отражающиеся в РР.

«Наиболее общими специфическими стилиевыми чертами разговорного стиля речи является непринужденный и даже фамильярный характер речи (и отдельных языковых единиц), глубокая эллиптичность, конкретизированный (а не понятийный) характер речи, прерывистость и непоследовательность ее с логической точки зрения, эмоционально-оценочная информативность и аффективность. Типичными (но не специфическими) стилиевыми чертами РР являются идиоматичность и известная стандартизованность, личностный характер речи...»⁹

Стилеобразующие черты РР находят яркое и последовательное отражение в составе употре-

бляемых в этой сфере языковых единиц и особенностях их функционирования.

Лексический состав ЛСП «Болезнь» в РР медиков отражает, с одной стороны, специфические черты, характерные для разговорного стиля речи, а с другой стороны – черты, характерные для научного стиля речи. В этом заключается особенность поля в РР.

По сравнению с ПНР и УНР, в РР существенно снижается доля терминов-единиц ЛСП. По данным толковых словарей русского языка, термины в составе ядра ЛСП «Болезнь» в РР, имеющие пометы «спец.», «мед.», «биол.», составляют 10% (*патология, диабет, диатез, аллергия, опухоль, ОРЗ*). В Энциклопедический словарь медицинских терминов включено 50% ядерной лексики, не имеющей помет в толковых словарях, то есть подавляющее большинство терминологической лексики ядра поля в РР составляют хорошо известные, распространенные, общеупотребительные термины (*туберкулез, пневмония, травма, ожог, ангина, бронхит, рак, гангрена, рана, крапивница* и др.).

Узкоспециальные термины в ядре поля РР представлены несколькими единицами (*саркоидоз, пиелонефрит, арахноидит, дистония, нарколепсия, дисциркуляторная энцефалопатия*), не нашедшими отражения в толковых словарях.

В отличие от ПНР и УНР, подавляющее большинство терминов единиц ЛСП «Болезнь» в РР представляют собой простые термины, терминологические сочетания единичны (*дисциркуляторная энцефалопатия*). В ядре поля не встречаются сложные слова, случаи употребления общепринятых сокращений единичны (*ОРЗ*). В РР, в отличие от ПНР и УНР, значительно возрастает доля профессионализмов и особенно жаргонизмов с ярко выраженным коннотативным компонентом (*клиент, псих, простатитчик*).

Общеупотребительная лексика ядра поля составляет 90% и включает одну «просторечную» (*псих*) и ряд «разговорных» лексем (*болячка, гипертоник, легочник, сердечник, хроник* и др.).

Такие стилевые черты РР, как употребительность языковых единиц конкретного значения и нехарактерность средств с отвлеченно-обобщенным значением, предполагают в частеречном отношении преобладание в РР глаголов над существительными¹⁰.

Особенностью ЛСП в РР медиков является именной характер лексики; наиболее ярко эта черта проявляется в ядре поля, которое на 100% состоит из имен существительных и их синтаксических дериватов – имен прилагательных (96,7 и 3,3% соответственно).

Представляется, что такая специфика ЛСП «Болезнь» в РР медиков определяется самим полем, как бы «задается» именем поля и его структурой, которые заведомо предполагают употребление абстрактной лексики, включая терминологическую. Сфера функционирования поля (неофициальная, спонтанная РР), а также форма речи (устная) накладывают свой отпечаток на особенности ЛСП в РР. В ядре поля это выражается в большем объеме стилистически маркированной лексики.

Примечания

- ¹ Караулов Ю. Общая и русская идеография. М., 1976. С. 209.
- ² Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 380.
- ³ См.: Родионова Т. Об ассоциативном эксперименте при исследовании лексико-семантического поля // Языковое сознание : содержание и функционирование. М., 2000. С. 208–209; Она же. Психолингвистический ассоциативный эксперимент как один из приемов при исследовании лексико-семантического поля // Предложение и слово : Прагматический, текстовый и коммуникативный аспекты. Саратов, 2000. С. 265–268; Она же. Экспериментальный подход к исследованию лексико-семантического поля // Коммуникативное пространство в междисциплинарных исследованиях. Саратов, 2013. С. 35–39.
- ⁴ См.: Караулов Ю. Указ. соч. ; Полевые структуры в системе языка / под ред. З. Д. Поповой. Воронеж, 1989.
- ⁵ См.: Родионова Т. Специфика лексико-семантического поля «Болезнь» в письменной научной речи медиков // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2011. Т. 11, вып. 2. С. 28–31.
- ⁶ См.: Родионова Т. Особенности лексико-семантического поля «Болезнь» в устной научной речи медиков // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2012. Т. 12, вып. 1. С. 42–46.
- ⁷ См.: Ожегов С., Шведова Н. Толковый словарь русского языка. М., 1993; Словарь русского языка : в 4 т. М., 1985–1988; Энциклопедический словарь медицинских терминов : в 3 т. М., 1982–1984.
- ⁸ См.: Родионова Т. Об ассоциативном эксперименте при исследовании лексико-семантического поля. С. 35–39.
- ⁹ Кожина М. Стилистика русского языка. М., 1993. С. 214.
- ¹⁰ См.: Кожина М. Указ. соч. ; Сиротинина О. Современная разговорная речь и ее особенности. М., 1974; Она же. Человек и его язык // Вопросы стилистики. Язык и человек : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 26. Саратов, 1996.

УДК 81'42

КОГНИТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ ИНТЕРИОРИЗАЦИИ В ДНЕВНИКОВОМ ДИСКУРСЕ

Е. В. Леонова

Саратовский государственный университет
E-mail: leonowajelena@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы, связанные с функционированием когнитивного механизма интериоризации при становлении идентичности индивида, а также способы вербализации данного механизма в личных дневниках А. Шницлера.

Ключевые слова: идентичность, интериоризация, дневник, А. Шницлер, косвенная речь.

Cognitive Mechanism of Internalization in the Diary Discourse

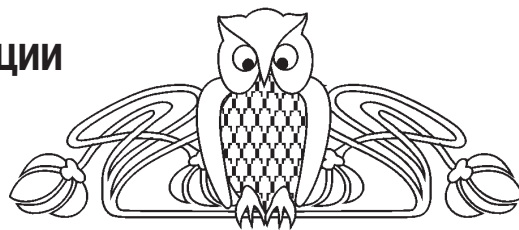
E. V. Leonova

The article considers questions related to the way cognitive mechanism of internalization functions when an individual is developing an identity, as well as means of this mechanism being verbalized in A. Schnitzler's personal diaries.

Key words: identity, internalization, diary, A. Schnitzler, indirect speech.

Экспансия лингвистической науки в другие гуманитарные дисциплины стала причиной появления в её терминологическом аппарате многих новых понятий. Данное утверждение касается, в частности, и объекта исследования данной статьи, а именно идентичности языковой личности. Появившийся изначально в социологии и активно развиваемый в русле социальной психологии термин «идентичность» получил большое распространение в лингвистических работах последнего десятилетия. Понятие идентичности исследуется лингвистами в самых различных направлениях и воспринимается как основа для любого вида деятельности (в том числе и речевой)¹.

Следует отметить некоторые отличия в толковании данного термина в смежных науках. Так, в психологии идентичность интерпретируется как относительно продолжительное, но не обязательно стабильное восприятие себя как уникального, когерентного, единого во времени². Социология определяет идентичность как качество личности, являющееся результатом сознательного и эмоционального самоотождествления индивида с другими людьми³. Таким образом, в психологических работах основной упор делается на субъективное ощущение индивидом уникальности и самооткровенности, в то время как в социологических исследованиях признаётся определяющее влияние социального окружения и межличностного взаимодействия индивида с социумом. В лингвистике при изучении феномена идентичности интегрируются основные выводы и концепции

указанных выше наук. Таким образом, признаётся социальный характер человека, а идентичность понимается как результат осмысления человеком себя самого в процессе социализации личности⁴.

Точка зрения, согласно которой формирование идентичности происходит в процессе социального взаимодействия с другими людьми и во многом определяется им, была подробно разработана в рамках символического интеракционизма Дж. Мидом и Ч. Х. Кули. Теория «Зеркального» или «Отражённого Я», предложенная Ч. Х. Кули в 1912 г., получила ряд экспериментальных подтверждений в более поздних психологических исследованиях. Основной идеей указанной теории является утверждение о том, что человек осознаёт, прежде всего, такие свои свойства, на которые кто-то или что-то обращает его внимание, при этом главным ориентиром для идентичности индивида является его представление о том, что о нём думают другие, какие характеристики и ценности они ему приписывают⁵. Данный когнитивный механизм получил в психологии название «интериоризация».

Вопросы о том, как именно протекает процесс интериоризации, чьи именно мнения оказывают наибольшее воздействие на формирование идентичности индивида, до сих пор являются предметом обсуждения и споров психологов.

Относительно последнего вопроса было установлено наличие так называемых значимых других (термин Г. С. Салливана), под влиянием оценки которых самооценка индивида повышается либо снижается. Под термином «значимый другой» понимается «любой человек, влияющий на формирование у индивида социальных норм, ценностей и личного образа Я»⁶. В отечественной психологии была предпринята обширная серия исследований значимости для человека Другого, в результате которых было установлено, что круг значимых других количественно ограничен (до 18 человек на протяжении всей жизни индивида).

Значительным шагом в развитии теории межличностной значимости можно считать введение Г. Хайманом в 1942 г. понятия «референтная группа» (группа, которую индивид использует как точку соотнесения, эталон при оценке себя и других). Представители референтных групп – это «группы сравнения», которые помогают человеку оценивать себя, оказывают существенное влияние на поведение. Человек ведёт себя, во многом

ориентируясь на этические нормы таких групп, именно в них формируется его совесть⁷.

Представленные выше основные аспекты, оказывающие воздействие на формирование идентичности в процессе когнитивного механизма интериоризации, послужили основой предлагаемого анализа. В качестве материала настоящего исследования выступают дневниковые записи известного австрийского писателя Артура Шницлера 1879–1885 гг.⁸ Данный тип текста представляется нам единственной вербализованной, зафиксированной на бумаге формой потока сознания, отражающей идентичность. Так, по метафорическому определению К. С. Пигрова, дневник есть изготовленное самим индивидом «зеркало души», точка рефлексии в пространстве социокультурной коммуникации. По высказыванию автора, именно «здесь случается самосознание»⁹.

Поясняя материал данного исследования, добавим следующее. Являясь восторженным поклонником идей фрейдизма, А. Шницлер в своих произведениях особое внимание сосредоточивал на фиксации душевного состояния персонажей, на их самонаблюдении, на подробном анализе их переживаний. Дневник же для него являлся не просто способом фиксации пережитых событий, а инструментом самопознания, с помощью которого он пытался уяснить свою внутреннюю сущность¹⁰.

Следует уточнить, что в данной работе будет анализироваться не весь дневник А. Шницлера общим объёмом 10 томов, который автор вёл на протяжении всей своей жизни, а лишь та его часть, которая посвящена юношеским годам (с 17 до 23 лет). Это обусловлено тем фактом, что именно в юном возрасте происходит активное формирование идентичности, причём во многом оно протекает под воздействием мнения других¹¹.

Для получения экстралингвистической информации, связанной с отношением А. Шницлера к некоторым из окружающих его людей, к анализу привлекались также данные, полученные из его автобиографии.

В своих дальнейших рассуждениях мы исходим из того, что любое зафиксированное в дневнике мнение другого человека имеет определённую значимость для diarиста. Автор без сомнения фиксирует в своём дневнике далеко не все случаи оценки его другими. По данному поводу И. М. Вознесенская высказывает мысль о том, что сам факт называния, упоминания реалий внешней жизни «косвенно, имплицитивно вводит в дискурс элементы знаний, представлений, актуальных для представляемого события с позиции автора»¹². Таким образом, уже само упоминание в дневнике некоторого мнения другого человека о diarисте имеет для последнего определённое значение, по крайней мере, данное мнение не оставляет его равнодушным.

Нужно отметить, что круг общения А. Шницлера в указанные годы являлся крайне

широким и разнообразным. Об этом свидетельствуют как упоминания о многочисленных знакомых в дневнике (так, в приложении к данной части дневника представлено более 600 имён, о которых шла речь в дневнике), так и текст автобиографии¹³:

*So bildeten sich um mich Menschenkreise der verschiedensten Art, flossen ineinander, zerflossen wieder; Freunde aus der Gymnasialzeit, neue Kollegen, Zufallsbekannte, Wahlgenossen schlossen sich mir für kürzere oder längere Frist an*¹⁴.

Анализ дневника и автобиографии А. Шницлера позволил выявить, что среди огромного количества окружающих людей наибольшую значимость для него в указанный период времени имели два человека, а именно его отец и хорошая знакомая Франциска Мюллер, которую автор в дневнике называет Fany M.

Отношения А. Шницлера с отцом нельзя назвать однозначными. С одной стороны, они отмечены глубоким уважением как к самому отцу, так и к его профессии. Являясь для diarиста эталоном во всём, отец также повлиял на его выбор дальнейшей сферы деятельности – А. Шницлер пожелал стать врачом, как и его отец. Впоследствии, однако, автору пришлось обнаружить, что данная деятельность совершенно не соответствует его внутренним потребностям и его гораздо больше привлекает творчество. Именно это послужило причиной большого количества конфликтов с отцом, весьма болезненно воспринимаемых будущим писателем. А. Шницлер испытывает глубокое сожаление по поводу отсутствия взаимопонимания с отцом, продолжая при этом высоко оценивать его:

– *Schade daß mein Vater trotz seiner großen Güte, Liebe und Intelligenz von meinem Wesen keine rechte Ahnung hat* (Tagebuch, s. 352).

Огромное воздействие мнения отца на личность diarиста прослеживается во всём дневнике данного периода, при этом наибольшее влияние оказывается на такую составляющую идентичности А. Шницлера, как самооценка. Так, негативное мнение отца о личности автора дневника способствует снижению его общей самооценки. Любое, даже небольшое положительное замечание отца ведёт к её однозначному повышению:

– *Mein literarisches Thun ist ihm (dem Vater) Dilettantismus, der zu nichts führt. – Möglich – Ja, möglich, dass ich nimmer was werde* (Tagebuch, s. 261).

– *Mein Papa ist sehr erfreut über den Erfolg. Vielleicht bin ich noch nicht ganz verloren?* (Tagebuch, s. 331).

Принадлежность отца к «значимым другим» не предполагает согласие diarиста с любой высказанной им оценочной характеристикой. В некоторых случаях А. Шницлер эксплицитно показывает своё отношение к точке зрения отца с помощью комментариев, подтверждающих либо опровергающих определённое мнение о себе:

– *Mein Vater wirft mir meinen mangelhaften wissenschaftl. Ernst vor. Er hat im Grunde recht* (Tagebuch, s. 196).

– *Mein Papa ärgert sich auch über mich, eigentlich ganz ohne Grund, da ich eigentlich fleißiger bin (medizinisch) als je* (Tagebuch, s. 217).

В первом случае автор соглашается с мнением своего отца, давая тем самым понять, что он и сам осознаёт недостаточную серьёзность в занятии научной деятельностью. Второй пример, напротив, указывает на несогласие с мнением отца об отсутствии прилежания в области медицины.

В тексте это фиксируется через использование в указанных примерах лексем, имеющих модальное значение. В первом случае устойчивое словосочетание *im Grunde* (в сущности, по сути дела) подчёркивает принятие автором указанной характеристики, во втором – сочетание лексем *eigentlich* (собственно говоря, в сущности) с интенсификатором *ganz* (совсем, совершенно) способствует выделению авторской позиции диариста и повышению экспрессивности и эмоциональности всего высказывания. Автор также пытается объяснить причину своего несогласия с мнением отца – со своей точки зрения, он расценивает себя как прилежного учащегося. Этот факт указывает на несовпадение в представлениях А. Шницлера и его отца об идеальном студенте-медике.

Другой значимой личностью, способствующей во многом формированию идентичности А. Шницлера, явилась, как уже было сказано, Франциска Мюттер. Отношения с этой девушкой после небольшого периода взаимной влюблённости перешли в стадию сердечной дружбы. Автор дневника всегда с особой теплотой отзывается о своей подруге, полагая, что она понимает его лучше других и даже лучше его самого:

– *«Sie sind meine einzige Freundin» sagt' ich ihr neulich, als ich oben war – wenn ich irr werde an mir (was so häufig vorkommt), komm' ich zu Ihnen – es ist manchmal, als käm ich her, um mich bei Ihnen nach meinem Befinden zu erkundigen* (Tagebuch, s. 132).

Оценочные высказывания Франциски М. об А. Шницлере, зафиксированные в дневнике, почти всегда имеют положительную окраску и почти никогда не оспариваются самим автором. Можно, видимо, высказать предположение, что девушка была весьма тонким психологом и говорила именно то, что автору было приятно услышать: характеристики личности диариста, данные девушкой, обычно признаются последним как истинные и включаются в структуру его идентичности. Ср.:

– *Dann sprach sie auch über meinen Verkehr; ich sei sehr leichtlebig, keiner von den Leuten verstehe mich und ich gebe mir auch gar nicht die geringste Mühe mich verstehn zu lassen; sie taxirte überhaupt meinen geistigen Wert wieder sehr hoch* (Tagebuch, s. 102).

Следует отметить, что указанные в последнем примере качества личности (легкомыслие и нежелание быть понятым другими людьми) нельзя

считать положительными с общепринятой точки зрения. Однако анализ последующих дневниковых записей показал, что автор интерпретирует данные качества по-своему, приписывая им определённую положительную коннотацию.

Так, А. Шницлер не отрицает, что легкомыслие является одной из важнейших характеристик в структуре его личности:

– *...mag sein – dass eben der Leichtsinn, die Unbeständigkeit, die – Lebesucht, <...> die Gabe alles künstlerische um mich herum tief und mit Genuss aufzunehmen, in höherm Maße bei mir entwickelt sind – als das Talent...* (Tagebuch, s. 196).

Однако легкомыслие (беззаботность) воспринимается автором скорее как положительное качество, оно видится ему близкородственным таким чертам характера, как *Lebensfreude*, *Lebenslust* (жизнерадостность), *Lebesucht* (жажда жизни), *die Gabe alles künstlerische ... tief und mit Genuss aufzunehmen* (дар глубокого наслаждения творчеством).

Идея о непонимании окружающих также является одним из лейтмотивов всего дневника данного периода:

– *Woher sollen sie denn nur wissen, dass in mir vielleicht was vorgeht, wovon sie nie und nimmer eine Ahnung haben können* (Tagebuch, s. 179).

– *Dann meine Cousine, meine Schwester, viele andere, die mich nicht begreifen* (Tagebuch, s. 284).

Объяснить положительное отношение к данной черте своего характера можно тем, что автор бравировует своей необычностью, отличностью от других, считая, что творческий, талантливый человек должен выделяться из серой массы, возвышаясь над нею:

– *Ich muss gestehen: meine Eitelkeit sträubt sich manchmal recht intensiv dagegen, wenn ich sehe, wie so 'ne Menge von Leuten <...> gar nicht daran denkt, dass ich vielleicht doch einer andern Klasse angehören könnte* (Tagebuch, s. 178).

В представленном примере обращает на себя внимание пренебрежительный тон, с которым автор описывает совокупность людей, составляющих его постоянное окружение. Тщеславие (*Eitelkeit*) А. Шницлера, в котором он не стесняется признаваться на страницах своего дневника, заставляет его свысока смотреть на окружающую массу людей (*'ne Menge von Leuten*) и позволяет причислить себя к другому классу (*einer andern Klasse angehören könnte*), а именно классу людей одарённых, творческих, тонко чувствующих.

В дневнике имеются многочисленные упоминания мнения и других людей о личности автора, не обладающих такой же значимостью для формирования его идентичности, как отец и Франциска Мюттер; само их наличие, однако, указывает на немаловажность этих точек зрения для автора. Ср.: «Лица, мнением которых мы вовсе не дорожим, являются в то же время индивидами, вниманием которых мы не брезгуем»¹⁵. Точка зрения данных людей передаётся в тексте дневника чаще всего при помощи косвенной речи. Ср.:

– *Irgend ein ungenannt sein wollender Schuft beschäftigt sich damit, meinem Vater zeitweise mitzuteilen, ich hätte allgemein den Ruf eines liederlichen Studenten; rauche, tränke (!!!!!) viel <...> verbringe viel Zeit im Wirthshaus (!!!) und Kaffeehaus* (Tagebuch, s. 113).

В данном примере налицо отрицательное отношение А. Шницлера к мнению о нём другого человека, что находит своё выражение в первую очередь в грамматическом оформлении глаголов с помощью конъюнктива. Как известно, конъюнктив в немецком языке позволяет при оформлении косвенной речи передать дополнительные оттенки смысла, связанные с отношением автора к содержанию высказывания. Так, использование претериальных форм конъюнктива (*Konjunktiv II* или *Restriktiv*) при оформлении косвенной речи считается выражением дистанцирования от передаваемого речевого сообщения и некоторого сомнения в его правдивости¹⁶. Таким образом, выбор диаристом претериальных форм конъюнктива при передаче мнения других о себе (*tränke, hätte*) свидетельствует о его несогласии с данным мнением.

В указанном примере неприятие оценки другого человека выражается также при помощи использования знаков препинания, а именно восклицательных знаков. В данном случае многократное использование восклицательного знака следует рассматривать не только как усиление эмоционально-экспрессивной окраски предшествующего высказывания. Вслед за Н. С. Валгиной и В. Н. Светлышевой мы предлагаем считать подобные вкрапления множественных восклицательных знаков (до пяти подряд) латентными высказываниями, несущими в себе самостоятельную информацию¹⁷. В описываемых случаях несогласия автора дневника с мнением о нём окружающих подобные предложения в виде нескольких восклицательных знаков выражают целую палитру негативных эмоций: недовольство, негодование, возмущение и т. д.

Добавим, что использование форм презенса конъюнктива, который в немецкой языковой культуре свидетельствует об отсутствии выраженного оценочного отношения говорящего/пишущего к чужим словам в диктуме косвенной речи¹⁸, маркирует принятие автором дневника указанного качества:

– *Da kam Heinrich <...> und begann von einem Club der Idealisten zu erzählen, dem er und Siegmund beitreten; nach seinen Worten ich sollt' es auch, da ich keiner Begeisterung mehr fähig sei* (Tagebuch, s. 88).

В большой степени в дневнике представлен другой способ передачи чужого мнения, а именно дословное цитирование высказывания, оформленное как прямая речь.

– *Später Pollandt: «Ich gratuliere Ihnen; ich habe immer gesagt, Sie haben Talent...»* (Tagebuch, s. 376).

– *Bahr über mich: «Da ist einmal A. S. ein geistr., zierl., sehr amüs. Causeur, ein bisschen leichtsinnig*

in der Form, und nicht allzu gewissenhaft, vielerlei versuchend. Ich habe das Gefühl, daß er tiefer ist, als er sich gerne gibt und hinter seiner flatten Grazie schwere Leidenschaft verbirgt, die nur noch schüchtern und schamhaft ist, weil sie erst zu festen Gestalten reifen will» (Tagebuch, s. 365).

Очевидно, что подобные высказывания в виде прямой речи при отсутствии комментариев указывают на совпадение мнения окружающих и собственного мнения диариста. Показательно, что в большинстве случаев дословное цитирование имеет место при положительных оценках окружающих, что неудивительно, поскольку человеку характерно более благосклонно принимать позитивное мнение окружающих, чем негативное. Так, по словам известного американского социального психолога Д. Майерса, «мы верим любому тесту или любому иному источнику информации, которые льстят нам, и позитивно оцениваем как сам тест, так и любое свидетельство в пользу его валидности»¹⁹.

Своё отношение к мнению другого автор дневника может эксплицитно выразить при помощи комментария к цитируемым словам:

– *Loris nach dem 1. Akt zu Salten: das ist ja ein Künstler allerersten Ranges. – Im allgemeinen, schien mir, waren die Erwartungen übertroffen* (Tagebuch, s. 338).

Комментарий в данном случае свидетельствует о том, что молодой человек в целом считает себя хорошим деятелем искусства, однако не согласен со столь высокой оценкой Лориса:

*Die Erwartungen waren im allgemeinen übertroffen → Die Erwartungen waren im allgemeinen richtig, nur einigermaßen übertroffen*²⁰.

Проделанный анализ показывает, что когнитивный механизм интериоризации, то есть принятие мнения других при становлении идентичности, оказал несомненное влияние на процесс самоидентификации А. Шницлера. Данный механизм способствовал включению в структуру идентичности молодого А. Шницлера таких составляющих, как осознание своего литературного таланта и стремление к успеху на поприще медицины, серьёзность и легкомыслие, глубина души и показная светскость. На поверхностном уровне процесс интериоризации фиксируется в виде комментариев к чужим словам, а также с помощью особого оформления косвенной речи. Своё место в этом ряду занимает пунктуация, в частности множественные восклицательные знаки.

Примечания

¹ См.: Гришаева Л. Особенности использования языка и культурная идентичность коммуникантов. Воронеж, 2007. С. 144.

² См.: Психоаналитические термины и понятия : словарь. М., 2000. С. 124.

- ³ См.: Социология : учеб.-метод. комплекс для студентов всех специальностей очной и заочной форм обучения. Благовещенск, 2009. С. 57.
- ⁴ См.: *Гришаева Л.* Указ. соч. С. 145.
- ⁵ См.: *Кон И.* Психология самосознания // Психология самосознания : хрестоматия / ред.-сост. Д. Я. Райгородский. Самара, 2007. С. 47.
- ⁶ *Жмуров В.* Большой толковый словарь терминов психиатрии. Элиста, 2010. С. 268.
- ⁷ См.: *Щедрина Е.* Референтность как характеристика системы межличностных отношений // Психологическая теория коллектива / под ред. А. В. Петровского. М., 1979. С. 117.
- ⁸ См.: *Schnitzler A.* Tagebuch 1879–1892. Wien, 1987.
- ⁹ *Пигров К.* Дневник : общение с самим собой в пространстве тотальной коммуникации // Проблемы общения в пространстве тотальной коммуникации / гл. ред. Л. Морева. СПб., 1998 (Междунар. чтения по теории, истории и философии культуры. Вып. 6). С. 205.
- ¹⁰ См.: *Проклов И.* Художественная проза Артура Шницлера рубежа XIX–XX-го веков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. С. 3.
- ¹¹ См.: *Эриксон Э.* Идентичность : юность и кризис : пер. с англ. М., 2006.
- ¹² *Вознесенская И.* Дневник : особенности семантической структуры и речевой организации // Мир русского слова. 2006. № 3. С. 13.
- ¹³ Орфография и пунктуация здесь и далее даются по тексту оригинала.
- ¹⁴ *Schnitzler A.* Jugend in Wien. Eine Autobiographie. München, 1985. S. 102.
- ¹⁵ *Джемс У.* Личность // Психология самосознания. С. 15.
- ¹⁶ См.: *Weinrich H.* Textgrammatik der deutschen Sprache. Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich, 1993. S. 240.
- ¹⁷ См.: *Валгина Н., Светлышева В.* Орфография и пунктуация : справочник. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook142/01/part-020.htm> (дата обращения: 12.09.2013).
- ¹⁸ См.: *Ступина Т.* Практическая грамматика современного немецкого языка : учеб. пособие. М., 2010. С. 327.
- ¹⁹ *Майерс Д.* Социальная психология. СПб., 2007. С. 182.
- ²⁰ Стрелка означает трансформацию предложения.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.133.1.09-3+929 Ларошфуко

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ В «МЕМУАРАХ» ГЕРЦОГА ЛАРОШФУКО

С. Ю. Павлова

Саратовский государственный университет
E-mail: pavlovasy@info.sgu.ru

В статье на материале мемуаров Ларошфуко рассматривается соотношение частного и публичного во французском придворном обществе второй половины XVII в., прослеживается изменение удельного веса тем, связанных с частной жизнью, анализируются приемы ее изображения.

Ключевые слова: мемуары, французская литература XVII в., Ларошфуко, статус аристократии, частная жизнь, галантность.

Private Life in the *Memoires* by Duke La Rochefoucauld

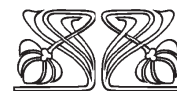
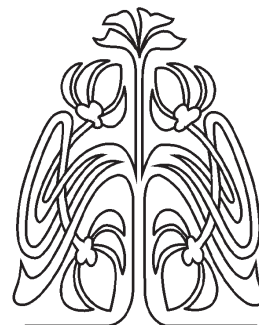
S. Yu. Pavlova

In the article the correlation of the private and the public in the French court society of the second half of the XVIIth century is considered; the changes in the share of the themes touching upon private life are traced; the means of its depiction are analyzed.

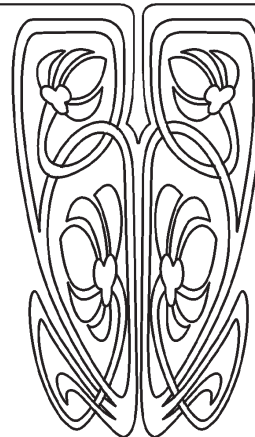
Key words: memoires, French literature of the XVIIth century, La Rochefoucauld, status of aristocracy, private life, gallantry.

«Мемуары» (1662) герцога Ларошфуко представляют собой одну из ярких страниц в истории французской литературы XVII в. Они получили широкую известность еще при жизни автора¹ и продолжают оставаться показательным образцом мемуарной прозы эпохи Людовика XIV. «Несомненно, что именно “Мемуары” стали первым литературным выражением мировоззрения Ларошфуко»², которое впоследствии отразилось в знаменитых «Максимах» (1664), закрепивших за их создателем славу признанного писателя-моралиста и блестящего мастера афоризма.

Ларошфуко, как и другие представители французской знати той эпохи, серьезного значения литературному творчеству не придавал, считая его способом проведения досуга. Смысл жизни аристократа он видел в защите интересов монархии и государства, оказавшихся под угрозой в ходе гражданской войны 1648–1653 гг., вошедшей в историю под названием Фронды. Будучи одним из активных ее участников, герцог изложил свое понимание блага Франции и причин противостояния знатных родов политике кардинала Мазарини в «Мемуарах». К их написанию он приступил в изгнании, так как после поражения фрондеров был сослан в свое имение и пребывал вдали от королевского двора. Во Франции второй половины XVII в. лишение аристократа возможности принимать участие в придворной жизни было равнозначно забвению и даже смерти, поскольку существование знати наполнялось смыслом только вблизи монаршей особы. Когда «удаление от мира не объяснялось религиозными соображениями, оно вызывало недоумение и осуждение современников, особенно если человек принадлежал к высшему сословию, чей долг – служить королю и государству. В этом смысле частный человек оказывался тем, кто лишен публичных функций, здесь понятие “частный” смыкалось со своим полным омонимом “лишенный”»³. Аристократы, оказавшиеся в изгнании, были вынуждены искать новые способы самореализации, которые поддерживали бы в

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

них ощущение публичного существования. Одним из таких способов стало мемуаротворчество.

Уже в первом абзаце книги Ларошфуко называет слова «опала» и «досуг», связанные с представлением о состоянии вынужденной праздности, в котором он находился: «Последние годы правления кардинала Мазарини я провел не у дел, на что обыкновенно обрекает опала, тогда я описал те волнения времен Регентства, которые произошли у меня на глазах. Хотя участь моя изменилась, досуга у меня нисколько не меньше: я захотел использовать его для описания более отдаленных событий <...>⁴. Подобно другим мемуаристам-фрондерам, работу над воспоминаниями герцог рассматривал как новый вид деятельности, способный не только заполнить свободное время, но возродить ощущение вовлеченности в происходящее и тем самым вернуть его жизни утраченную публичность. Такого рода «заместительная терапия» носила в действительности иллюзорный характер, так как в эпоху Людовика XIV, как пишет М. С. Неклюдова, «структура абсолютной власти предполагала существование только одной публичной фигуры – короля и, соответственно, единственного публичного пространства – двора. Все, что находилось за его пределами, уже не было по-настоящему публичным. Тем самым формирование государства нового типа способствовало артикуляции сферы частной жизни <...>⁵. Этот процесс получил отражение в мемуарах эпохи, в частности в книге Ларошфуко.

Композиционно она состоит из шести частей: две первые повествуют о молодости герцога, части с третьей по шестую представляют собой авторскую версию событий гражданской войны. Следует отметить, что к изложению более ранних по времени эпизодов автор приступил после того, как написал историю Фронды. Иными словами, он создавал первую и вторую части как дополнение к уже написанному тексту. Важным отличием между этими фрагментами мемуаров является форма повествования. В первых двух частях Ларошфуко пишет о себе в первом лице, используя местоимение «я» по отношению как к повествователю, так и герою. В частях с третьей по шестую он называет себя принц де Марсийак либо герцог Ларошфуко, то есть рассказывает о себе в третьем лице. В. Д. Алташина справедливо утверждает, что с точки зрения биографии героя, «переход от “я” к “он” совпадает с моментом осознания себя как части государства, как человека общественно-го, представляющего не свои личные интересы, но дело определенной группы, которой Ларошфуко был искренне предан»⁶. В мемуарах он выражает характерную для многих противников Мазарини позицию в отношении политики королевского двора, но, вместе с тем, специфика жанра дает ему возможность изложить малоизвестные факты и показать, что сам характер Фронды был во многом предопределен интересами частного свойства. Анализируя причины гражданской меж-

доусобицы, автор сообщает, что большинством ее вдохновителей двигали сугубо личные мотивы: принц Конде опасался намерения сторонников двора его погубить, госпожа де Лонгвиль страшилась возвращения к мужу в Нормандию и «не располагала иною возможностью избегнуть этой столь опасной поездки, как склонив своего брата к гражданской войне» (86), принц Конти считал, что, примкнув к фрондерам, сможет отсрочить принятие «столь нелюбимого им духовного сана» (86), герцог Немур, ревнуя последнего к госпоже де Шатильон, полагал начало военных действий единственным средством разлучить любовников.

Главным проявлением частной жизни в мемуарах герцога становится любовь, впрочем, она постоянно переплетается с политикой. Любовные истории сосредоточены в первой и второй частях книги. Они «разбавляют» мемуарное повествование, делая его более занимательным, разнообразным и динамичным. Значительное место в этих историях отводится женщинам (королеве, госпоже де Шеврез, мадемуазель Отфор, госпоже де Монбазон, герцогине де Лонгвиль). Усиление роли женских образов приводит к развитию авантюрно-приключенческого начала, как в эпизоде о бегстве госпожи де Шеврез в Испанию, а также придает отдельным фрагментам мемуаров галантный характер. Слово «галантный» и его производные встречаются в тексте шесть раз, причем пять из них приходится на две первые части. Такая пропорция наглядно иллюстрирует развитие любовной тематики: ее существенный удельный вес в начале повествования и последующее вытеснение хроникой военных действий в дальнейшем.

Мемуарист строго дозирует информацию, касающуюся галантных приключений, позволяя себе говорить открыто лишь о фактах общеизвестных, например, таких как влюбленность в королеву Ришелье, а затем его преемника Мазарини. О галантной подоплеке отношения кардиналов к Анне Австрийской Ларошфуко упоминает вскользь, явно не намереваясь вдаваться в подробности, поскольку решает другие повествовательные задачи. И все же эти эпизоды выглядят показательными с точки зрения соотношения частного и общественного в жизни родовитого аристократа середины XVII в. В первом случае Анна Австрийская выступает жертвой любовной страсти Ришелье. Молодой Ларошфуко, на тот момент только что вступивший в свет, встает на сторону королевы, как и подобает истинному представителю французской знати. В мемуарах герцог рассказывает о чуть было не осуществленном намерении тайно увезти Анну Австрийскую в Брюссель по ее личной просьбе: «Какие бы трудности и опасности не видел я в таком плане, могу смело сказать, что за всю мою жизнь ничто не доставило мне большей радости. Я был в том возрасте, когда жадно рвутся к делам необыкновенным и поразительным, и находил, что нет ничего заманчивее, как похитить королеву у

короля, ее мужа, и одновременно у кардинала Ришелье, который постоянно преследовал ее своей ревностью» (14). С позиции времени Ларошфуко воспринимает эту идею как чистую авантюру, с облегчением констатируя, что она так и осталась нереализованной. Мемуаристу, умудренному жизненным опытом, очевидно, что в молодости он избежал ненужного риска и опрометчивых поступков, способных воодушевить ложной героикой только юнца, не готового просчитать их драматические последствия и пока еще не вовлеченного в подлинно значимые события государственного масштаба. Автор осуждает кардинала, сочувствует королеве и снисходительно иронизирует над протагонистом. Поведение участников этого эпизода (жестокость Ришелье, искреннее сопротивление королевы, неопытность Ларошфуко) вскрывает его псевдогалантный характер⁷, а оценка повествователя отражает характерный для эпохи приоритет общественной жизни над частной.

В отличие от этой истории, об ухаживаниях за Анной Австрийской кардинала Мазарини, свидетелем которых Ларошфуко стал уже в зрелом возрасте, он судит с позиции взрослого, сложившегося человека, взгляды которого с течением времени не изменились. Мемуарист использует факт любовной связи между королевой и кардиналом для объяснения своей политической позиции в период Фронды. Поскольку в годы гражданской войны именно Анна Австрийская как регент малолетнего Людовика XIV воплощала идею государственности, враждебность по отношению к ней могла быть расценена как государственная измена и покушение на устои монархии. В этой связи прояснение своей позиции в отношении королевы приобретает для автора книги особое значение. Он всячески подчеркивает, что причиной Фронды была ненависть знати и народа к кардиналу, а вовсе не к королеве. Однако развитие любовной связи между ними привело к тому, что Мазарини сделал королеву игрушкой в своих руках, «неограниченно властвовал» (38) над ее волей. В результате Анна Австрийская, по сути, передала кардиналу все властные полномочия. Этот факт предопределил критическую оценку поведения королевы в той части мемуаров, которая посвящена описанию гражданской войны. Используя элементы галантного сюжета, Ларошфуко показывает, как в сознании фрондеров постепенно менялся образ королевы: из символа государственности она превратилась в частного человека, подверженного страстям. Приоритет личных интересов над общественными подвергается авторской критике и трактуется как одна из причин трагических поворотов истории, постигших Францию в годы Фронды.

В «Мемуарах» упоминается и о других широких известных современникам галантных приключениях. В число таковых попадают перипетии трагической страсти и судьбы Сен-Мара, подробно воссозданные спустя полтора столетия в романе

Альфреда де Виньи «Сен-Мар» (1826), история с подвесками – подарком Анны Австрийской влюбленному в нее герцогу Бэкингеми, которая воспроизводится в нескольких мемуарных источниках, а в XIX в. получает широкую известность благодаря «Трем мушкетерам» (1844) Александра Дюма, наконец, рассказ о потере любовных писем, также получивший отражение в мемуарах эпохи и использованный мадам де Лафайет в романе «Принцесса Клевская» (1678). По словам Ларошфуко, последний из перечисленных эпизодов наделал при дворе много шума и дал Мазарини удобный повод усилить рознь в лагере своих противников-фрондеров. И все же для мемуариста он приобретает особое значение не только по этой причине. Автор книги был его непосредственным участником, поскольку знал, кому в действительности принадлежали потерянные письма. «Тот, кто обронил письма, – сообщает он, – был моим другом, любившим написавшую их» (33). Однако имена маркиза де Молеврие и мадам де Фукероль так и остаются в тексте не названными. Как человек чести, герцог продолжает хранить доверенную ему тайну и ограничивается намеком. Честность для Ларошфуко-мемуариста предполагает любовь к правде, однако не означает абсолютной откровенности, проявления которой, как он пишет в «Размышлениях на разные темы», следует «поставить <...> пределы, дабы она не нарушала правил порядочности и верности»⁸.

Этому принципу Ларошфуко следует и при описании своей частной жизни. В «Мемуарах» заходит речь о его отце, жене, сыновьях, некоторых других родственниках и близких людях. Однако эта информация ничем не выделяется на фоне общей довольно сдержанной тональности повествования. Сведения о близких герцог сообщает предельно скупое, говоря о них как о людях сторонних, равных в ряду других персонажей книги. Он дважды упоминает о жене, но при этом даже не называет ее имени. Так, Ларошфуко говорит о болезни супруги, казалось бы, приоткрывая завесу частного, но в действительности используя эту информацию для формального обоснования своего отъезда в родовое поместье, на деле необходимого для обеспечения связи между королевой и госпожой де Шеврез. Еще раз слово «жена» появляется в тексте в тот момент, когда речь идет о желании протагониста добиться герцогских привилегий, в том числе «права табурета» для своей супруги. В обоих случаях жена попадает в поле зрения повествователя не специально, а в силу логики развития той или иной авторской мысли, не связанной с проблемами частного характера. То же справедливо в отношении других членов семьи герцога, например сына, названного в числе прочих участников сражения в Сент-Антуанском предместье. В перечислительном ряду он говорит и о бедственном положении своих ближайших родственников по окончании военных действий

в Бордо, включая сведения личного характера в цепочку других плачевных ее последствий: «...мать, жена и дети герцога Ларошфуко были лишены крова <...> его поместья подверглись разграблению, а дома были скрыты» (71). В мемуарах есть единственное оценочное суждение, проливающее свет на семейную жизнь автора. Рассказывая о своей ссылке в родовое имение, он утверждает, что «был счастлив в семейном кругу» (18). О том, что представлял собой этот круг и в чем заключалось его счастье, повествователь умалчивает, прибегая к общепринятой обобщающей формуле, лишенной какой бы то ни было конкретики.

Избранную мемуаристом тактику в изображении частной жизни особенно показательно иллюстрирует образ герцогини де Лонгвиль, с которой в течение многих лет Ларошфуко состоял в любовной связи. Однако в книге она предстает не возлюбленной, а одной из активнейших участниц Фронды. Читатель, не знакомый с биографией герцога, вряд ли сможет по мемуарам составить представление о подлинной природе его взаимоотношений с госпожой де Лонгвиль. Ларошфуко лишь в общих чертах дает понять, когда между ними зародилось чувство, но в дальнейшем просто констатирует свое «сближение с герцогиней» (37), «полным доверием» (38) которой он пользовался на начальном этапе Фронды. При этом его позиция в ходе разногласий между фрондерами по поводу необходимости военных действий объясняется намеком на любовную связь с герцогиней. Мемуарист пишет, что в то время «не мог с такой же откровенностью говорить о своем отвращении к войне: он связал себя словом разделять взгляды г-жи де Лонгвиль, и единственное, что тогда было в его возможностях, – это попытаться убедить ее желать мира» (87). Согласно поведенческому кодексу эпохи, любовь к герцогине делала для Ларошфуко обязательной защитой ее интересов. Отступить от желания развязать войну было для него равносильно потере чести, важнейшей для аристократа ценности, более дорогой, чем сама жизнь. В этом смысле он вел себя согласно формуле корнелевского героя Родриго:

Бесчестье равное волочит за собой
Тот, кто предаст любовь и кто покинет бой⁹.

Ларошфуко предпочитает не говорить о своих взаимоотношениях с госпожой де Лонгвиль напрямую. Так, во второй части он вскользь сообщает о ее беременности, но только посвященный читатель поймет, что речь идет о скором появлении на свет внебрачного сына мемуариста графа де Сен-Поля. Что же касается момента разрыва с сестрой Великого Конде, вызванного ее влюбленностью в герцога Немура, то он и вовсе остается за пределами книги. Слабой отсылкой к

этому событию служит, по мнению французских исследователей¹⁰, фраза, в которой Ларошфуко, объясняя причины раздоров среди сторонников партии принца весной 1652 г., заявляет о своем нежелании входить «в подробности относительно многого, о чем писать невозможно» (119). Он обходит молчанием глубоко личный и драматический по своему характеру биографический момент. Не выставляя на показ свои человеческие чувства, Ларошфуко изображает госпожу де Лонгвиль с позиции объективного наблюдателя, оценивающего роль личности в гражданской смуте. Такая установка дает ему право показать, насколько действия герцогини оказались пагубны для противников Мазарини. Мемуарист пишет о ее попытках примириться с двором, переманить на свою сторону часть фрондеров, договориться с испанцами. В конечном итоге под предлогом прояснения скрытых причин событий он сообщает, что госпожа де Шатильон «заставила г-на де Немура разорвать связь с г-жой де Лонгвиль: она пожелала сверх того отстранить г-жу де Лонгвиль от вмешательства в руководство делами и единолично определять, как надлежит действовать принцу и чего ему домогаться» (133). Не касаясь напрямую своих личных обид, но используя аналитические возможности, заложенные в мемуарном жанре, Ларошфуко дает понять, что его бывшую возлюбленную постигла та же участь, на которую она обрекла его самого. Маскируя частное под публичное, он косвенно выражает свое изменившееся отношение к госпоже де Лонгвиль, оставаясь при этом в границах приличий.

Во французских мемуарах второй половины XVII в. повodom коснуться личного и приоткрыть внутренний мир автора становятся рассказы о потере близких¹¹. Хотя формальные поводы для подобного расширения пространства частной жизни в книге Ларошфуко встречаются несколько раз, такой возможностью он не пользуется. Так, например, в третьей части мемуарист сообщает о смерти своего отца, но лишь для того, чтобы обратить внимание читателя на изменение имени протагониста. Он вплетает это известие в сложноподчиненное предложение о местонахождении сторонников партии принца, по смыслу не имеющее никакого отношения к потере родного человека: «Принц Марсийяк, который вследствие кончины его отца, последовавшей в это самое время, будет отныне именоваться герцогом Ларошфуко, находился в своих владениях в Ангуама, герцог Сен-Симон – в Бле, комендантом которого он был, а маршал Лафорс – в Гиени» (60). Чуть ниже по тексту он вернется к факту смерти отца, но вновь для того, чтобы донести информацию иного рода, а именно показать, как похороны Ларошфуко-старшего стали удобным предлогом для созыва и объединения знати в борьбе за освобождение принца Конде. Еще об одной смерти близкого родственника – млад-

шого брата герцога – речь идет в пятой части мемуаров. На этот раз повествователь уделяет внимание личности погибшего, но ограничивается краткими и общими формулировками, не позволяющими увидеть ни своеобразие его характера, ни отношение к нему самого Ларошфуко. Дух эпохи, пронизанный необходимостью подчинять частное общему, ведет мемуариста к выбору наиболее приемлемой формы выражения личного. Он использует обобщающее слово, как бы включая себя в число других людей, испытывавших похожие чувства: «Все, знавшие шевалье, имели основания его оплакивать, ибо, не говоря уж о том, что у него были все необходимые для человека его положения качества, немного найдется людей столь юного возраста, которые явили бы столько свидетельств безупречности поведения, преданности и бескорыстия и притом в столь важных и опасных обстоятельствах, какие выпали на его долю» (103).

Таким образом, в «Мемуарах» Ларошфуко, созданных в атмосфере абсолютистской идеологии, интересы личного характера оцениваются как второстепенные по отношению к общественно значимым, а частная жизнь только начинает проникать в ткань повествования. В первых двух частях ее удельный вес выше, чем в четырех последующих, что дополнительно подтверждает переход Ларошфуко от использования местоимения «он» к «я» в процессе работы над мемуарами. Такое изменение служит свидетельством постепенного отхода автора от модели хроникального повествования и становится формальным маркером усиления его интереса к частному. Касаясь этой новой для мемуаристики сферы, Ларошфуко руководствуется представлениями своего сословия о нормативном поведении и прибегает к самоцензуре. В результате в повествовании о

частной жизни преобладает тактика намеков и умолчаний, а также используются характерные для эпохи формулы обобщающего характера и широко известные галантные истории, литературная обработка которых впоследствии будет способствовать становлению жанра романа.

Примечания

- 1 См. об этом: *Lafond J. Préface // La Rochefoucauld F. de. Mémoires. Paris, 2006. P. 7–8.*
- 2 *Разумовская М. Жизнь и творчество Франсуа де Ларошфуко // Ларошфуко Ф. де. Мемуары. Максимумы. Л., 1971. С. 250.*
- 3 *Неклюдова М. Искусство частной жизни : Век Людовика XIV. М., 2008. С. 60–61.*
- 4 *Ларошфуко Ф. де. Мемуары. Максимумы. Л., 1971. С. 5. Здесь и далее текст цитируется по этому изданию с указанием номера страницы в скобках.*
- 5 *Неклюдова М. Указ. соч. С. 63.*
- 6 *Алташина В. Поэзия и правда мемуаров (Франция, XVII–XVIII вв.). СПб., 2005. С. 36.*
- 7 О природе истинной галантности см.: *Viala A. La France galante. Essai historique sur une catégorie culturelle, de ses origines jusqu'à la Révolution. Paris, 2008; Павлова С. Ю. Две модели галантности в «Мемуарах» Бюсси-Рабютена // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2012. Т. 12, вып. 4. С. 40–46.*
- 8 *Ларошфуко Ф. де. Размышления на разные темы // Ларошфуко Ф. де. Мемуары. Максимумы. С. 210.*
- 9 *Корнель П. Сид. М., 1955. С. 47.*
- 10 См.: *Lafond J. Notes // La Rochefoucauld F. de. Op. cit. P. 310.*
- 11 См. об этом: *Lesne-Jaffro E. Les lieux de l'autobiographie dans les mémoires de la seconde moitié du XVIIe siècle // Autobiographie en France avant Rousseau. Cahiers de l'Association internationale des études françaises. № 49. Paris, 1997. P. 204–206.*

УДК 821.161.1.09-31+929 Пушкин

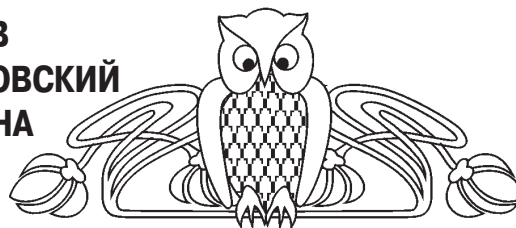
«СТАРИННЫЙ РУССКИЙ БАРИН» ТРОЕКУРОВ И «СТАРИННЫЙ ДВОРЯНИН» АНДРЕЙ ДУБРОВСКИЙ В ВАРИАНТАХ АВТОГРАФА РОМАНА ПУШКИНА «ДУБРОВСКИЙ»

М. С. Кислина

Саратовский государственный университет
E-mail: mariyakislina@rambler.ru

В статье сопоставляются варианты автографа романа Пушкина «Дубровский», касающиеся образов старших представителей дворянского сословия. Текстуальный анализ вариантов позволяет выявить процесс воплощения художественного замысла.

Ключевые слова: Пушкин, роман, варианты автографа, дворянство, образы помещиков.

An «Old-time Russian Master» Troyekurov and an «Old-time Nobleman» Andrei Dubrovsky in the Variants of Pushkin's Autograph of the Novel *Dubrovsky*

M. S. Kislina

The article compares the variants of Pushkin's autograph of the novel *Dubrovsky* concerning the images of the elder representatives of the nobility. Variants' textual analysis allows to reveal the process of artistic idea implementation.

Key words: Pushkin, novel, autograph variants, nobility, images of landowners.

Широко распространено мнение о незавершенности романа Пушкина «Дубровский». В 1833 г. работа над ним была прекращена, белого автографа и окончательного названия рукопись не имела. Текст романа для академического собрания сочинений Пушкина подготовлен Б. В. Томашевским и К. И. Халабаевым в 1923 г. Внушительны по объему корпус черновых материалов, включающий варианты автографа, наброски отдельных глав и планы. К вариантам и планам неизбежно обращались в большей или меньшей мере авторы работ, касающихся вопроса о творческой истории романа «Дубровский»: Н. Н. Петрунина, Т. П. Соболева, С. А. Фомичев. Сведений о том, что Пушкин собирался реализовать намеченные планы, в пушкинистике нет. Тем не менее преобладающее число исследований посвящено именно этой проблеме.

В первом томе романа трагикомически повествуется о тяжбе «старинного русского барина» Кирилла Петровича Троекурова со «старинным дворянином» Андреем Гавриловичем Дубровским. Сюжетное пространство произведения – усадьбы помещиков. В коллизию вовлечены соседи-помещики, судебное чиновничество и крестьяне. Интересом к каждому из сословий определяется внимание к усадебному быту. Второй том посвящен романтической истории любви Маши Троекуровой и Владимира Дубровского. Это сюжетное звено изучается в соответствии со стилистикой жанра романтической повести.

Значительными по характеру правок оказываются варианты, связанные с историей образов помещиков Троекурова и Андрея Дубровского.

В тексте, доступном широкой читательской аудитории, обстоятельства, разлучившие Троекурова и Андрея Дубровского, не указаны. Перед старшим поколением – Троекуровым и Дубровским, вопрос выбора жизненного пути ставился во время дворцовых переворотов XVIII в. В черновом варианте содержатся строки, объясняющие разницу положения бывших сослуживцев: «Славный 1762 год разлучил их надолго. Троекуров, родственник княгини Дашковой, пошел в гору»¹. К пушкинскому упоминанию «славного 1762 года» обращались с различными целями В. Б. Шкловский, Б. В. Томашевский, П. И. Калецкий, Н. Н. Петрунина, М. Б. Рабинович. Выдвигались предположения о том, что Пушкин отказался от столь определенного обращения к эпохе дворцовых переворотов, дабы избежать хронологических противоречий в романе, а также по цензурным соображениям. Исследователями рассматривалось это упоминание в контексте взглядов Пушкина на проблему расслоения старинного дворянства, выраженных в прозаических опытах конца 1820-х – начала 1830-х гг., в стихотворении «Моя родословная» (1830), поэме «Езерский»

(1832), в заметке «О дворянстве» (1830–1834). Однако не предпринималось попыток сопоставления свода вариантов автографа, отражающего творческую историю образов Троекурова и Андрея Дубровского.

Впервые образ старинного русского барина в прозе намечается Пушкиным в незавершенном романе «Арап Петра Великого» (1827). Черты, которыми наделен «коренной русский барин» Гаврила Афанасьевич Ржевский, будут присущи последующим родственным образам: «Он происходил от древнего, боярского рода, владел огромным имением, был хлебосол, любил соколиную охоту; дворня его была многочисленна. Словом, он был коренной русской барин»². В черновых материалах к роману «Арап Петра Великого» чередуются слова «русский барин» и «русский боярин»³, что может быть обусловлено временем действия повествования, колоритом Петровской эпохи. Примечательно, что в «Арапе Петра Великого» Пушкин дает одному из героев фамилию рода князей Троекуровых. Рязанский воевода, сетующий на разорение русского дворянства новейшими обычаями, назван Кириллом Петровичем Т., единожды Троекуровым. В «Барышне-крестьянке» тип «настоящего русского барина» будет явлен в образе Григория Ивановича Муромского.

Значительные правки первой главы романа «Дубровский» касаются характеристики Кирилла Петровича Троекурова, его нрава, характера, наклонностей: «В домашнем быту Кирилла Петрович выказывал все пороки человека необразованного» (1; 161). Дважды в вариантах говорится о хлебосольстве Троекурова: «Кирилла Петрович имел пороки и добродетели человека необразованного. Он был великий хлебосол» (2; 755), однако, исключая эти слова из экспозиционной части романа, Пушкин не исключает это качество из целостного образа Троекурова, оно проявится в описаниях пиршеств помещика. К хлебосольству как отличительной барской черте автор возвращается в IX главе романа при описании застолья в день храмового праздника в Покровском: «Кирилла Петрович весело обзирал свою трапезу, и вполне наслаждался счастьем хлебосола» (1; 192). Однако в ходе повествования акцент смещается с гостеприимства, радушного угощения гостей на проявление барской праздности: «(Троекуров. – М. К.) раза два в неделю страдал от обжорства» (1; 161); «Обед в поле <...> был не по вкусу Кирилла Петровича, который прибил повара» (1; 164); «Обед, продолжавшийся около 3 часов, кончился; хозяин положил салфетку на стол – все встали и пошли в гостиную» (1; 196).

В. Б. Шкловский в «Заметках о прозе Пушкина», выстраивая хронологию романа, опирается на описание Троекурова из чернового варианта автографа в качестве свидетельства на указание возраста помещика: «Редкая девушка из его дворовых избегала сластолюбивых покушений пятидесятилетнего сатира» (2; 755), но данное за-

мечание, кроме обозначения возраста Троекурова, содержит яркую характеристику нрава барина, от которой Пушкин в первой главе отказывается, возвращаясь к этому, когда речь пойдет о сыне мамзель Мими – Сашеньке – в VIII главе, но интонация будет иная: «...множество босых ребятшек, как две капли воды похожих на Кирила Петровича, бегали перед его окнами и считались дворовыми» (1; 187), обличительный тон снимается авторской иронией.

Работа Пушкина над речевой характеристикой Троекурова имеет свои особенности. Есть эпизоды, вошедшие в установленный исследователями текст, без предварительных правок. Получив письмо от Андрея Дубровского, Троекуров «загремел»: «...да что он в самом деле задумал; да знает ли он с кем связывается? Вот я ж его... Наплачется он у меня, узнает, каково идти на Троекурова!» (1; 164). Восклицание Троекурова обретает особый смысл в свете обилия военной лексики в речи повествователя в последующих абзацах, описывающих развитие конфликта двух помещиков. Дубровский в своем владении застал покровских мужиков, «известных разбойников», рубящих его лес: «Дубровский со своим кучером поймал из них двоих и привел их связанных к себе на двор. Три неприятельские лошади достались тут же в добычу победителю» (1; 165). Дубровский «вопреки всем понятиям о праве войны, решился проучить своих пленников прутьями» (1; 165). Троекуров, «привыкший давать полную волю всем порывам пылкого своего нрава и всем затеям довольно ограниченного ума», «со всеми своими дворовыми хотел учинить нападение на Кистеневку, разорить ее дотла, и осадить самого помещика в его усадьбе» (1; 165). Не вошло в известный нам текст романа выражение, в котором покровские крестьяне названы «военнопленными» Дубровского. Трижды в напряженные моменты повествования: после сообщения Шабашкина о том, что отныне Кистенёвка принадлежит Троекурову; во время приезда исправника в Покровское с целью поимки Дубровского-Дефоржа и при передаче «пленника», рыжего и косоного оборванного мальчишки, исправнику – упоминается о том, что Троекуров насвистывает гимн «Гром победы, раздавайся», слова которого были написаны Г. Р. Державиным на взятие русскими войсками под командованием А. В. Суворова османской крепости Измаил в ходе второй турецкой войны. Троекуров и Дубровский не понаслышке были знакомы с войной, вместе участвовали в русско-турецкой кампании. Тон автора повествователя и речевая характеристика героев подготавливают читателя к будущему обобщению, к такому повороту сюжета, когда частная ссора двух помещиков примет масштаб великого противостояния.

Существенны изменения, касающиеся речи Троекурова в диалогах. В тексте академического издания Троекурову принадлежат слова о Владимире Дубровском: «...коли в твоём Володьке

будет путь...» (1; 162). Товарищеский тон Троекурова очевиден, условие подразумевает широкую интерпретацию: «будет путь» – речь идет не только о социальном положении, но, возможно, подразумеваются и нравственные качества. В вариантах автографа слова Троекурова имеют недвусмысленный намек: «...коли твой Володя выдет в люди, так отдам за него Машу; даром что он гол как сокол» (2; 756). В совокупности с обстоятельствами, при которых сам он «вышел в люди» в эпоху дворцовых переворотов, слова о Владимире оказываются недвусмысленными.

В тексте романа мотивировка лишения Троекуровым Дубровских родового имения заключается в желании его показать свою силу и всевластность: «В том-то и сила, чтобы безо всякого права отнять имение» (1; 166). В вариантах автографа намерение отнять у Дубровского имение объясняется мстительностью помещика: «В том-то и сила, чтобы безо всякого права отнять имение и пустить его нищим» (2; 761). По многочисленности правок, касающихся введения в черновой автограф романа мотива мести, можно судить, насколько важным и неоднозначным он являлся для Пушкина: «Кир<ила> Пет<рович> думал о том как бы отместить, скучал и досадовал» (2; 759), «желание мести было в нем удовлетворено» (2; 777). Жажда мщения обусловлено появление Владимира Дубровского у Троекуровых: «Я отказался от мщения, как от безумства» (1; 205). В вариантах автографа присутствует ироничная реплика Троекурова о том, что француз отомстил медведю за обиду Спицына: «Благодаря моего француза – он отомстил за твою... с позволения сказать...» (2; 800). Понятие мести в разных контекстах по-разному представляет облик героя, желавшего отомстить. Сопоставим два варианта: в тексте романа о Троекурове говорится: «От природы не был он корыстолюбив, желание мести завлекло его слишком далеко, совесть его роптала» (1; 176); в варианте автографа: «...желание мести было в нем удовлетворено» (2; 777), в последнем контексте не может идти речи о раскаянии, совести, о движениях души, а только лишь об удовлетворенной прихоти помещика-самодура. Пушкин отказывается от такого контекста. Несмотря на то, что имение уже отнято, низкий поступок совершен, само осознание происходящего, роптание совести, делает Троекурова выше чувства мести, позволяет говорить о его незлобивой натуре, испорченной барской праздностью и вседозволенностью. Но определяющим в трактовке мотива мести является не столько контекст романа «Дубровский», сколько контекст творчества Пушкина 1830-х гг. Мотив мести неразрывно связан с темой возмездия, являющейся центральной в повести «Гробовщик», трагедии «Каменный гость», драме «Русалка».

Повествование о Троекурове разворачивается параллельно с историей Андрея Гавриловича Дубровского. В тексте произведения оговаривается

социальное положение помещиков, некоторое сходство их характеров: «Будучи ровесниками, рожденные в одном сословии, воспитанные одинаково, они сходились отчасти и в характерах и в наклонностях» (1; 162). В варианте автографа говорится лишь о сходстве нравов: «они сходились и во нравах» (2; 755). О нраве Троекурова упоминалось выше: «...он привык давать полную волю всем порывам пылкого своего нрава и всем затеям довольно ограниченного ума» (1; 161). Красноречивым подтверждением пылкости нрава Дубровского являются эпизоды на псарне, в суде и в эпизоде приезда Троекурова с примирением в Кистенёвку, заканчивающимся смертью Дубровского. Нрав Дубровского имеет иную природу, нежели Троекурова, он сопряжен с чувством собственного достоинства.

Уже в начале романа столкновение главных героев приобретает характер социального конфликта. Внимание читателя с первых строк заостряется на социальном положении героев, в частности Троекурова: «...в одном из своих поместий жил старинный русский барин, Кирила Петрович Троекуров» (1; 161); «Таковы были благородные увеселения русского барина!» (1; 189). Пушкин конкретизирует офицерские чины героев: Троекуров – «отставной генерал-аншеф» (1; 162), заметим, что в вариантах автографа это уточнение отсутствует. Андрей Гаврилович Дубровский в письме к Троекурову пишет: «...я терпеть шутки от Ваших холопов не намерен, да и от Вас их не стерплю – потому что я не шут, а старинный дворянин» (1; 164). Сопоставление с вариантами автографа свидетельствует о том, что принципиально важным оказывается факт расслоения дворянства, в варианте автографа указания на отсутствие единства в одном сословии не содержится: «<я не шут, а дворянин>» (2; 759). В вариантах автографа присутствует еще одно словное определение Дубровского, вложенное в уста псара: «...иному голому дворянину не худо бы променять усадьбу на любую здешнюю канурку» (2; 757). Об офицерском же чине Дубровского говорится уже после первого упоминания: «Сей Дубровский, отставной поручик гвардии, был ему ближайшим соседом и владел семидесятью душами» (1; 162). Этот же чин вводится в текст судебного документа и неоднократно повторяется. Таким образом, дистанция в чинах между соседями была велика, что усугублялось богатством и роскошью Троекурова и скромным состоянием Дубровского, а также расслоением внутри одного сословия. Н. Н. Петрунина в статье «Пушкин на пути к роману в прозе: “Дубровский”» отмечала своеобразие конфликта: «И Дубровский, и Троекуров – представители старинных родов. В эпоху, когда: “У нас нова рождением знатность, // И чем новее, тем знатней”, старинное родовое дворянство также не остается единым. Упадок одних старинных фамилий в XVIII – начале XIX в., не мешал возвышению других»⁴, поэтому так

важно противопоставление «старинного русского барина» «старинному дворянину», «голому дворянину». Вспоминаются слова самого Пушкина из «Опровержения на критику» (1830): «...есть достоинство выше знатности рода, именно: достоинство личное»⁵.

В тексте романа сперва оговаривается материальное положение Андрея Дубровского, потом чувство зависти – нехарактерное чувство, вызванное горячностью помещика и обусловленное его положением: «Его состояние позволяло ему держать только двух гончих и одну свору борз<ых>; он не мог удержаться от некоторой зависти при виде сего великолепного заведения» (1; 163). В вариантах автографа в данном описании Андрея Дубровского говорится о чувстве зависти, а потом лишь о причине его вызвавшей, но завистливость не является свойством, присущим характеру Дубровского, поэтому, возможно, отодвигается на второй план: «Он был горячий охотник и не мог удержаться от некоторой зависти при виде великолепного заведения. Его состояние позволяло держать ему только двух гончих и одну борзую» (2; 756).

Работа Пушкина над речью Дубровского свидетельствует о том, что автор стремился передать свойственные характеру героя черты суровости, строгости и прямоты. В вариантах автографа во фразе «<Бедному дворянину, каков он, лучше жениться на бедной дворяночке, да быть главою в доме, чем сделаться приказчиком> избалованной жены» (2; 756), в тексте романа слово «жены» заменено на: «сделаться приказчиком избалованной бабенки». Другой пример работы над речью Дубровского: Пушкин тщательно ищет слова, которые могли бы передать радость отца при встрече с сыном, оказавшуюся его последней радостью, и сдержанность в выражении глубоких чувств. Рассматриваются такие варианты: «Здорово Володя», «Здорово Володинька», «Володька! сын!» (2; 775), Пушкин избирает самое подходящее приветствие после долгой разлуки: «Здравствуй, Володька!» (1; 175) – здесь проявляются и строгость, и отцовская любовь, и простота.

Ключевым эпизодом для характеристики фигуры Андрея Дубровского является сцена в суде, наиболее тщательно во второй главе прорабатывается именно его образ. Бессилие, безысходность положения Дубровского подчеркивается во фразе, определяющей и состояние героя, и отношение к нему судебных чиновников: «Андрей Гаврилович стоя прислонился к стенке – настала глубокая тишина» (1; 163), в то время как Троекуров «придвинули кресла из уважения к его чину, летам и дородности». В черновом варианте этот контраст не был столь сильно отмечен: «(Дубровский. – М. К.) прислонился к дверям» (2; 764). Лаконичное добавление о наступлении глубокой тишины определенным образом настраивает читателя, тишина воспринимается как зловещая. Безумие героя подготавливается общей

атмосферой. Кроме того, этот мотив является устойчивым для творчества Пушкина 1830-х гг. («Полтава», «Каменный гость», «Русалка», «Пир во время чумы», «Медный всадник», «Пиковая дама»). В вариантах автографа Пушкин называет состояние Дубровского только лишь «внезапным припадком» (2; 768), никак не связывая это с сумасшествием, уделяя большее внимание внешним проявлением гнева: «топнул ногою, и схватив секретаря за ворот бросил его об пол» или «потом схватил кресла и пустил их в заседателя» (2; 768). Позднее Пушкин откажется от описания разрушительного проявления физической силы, сконцентрировав внимание читателя на гневных восклицаниях Дубровского, имеющих в повести глубокий, обобщающий смысл, гораздо более широкий, нежели возмущение царящим чиновничьим беззаконием: «Как! не почитать церковь божию! прочь, хамово племя! <...> псари вводят собак в божию церковь! собаки бегают по церкви. Я вас уже проучу...» (1; 171). Страдания, связанные с крушением человеческой судьбы, становится возможным передать лишь через безумие, сумасшествие, только состоянием, по своему ужасу превосходящим горе. Недаром исследовательница романа «Дубровский» Т. П. Соболева⁶ соотносит строки из «Медного всадника», принадлежащие Евгению: «Ужо тебе!»⁷, и слова Дубровского: «Я вас уже проучу».

Итак, целенаправленность работы Пушкина над текстом произведения выражается в различ-

ных по своей сути вариантах автографа. Наиболее значительными оказываются варианты, связанные с проблематикой романа и индивидуализацией характеров. Стилистические правки раскрывают принципы работы Пушкина над речью персонажей и автора-повествователя.

Исключение из текста романа упоминания о «славном 1762 годе», разлучившем бывших сослуживцев, оставляет центральной проблемой расслоение внутри дворянского сословия. От изображения типа «русского барина» Пушкин обращается к судьбам русского дворянства.

Примечания

- ¹ Пушкин А. Дубровский // Пушкин А. Полн. собр. соч. : в 16 т. М. ; Л., 1937–1949. Т. 8, кн. 2. С. 755. В дальнейшем все ссылки на роман «Дубровский» даются в тексте по этому изданию с указанием книги и страницы в скобках.
- ² Пушкин А. Арап Петра Великого // Пушкин А. Полн. собр. соч. : в 16 т. Т. 8, кн. 1. С. 19.
- ³ Там же. Кн. 2. С. 512.
- ⁴ Петрунина Н. Пушкин на пути к роману в прозе : «Дубровский» // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 9. Л., 1979. С. 146.
- ⁵ Пушкин А. Полн. собр. соч. : в 16 т. Т. 11. С. 165.
- ⁶ См.: Соболева Т. Повесть А. С. Пушкина «Дубровский». М., 1963. С. 49–50.
- ⁷ Пушкин А. Полн. собр. соч. : в 16 т. Т. 5. С. 148.

МОТИВЫ ГАРМОНИИ И РАЗЛАДА В РУССКИХ ПОСЛОВИЧНО-ПОГОВОРЧНЫХ ТЕКСТАХ

М. В. Трухина

Саратовский государственный университет
E-mail: maruska-08@yandex.ru

В статье рассматриваются пословицы и поговорки русского народа, апеллирующие к категориям гармонии и разлада. Выделяются основные смысловые доминанты пословиц, связанных с указанными категориями. Основным источником пословиц и поговорок послужил сборник В. И. Даля «Пословицы русского народа».

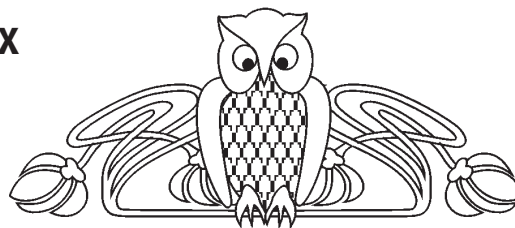
Ключевые слова: гармония, разлад, ссора, мир, конфликт, Даль, пословица, поговорка.

Motives of Harmony and Discord in Russian Proverbs and Sayings

M. V. Trukhina

In the article the proverbs and sayings applying to the categories of harmony and discord are analyzed. The basic semantic focuses related to these categories are singled out. The collection *Proverbs of the Russian People* by V. I. Dal has served as the main source of proverbs and sayings.

Key words: harmony, discord, quarrel, peace, conflict, Dal, proverb, saying.

Гармония и разлад – две противостоящие друг другу и две взаимно соотносимые универсальные ценности, два полюса человеческого бытия. Существуют внутренние противоречия, раздирающие человеческую душу, или, напротив, полное согласие человека с самим собой – его внутренняя гармония. Говорят о гармоничных межличностных отношениях или разладе с другими людьми. Самый масштабный уровень – гармония мироздания, которая занимает центральное место и выступает как норма в классической европейской (прежде всего народной) культуре. Главный конфликт здесь заключается именно в нарушении гармонии и поиске путей ее обретения.

Пословично-поговорочные тексты – средоточие народной мудрости, вобравшей в себя вековечный жизненный опыт, – так или иначе, в силу соприродной им смысловой бытийной уни-

версальности, обращаются к категории гармонии и/или проявлениям разлада. Иногда заметить это совсем не трудно – употребление лексем «ссора», «брань», «лад», «согласие» служит своеобразным маячком. Но чаще в народных изречениях понятия «гармония» и «разлад» скрываются за общечеловеческими ценностями (религия, вера), межличностными отношениями (дружба, любовь, ненависть), бытовыми реалиями (например, наличие/отсутствие хорошей пищи), воспринимать которые люди могут положительно (и тогда это гармония с окружающим миром) или отрицательно (в этом случае речь идет о несогласии и разладе со сложившимся положением вещей). По наблюдению Н. А. Добролюбова, «пословицей оканчивается иногда важный спор, решается недоумение»¹, что также немаловажно для нашего исследования, ведь спор – частное проявление разлада.

Пословицы и поговорки, пожалуй, наиболее вместительные, «упакованные», слаженные фольклорно-литературные жанры. В чем проявляется эта слаженность? Прежде всего, в словесно-художественной форме. «Это сложено удивительно складно (курсив здесь и далее наш. – М. Т.)»², – говорит В. И. Даль в «Напутном» к своему сборнику «Пословицы и поговорки русского народа» по поводу одной из пословиц. Чуть далее встречаем: «Пословица большею частью является в мерном или складном виде»³. Здесь Даль говорит уже о пословицах вообще, акцентируя внимание на их внешней стройной организации, имея в виду ритм и рифму, которая зачастую им присуща. Даль выделяет разные типы рифмы в пословицах и поговорках: созвучие в конце стиха («Много лихости, мало милости») и рифмовка слов, на которые падает логическое ударение («От сумы да от тюрьмы не зарекайся»). Напомним, что слова *ладный*, *складный* находятся в одном синонимическом ряду со словом *гармоничный*. Ладная форма пословиц и поговорок уже несет в себе некоторую внутреннюю структурную гармонию.

Но складная (ладная) форма – всего лишь содержательная экономная пословично-поговорочная оболочка: «Большая часть пословиц без красного склада и без правильного однородного размера; лад или мера в них, однако, есть, как во всякой складной, короткой речи, и лад этот даёт ей певучесть и силу»⁴. И действительно, лаконичность пословиц и поговорок делает их особенно меткими, способными в нескольких словах запечатлеть самую суть явления, наградить кого-либо изобретательной и ёмкой характеристикой, указать на правильную (или сомнительную) линию поведения. По определению М. А. Рыбниковой, пословицы и поговорки «наполняют наш язык “узелками образов”, чрезвычайно живых и эмоциональных, помогающих говорящему ярко оценивать различные явления»⁵.

Отметим, что в работах авторитетных фольклористов и культурологов пословицам и поговорокам

уделяется на удивление мало внимания. Большой интерес представляют труды А. А. Потебни и М. А. Рыбниковой. А. А. Потебня обращается к генетическому родству пословиц и басен, а М. А. Рыбникова подробно исследует жанровое своеобразие поговорок. Изучению пословиц и поговорок (в частности, их жанровой специфике) посвящены работы В. П. Аникина, Г. С. Гаврина, А. Н. Кожина, Л. А. Морозовой и других исследователей. Все они так или иначе опираются на пословично-поговорочный свод В. И. Даля, который остаётся самым авторитетным изданием в этой области. Мы обратились к труду В. И. Даля «Пословицы русского народа» как к наиболее полному собранию пословиц и поговорок с целью проследить, каким образом в них реализуются мотивы разлада и гармонии, характеризующие русское национальное, художественно-ценностное сознание в первой половине XIX в.

Прежде всего, стоит отметить, что в сборнике представлены три тематических раздела, в заглавии которых присутствуют слова, относящиеся к лексико-семантическим полям «Гармония» и «Разлад»: «Брань – привет»; «Мир – ссора – спор»; «Ссора – брань – драка». Пословицы и поговорки в них посвящены согласию (мир) или различным частным проявлениям разлада (ссора, спор, драка, война, брань) между двумя или более людьми. К этой же категории можно отнести раздел «Друг – недруг», в котором собраны пословицы о дружбе (гармоничных отношениях) и вражде (несогласии).

В разделе «Брань – привет» мотив разлада проявляется в тех бранных словах, которыми традиционно награждают своего противника в ссоре. Их можно условно разделить на несколько групп. Основная масса пословиц и поговорок этого раздела связана с пожеланием болезней, недомоганий, физических увечий недругу. Недуги варьируются от слабых, мгновенно поражающих, но относительно быстро проходящих («Прикуси бы тебе язык!») до сильных и долговременных («Чтоб тебя лихая болезнь взяла!»). Множество «пожеланий» прокладывает своеобразный мостик между этими двумя полюсами. Некоторые пословицы словно нанизывают одну хворь на другую («Сип тебе в кадык, типун на язык, чирый во весь бок!»), другие призывают на врага серьёзную болезнь («Чтоб тебя прохватило насквозь!»; «Чтоб тебя свело да скорчило, повело да покорило!»), пока не появляется совершенно беспощадное «Чтобы ты разорвало, чтоб тебя пополам, да в черепья!».

Другая обширная группа пословиц связана с попыткой отдать неприятеля на расправу нечисти: «Чтоб тебя Баба-Яга в ступе прокатила!»; «Ну его к бесу, сатане, чёрту!»; «Ну его на Лысую гору к ведьмам!». Сюда же можно отнести различные вариации пословиц и поговорок, в которых мы сталкиваемся с феноменом заколдованного места: «Ступай пропадать: отойди да провались!»; «Про-

вались он в тартарары, провались сквозь землю!»; «Провал тебя возьми! Провалиться бы тебе сквозь землю!». Заметим, что в некоторых из подобных пословиц (как, например, в пословице «Ступай пропадать: отойди да провались!») говорящий намеренно дистанцируется от заколдованного места, отправляя на него своего врага.

Ещё в разделе «Брань – привет» есть ряд пословиц, в которых врагу желают испытаний не на этом свете, а на том: «Чтоб тебе и на том свете без пристани приставать!»; «Чтоб ему на том свете икалось!»; «Да упокоятся кости его, аки жернов мельничный». В некоторых пословицах подобное пожелание выражается не прямо, а косвенно: «Умереть бы тебе без попа, без дьякона, без свечей, без ладана, без гроба, без савана!». В этой пословице речь идёт исключительно о моменте смерти, но известно, что по христианским представлениям смерть без покаяния («без попа, без дьякона») значит отсутствие покоя на том свете.

Таким образом, в разделе «Брань – привет» мы встречаемся с пожеланиями различных напастей, которыми враги «угощают» друг друга во время раздора. Здесь наблюдается переход от неприятностей, призываемых на противника на этом свете (первая группа пословиц), к вечным мучениям, на которые говорящий хочет обречь недруга после смерти, к самой страшной каре, от которой невозможно избавиться, в отличие от страданий, постигающих при жизни. Промежуточной группой являются пословицы, призывающие помощь нечистой силы – посланцев потустороннего мира, чтобы испортить жизнь врагу на этом свете, до его смерти.

Тем не менее, несмотря на обилие негативных пожеланий, в этом разделе всё же утверждается торжество доброго слова и согласия: «На добром слове кому не спасибо?»; «И собака ласково слово знает». «От доброго слова язык не усохнет», – гласит одна из пословиц, в которой, в отличие от побранок, призывающих болезни, проявляется несовместимость хороших ласковых слов, идущих от сердца, и недуга. Согласие предпочтительнее и сильнее любого раздора: «Благословенье лучше проклятья»; «Кроткое слово гнев побеждает».

В разделе «Друг – недруг» также можно выделить несколько смысловых зон, в каждой из которых мотивы разлада и гармонии проявляются по-разному. Одной из таких областей является группа пословиц и поговорок, посвященных сходству характеров, нравов как основе гармоничных взаимоотношений: «Собака собаку знает»; «Ворон ворону глаза не выклюет»; «Рыбак рыбака видит издалека» и многие другие. Все эти пословицы примерно одинаковы – меняется только субъект. Другие же – противоположные первым – говорят о том, что разница в положении людей, их характерах и условиях жизни – начало разлада: «Гусь свинье не товарищ»⁶; «Овце с волками худо жить»; «Пеший конному не товарищ»; «Стоячему с сидячим трудно говорить»; «Сапог лаптю не

дружка» и т. д. Но овцы и волки не могут мирно сосуществовать друг с другом, так устроено природой, а гусь и свинья слишком не похожи друг на друга, чтобы быть «товарищами» – так и должно быть. Таким образом, обозначая разлад в отношениях, эти пословицы утверждают гармонию миропорядка.

Особо стоит сказать о пословицах, утверждающих, что посланцы нечистой силы заведомо существуют в полном согласии друг с другом: «Мил чёрт одному сагане»; «Чёрт дьяволу родимый»; «Сбирайтесь, бесы, сагана-то здесь!». Эти пословицы внешне близки к тем, что полагают сходство основой гармоничного сосуществования и товарищества. Но при этом нечистая сила противопоставляется роду людскому – они искони не ладят между собой: «Бес беса хвалит, а людям беды ладит». Получается, что представители нечистой силы вносят неприменный разлад в безбедную жизнь людей, но при этом находятся в гармонии друг с другом.

Другая группа пословиц утверждает, что дружеские гармоничные отношения (чаще всего отношения бытовые, гостевые, застольные) преобразуют действительность в лучшую сторону: «Был я у друга, пил я воду слаще мёда»; «Одному и пьяно, да не мило; с другом и хмельно, да умно».

Много пословиц и поговорок рассматривают лад между друзьями с точки зрения денежной выгоды/убытка. Эти пословицы можно разделить на две части. Первые утверждают, что деньги никак не влияют на согласие друзей, приятелей, близких людей: «Счёт дружбы не испортит»; «Свои люди, сочтёмся»; «Что за счёты между друзьями?»; «Доброе братство милее богатства». Сюда же можно отнести пословицы, которые уверенно ставят дружбу выше любого богатства: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей»; «Друг денег дороже». В иных пословицах, напротив, говорится о несомненном влиянии достатка или недостатка денег, а также займа на приятельские отношения: «Нужда сдружила, приволье раздружило»; «Не давай денег, не теряй дружбы»; «Называется другом, а обирает кругом».

Основная же часть пословиц этого раздела представляет собой метафорическое описание дружеского согласия («Эка дружба! Топором не разрубишь»; «Иже на како не солгут) или (отметим, что этих пословиц больше) иносказательного изображения раздора («Как кошка с собакой»; «Полубил его, как собака палку» и т. д.).

Отдельно остановимся на пословицах, в которых наблюдается психологически сложное и противоречивое переплетение мотивов разлада и гармонии: «Не люби друга потаковщика, люби встречника»; «Недруг поддакивает, а друг спорит». Дружеские отношения, которые должны быть в целом гармоничными и ладными, не только не исключают споров, но и не могут обходиться без них. Всё дело в том, что здесь мотивы разлада и гармонии сталкиваются с категорией правды.

Ложь – это своего рода разлад между словами и действительностью, а правда – их гармоничное соответствие друг другу, а значит, согласие между ними. Друг спорит, высказывая своё истинное мнение. Таким образом, слова, находящиеся в согласии с действительностью, вносят в отношения разлад (спор как частное его проявление). Враг же, напротив, льстит и соглашается, преследуя корыстные цели, прикрывая лживые слова, находящиеся в противоречии с реальностью, мнимым согласием, так называемым поддакиванием.

В разделе «Мир – ссора – спор» на первый план выходит понятие «мир», синонимичное согласию и гармонии. В народном сознании мир становится логичным, естественным и желанным завершением ссоры: «Хорошо браниться, когда мир готов»; «Всякая ссора красна мировую». Достижение согласия намного важнее и нужнее, чем ссора, которая тоже бывает нужна: «Кстати бранись, а и не кстати, да мирись!». Стремление народа к мирной жизни и попытку избежать разлада отражают многие пословицы раздела «Суеверия – приметы»: «Не играй ножом, ссора будет»; «Через порог ничего не принимать – будет ссора».

Раздел «Ссора – брань – драка» весьма противоречив: здесь сталкиваются как пословицы и поговорки, позиционирующие разлад и его внешние проявления (ссору, брань, драку) как величайшее зло («Ссора до добра не доводит»; «В ссорах да во вздорах пути не бывает»), так и те, в которых говорится о неизбежности и даже необходимости ссор («Как ни колотись, а без брани не житье»; «Сколько ни мучиться, а без ссоры не прожить»).

В других разделах также встречаются пословицы и поговорки, в которых проявляются мотивы разлада и гармонии. Мы останавливаемся лишь на самых многочисленных и важных группах.

Прежде всего, необходимо отметить, что женщина в народном (мужском по преимуществу?) представлении неразрывно связана с разладом («Стели бабе вдоль, она меряет поперёк»), бранью («Собака умней бабы: на хозяина не лает»; «Бабий язык, куда ни завались, достанет») и нечистой силой («Вольна баба в языке, а чёрт в бабьем кадыке»). Женщина считается зачинщицей всевозможных скандалов, она их провоцирует и виновата в них изначально: «Женщина виновата искони бе».

Второй противоречивой группой пословиц оказываются изречения, связанные с феноменом денег. Деньги становятся источником разлада. Иногда даже согласие в отношениях объясняется лишь отсутствием взаимной материальной заинтересованности: «Нам с тобой нечего ссориться, наследства не делить».

Кроме того, деньги могут быть причиной не только межличностного разлада, но также внутреннего беспокойства, дисгармонии: «Богатому не спится, богатый вора боится».

В относительно небольшом разделе «Сосед – рубеж» почти каждая пословица и поговорка име-

ет отношение к категориям гармонии и разлада. Большинство пословиц этого раздела утверждает, что сосед – это близкий человек, хороший друг: «Без брата проживу, а без соседа не проживу»; «Жить в соседах – быть в беседах»; «Близкий сосед лучше дальней родни». Однако насколько бы гармоничными не были отношения между соседями, народная мудрость предупреждает: «С соседом дружись, а за саблю держись». Поэтому как бы дружно и ладно не жили соседи, необходимо очертить границу владений, за которую не стоит переступать: «С соседом дружись, а тын (забор) городи», «Без межи не вотчина». И тут же подчеркивается, что граница, раздел – источник раздоров: «Межи да грани – ссоры да брани». Кроме того, «на межах да распутьях нечистая сила», а нечистая сила несет разлад и беды в жизнь людей, нарушает мировую гармонию.

Интересен с точки зрения реализации мотивов разлада и гармонии раздел «Бог – вера». В общем и целом он выходит за рамки оппозиции «гармонично – не гармонично», поскольку Божья воля всегда правильна, соответственно, где Бог – там гармония. «Свет в храмине от свечи, а в душе от молитвы» – в этой пословице слово «свет» – контекстуальный синоним понятий «умиротворение», «спокойствие», «гармония». Молитва – средство общения с Богом – становится проводником света в человеческой душе. Божья воля правильна, а значит, неоспорима: «С Богом не поспоришь»; «С Богом не спороваться».

Безусловно, в каждом разделе есть пословицы и поговорки, апеллирующие к категориям гармонии и разлада. Но так или иначе они относятся к смысловым доминантам, выделенным нами в этой статье. Как мы видим, в зафиксированном В. И. Далем своде русских пословиц и поговорок вся безоглядная картина жизни, начиная от внутреннего мира отдельной личности и заканчивая беспредельным мирозданием, размещается между двумя полюсами – гармонией и хаосом (зачастую, синонимом разлада).

Примечания

- ¹ Добролюбов Н. О некоторых местных пословицах и поговорках Нижегородской губернии // Добролюбов Н. Полн. собр. соч. : в 6 т. Т. 1. М., 1934. С. 493.
- ² Даль В. Пословицы русского народа. М., 1862. С. 31.
- ³ Там же. С. 29.
- ⁴ Там же. С. 32.
- ⁵ Рыбникова М. Русские пословицы и поговорки. М., 1961. С. 19.
- ⁶ Этой пословице уделяется особое внимание в нашей работе, поскольку она представляет для нас интерес в связи с повестью Н. В. Гоголя «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Напомним, что Иван Никифорович назвал Ивана Ивановича гусаком, а прошение Ивана Никифоровича утащила бурая свинья. В статье «Мотив ссоры

в цикле повестей Н. В. Гоголя “Вечера на хуторе близ Диканьки”) мы говорили о том, что «ссора является неперменным атрибутом действий нечисти. Провоцируя конфликты, потусторонние силы проникают в жизнь людей, трансформируя установленный миропорядок» (Трухина М. В. Мотив ссоры в цикле повестей Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» // Филологические этюды : сб. науч. ст.

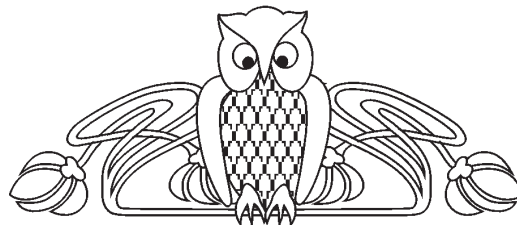
молодых ученых. Вып. 14, ч. 1. Саратов, 2011). Таким образом, налицо взаимосвязь мотива ссоры (частного проявления мотива разлада) и мотива нечистой силы. Перспективным представляется размышление о связи мотивов нечистой силы и гармонии у Гоголя – находятся ли представители потусторонних сил в согласии между собой, как в пословично-поговорочной традиции.

УДК 821.161.1.09+929 Гоголь

О ЧЕРТЫХАНИЯХ ГОГОЛЕВСКИХ ГЕРОЕВ

Е. Е. Завьялова

Астраханский государственный университет
E-mail: zavyalovaelena@mail.ru

В статье рассматривается специфика экспрессивных высказываний, связанных с упоминанием чёрта; устанавливается динамика изменений, которые эти формы претерпевают. Делается вывод, что чертыхания – это один из значимых элементов гоголевской поэтики, который помогает донести до читателя горькие истины. **Ключевые слова:** чертыхания, междометные выражения, щегольской жаргон, гендер, социокультурное различие, inferнальность, мифология.

голем стилистически маркированных выражений всё ещё недостаточно исследован. В связи с этим мы рассматриваем специфику экспрессивных высказываний гоголевских героев, связанных с упоминанием нечистой силы, конкретнее – чёрта; установили динамику изменений, которые эти формы претерпевают на протяжении творческого пути писателя. Для получения более доказательных выводов мы обратились к анализу текстов, применив метод сплошной выборки. В результате проведённой работы установлены следующие факты.

On Gogol's Heroes' Swearing Mentioning the Devil

Е. Е. Zavyalova

This article discusses the specifics of expressive sayings associated with mentioning the devil; the dynamics of changes these forms are undergoing is revealed. It is concluded that mentioning evil spirits is one of the most important elements of Gogol's poetics, which helps to convey to the reader the bitter truth.

В отличие от художественных произведений, в публицистике Н. В. Гоголя чертыханий практически нет. Более того, изучение соответствующих черновигов позволяет сделать вывод, что писатель сознательно избегает подобных выражений. Например, в «Петербургских записках 1836 года» изымается междометное сочетание из предложения «Однако ж, чорт⁹ возьми, странный русской народ...»¹⁰; только в черновом варианте статьи «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» остаётся сравнение «Как чорт вертелся несколько часов...» (VIII, 528) и т.д. Указанные факты свидетельствуют о том, что для Н. В. Гоголя упоминания в текстах нечистого – особый приём, позволительный в одних случаях и недопустимый в прочих.

Key words: swearing mentioning the devil, interjection expressions, dandy jargon, gender, socio-cultural distinction, infernality, mythology.

Ориентированные на фольклор «Вечера на хуторе близ Диканьки» вбирают традиционные сюжеты быличек, других жанров устного народного творчества, писатель изображает соответствующих демонологических персонажей. Поэтому оскорбительные в обыденной жизни выражения в пространстве малороссийских историй нередко приобретают иную коннотацию: Вакула говорит Пацюку, что тот приходится «немного сродни чорту» (I, 223), голова, любящая Солохой, восхищённо восклицает: «Эх, добрая баба! Чорт-баба!» (I, 211), Басаврюк величает ведьму «старой чертовкой» (I, 145) и т.д.

Объясняя частое употребление чертыханий в гоголевских текстах, литературоведы выдвигают несколько к тому оснований, среди которых:

- 1) адекватное отображение социальной среды¹;
- 2) передача национального реалистического колорита²;
- 3) привнесение элементов народной смеховой культуры с её стихийно-материалистичным характером³;
- 4) воспроизведение языческого миропонимания⁴;
- 5) противопоставление «своего» мира «чужому»⁵;
- 6) указание на заблудшее сознание персонажей, оказавшихся в «нечистом» пространстве⁶;
- 7) выделение в портрете героя inferнальных примет⁷;
- 8) и даже – утверждение антиапокалиптической идеи⁸.

Несмотря на пристальное внимание к обозначенной теме, вопрос об использовании Н. В. Го-

столкновение героев повестей со сверхъестественной силой вызывает у них страх, раз-

дражение, что нередко проявляется в вербальной агрессии. Дед Максим, когда перестаёт «вытанцовываться», ругается: «Вишь, дьявольское место! вишь, сатанинское наваждение!» (I, 311); блуждающие по селу кум и Чуб негодуют: «Дёрнет же нечистая сила потаскаться по такой вьюге! <...> Эк, какую кучу снега напустил в очи сатана!» (I, 213), – здесь реализуется символика «нечистого», опасного локуса. А. Терц замечает: «Всё не так и не то – тут-то и скрывается чорт»¹¹. Писатель «оживляет»... фразеологические сочетания¹², возвращает широко распространённым в гоголевские времена устойчивым выражениям их исконное мифологическое содержание.

На игре значения идиомы и прямого, «демонического», смысла построены восклицания двух «парных» историй «Вечеров...»: «...ей снилось, что печь ездил по хате, выгоняя вон лопатой горшки, лоханки и чорт знает что ещё такое...» (I, 190–191) и «...взойдет такое, что и разобрать нельзя: арбуз – не арбуз, тыква – не тыква, огурец – не огурец... чорт знает, что такое!» (I, 316). В «Пропавшей грамоте» и в «Заколдованном месте» герои наказываются за проникновение в потусторонний мир, наваждение оказывается следствием их неправильных действий, а потому *чёрт*, действительно, *знает, что такое* происходит¹³.

То же можно сказать и про междометные восклицания. Когда Чуб не находит на небе месяца и сердится: «Что за дьявол!» (I, 205), его слова выражают досаду; но в пропаже месяца действительно виновата нечистая сила. Когда Остап спрашивает Максима: «...а куда тебя, дед, черти дели сегодня?» (I, 312), внук оказывается недалёк от истины: тут на самом деле не обошлось без вмешательства нечеловека. Когда самого старика пугает страшная харя с красными глазами, он говорит ей: «Чорт с тобою!» (I, 314), бросает вожделенный котёл обратно в яму.

Чертыгаются в произведениях Н. В. Гоголя в подавляющем большинстве случаев персонажи-мужчины, на это обратила внимание И. А. Попова-Бондаренко, связав с данным фактом большую подверженность таких героев воздействию сатанинской силы¹⁴. Мы же хотим отметить, что тут дают о себе знать стереотипы мужественности: стандарты маскулинности обуславливают не только модель поведения «образцовых» гоголевских козаков, но и их речевые характеристики. Поэтому чаще других в «Вечерах...» чертыгаются голова из «Майской ночи», дед Максим из «Заколдованного места», Чуб, Вакула из «Ночи перед Рождеством», то есть те герои, в поведении которых сильно мужское начало.

В целом нужно отметить, что, хотя некоторые персонажи и остерегаются называть чёрта по имени, закономерность в первом сборнике писателя и в набросках, близких к нему («Страшном кабане», например) скорее обратная: нечисть постоянно строит людям козни, а потому герои вынуждены упоминать о ней. «Человек подпадает дьяволь-

ским чарам, не подозревая о том, имея дело <...> с непосредственным окружением и повседневным своим состоянием», – замечает А. Терц¹⁵. Когда, например, Вакула, возмущённый тем, что Пацюк ест скромные вареники в сочельник, восклицает: «Однако, что за чёрт!» (I, 224), он не содействует «материализации» чёрта – лукавый и так найдется у него буквально за плечами, в маленьком мешке.

Повести, входящие в «Миргород», разнороднее, употребления в них номинаций с семантикой нечистой силы носят дифференцированный характер. Наибольшее число чертыханий встречается в самом нефантастическом произведении сборника – в «Тарасе Бульбе». Во-первых, тема народно-героической эпопеи – борьба за религиозно-национальную независимость южной Руси, и ненависть к врагам оказывается в центре авторского внимания. Ср. восклицания Тараса: «Держите, держите чортова ляха...» (II, 92), «Что ж ты, чортов гайдук...» (II, 160); «Врёшь, чортов Иуда!» (II, 114), «Врёшь, чортов жид!» (II, 112), «Врёшь ты, чортов сын!» (II, 160), «И ты не убил тут же на месте его, чортова сына?» (про Андрия) (II, 113), «Своих, чортов сын, своих бьёшь?» (Андрию) (II, 143), «Что, взяли, чортовы ляхи?» (перед смертью) (II, 170). В. Ш. Кривонос на материале лексем, относящихся к собачьему коду, убедительно доказывает, что обилие экспрессивных выражений в «Тарасе Бульбе» семантически соотносено с важнейшей для гоголевской повести оппозицией «свой» мир – «чужой» мир¹⁶.

Во-вторых, частое употребление чертыханий, как и в «Вечерах...», характерно для brutальных персонажей (о чём, кстати, свидетельствует гоголевское замечание про гайдука, который «по всем приметам казался начальником, потому что ругался сильнее всех» (II, 158)). Значительная доля чертыханий адресована сотоварищам, показательны в этом плане выборы кошевого: «Не пятыя же, чортов сын!», – кричат Кирдюгу из толпы (II, 71). «...Многие запорожцы позадолжались в шинки жидам и своим братьям столько, что ни один чорт теперь и веры неёмёт», – возмущается новоиспечённый атаман (II, 74). И даже лирический герой «Тараса Бульбы», восхищаясь красотой необозримого пространства Запорожья, восклицает: «Чорт вас возьми, степи, как вы хороши!» (II, 59).

Уместно вспомнить теорию М. Ю. Михайлина о появлении на территориях «фронтира» своеобразных мужских кодов, подчёркивающих маргинальность охотничьего и воинского пространства по отношению к магически понимаемому культурному центру. Там каждый представитель сильного пола автоматически теряет «семейные» магические роли, существенные для «совместных» территорий (отец, сын, муж, глава семейства), и приобретает взамен роли чисто маскулинные, характерные для агрессивного и монолитного в половом отношении мужского

коллектива (охотник, воин, ратный или охотничий вождь)»¹⁷. В своём произведении Н. В. Гоголь показывает чисто мужскую, воинскую среду, которую можно определить как «хтоническую и магически враждебную»¹⁸. О наличии некоего табуистического кода на Сечи свидетельствует, на наш взгляд, уже сама кличка коня Тараса – Чорт.

Гендерная дифференциация речи в произведении вступает во взаимодействие с дифференциацией социокультурной. Начальник гайдуков чертыхается по-своему: «...сто дьяблов чортовой матке!» (II, 158). Ещё более знаменательна в этом смысле речь Янкеля перед запорожцами. Чтобы вызвать у козаков сочувствие и избежать расправы, он начинает говорить на их языке: «Как можно, чтобы мы думали про запорожцев что-нибудь нехорошее! Те совсем не наши, те, что арендаторствуют на Украине! Ей-богу, не наши! То совсем не жиды: то чорт знает что <...> А католиков мы и знать не хотим: пусть им чорт приснится! Мы с запорожцами как братья родные...» (II, 79).

Об остальных частях сборника. В «Вие» чертыхается в основном Хома Брут. Его поведение, речь и даже фамилия¹⁹ (от франц. *brutal* – грубый, суровый²⁰) являют яркие признаки маскулинности: философ любит курить трубку (II, 181) и проводить время в корчме (II, 188), с лёгкостью заводит отношения с «молодою вдовою в жёлтом очипке» (II, 188), толкает «ногою в морду» свинью (II, 185), «со всех сил» колотит старуху *поленом* (II, 187). С другой стороны, исследователи неоднократно отмечали, что «вскользь сказанные слова» (имеется в виду неосторожное поминание чёрта) подвели героя «к опасному пространству»²¹ и «вызванный по имени чорт на самом деле, буквально, принёс Брута в лапы ведьмы»²². На наш взгляд, диалог философа с ведьмой можно рассматривать как подспудный вызов бесовским силам («А мы бы уже за всё это, – продолжал философ, – расплатились бы завтра как следует – чистоганом. Да, – продолжал он тихо, – чорта с два получишь ты что-нибудь!» (II, 184)). Впрочем, чертыхаются в «Вие» также отец панночки и ректор духовной семинарии (!), а потому проводить прямую параллель между сквернословием философа и приключившейся с ним историей, как и в других малороссийских повестях, не представляется возможным.

В «Старосветских помещиках» подобные высказывания отсутствуют, вероятно, потому что им нет места в патриархальной идиллии, даже если канонический жанр воспроизводится в присутствии Н. В. Гоголю иронической манере. Зато в «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» чертыханий много. Мужественность Ивана Никифоровича и женственность Ивана Ивановича (на которые указал в своё время И. Д. Ермаков²³), кроме прочего, обнаруживают себя в отношении к ругательствам: «“Чтоб его (время) чорт взял! некуда деваться от жару”. “Вот, таки нужно помянуть чорта. Эй,

Иван Никифорович! Вы вспомните моё слово, да уже будет поздно: достанется вам на том свете за богопротивные слова”» (II, 232); «“Разве чорту поминки делать”. “Опять! без чорта таки нельзя обойтись! Грех вам, ей богу грех, Иван Никифорович!”» (II, 234–235) и т. д. Комизм этих диалогов заключается в том, что Иван Иванович, увещевая своего приятеля, машинально повторяет за ним богомерзкие выражения.

Всевозможные упоминания о нечистой силе встречаются в последней повести чаще, чем в остальных произведениях «Миргорода». Сосед приятелей любит говорить, что их «сам чорт связал верёвочкой» (II, 226). Гусиный хлев выстроен «с дьявольскою скоростью» (II, 242). Городничий делает «бесовски плутовскую улыбку» (II, 257). При появлении на обеде в собрании Ивана Никифоровича всё общество повергнуто в изумление, которое не смогло бы произвести даже прибытие «сатаны или мертвеца» (II, 270). Секретарь показывает на лице «дьявольски двусмысленную мину, которую принимает один только сатана, когда видит у ног своих прибегающую к нему жертву» (II, 263). В сатирическое повествование о глупой тяжбе двух обывателей введены элементы весьма популярных в то время произведений о князе тьме²⁴. Указанный приём будет встречаться в большинстве последующих произведений писателя. Его следует считать одним из способов актуализации inferнального художественного пространства, которое позволило Ю. В. Манну вести речь о «нефантастической фантастике»²⁵ Н. В. Гоголя.

В «Петербургских повестях» количество рассматриваемых междометных выражений и словосочетаний с местоименным указателем объекта «чёрт» уменьшается. Восклицания теряют свою оригинальную форму, унифицируются. Слова А. Белого, что «от “Веч.” до первого тома “МД” краски гаснут, как бы выцветают и в тень садясь»²⁶, вполне можно отнести и к чертыханиям гоголевских персонажей. Привычные для читателей формулировки переходят из одной петербургской повести в другую. См., например, фразы с междометным выражением «Чёрт побери», которое в первой половине XIX в. входило в состав «щегольского наречия» и воспринималось в его контексте как калька с французского «que diable t'emporte»²⁷: «Чорт побери, мой друг Гофман, я немец, а не русская свинья!» (III, 44) (Шиллер, «Невский проспект»); «Хорошо, хорошо, чорт побери!» (III, 74) (Ковалёв, «Нос»); «Чорт побери! гадко на свете!» (III, 83) (Чартков, «Портрет»); «Чорт побери, как теперь хорошо осветилось его лицо!» (рисующий Петромихали художник, «Портрет») (III, 128); «Ну, брат, не даром ты хотел сжечь портрет. Чорт его побери, в нём есть что-то странное...» (товарищ, выпросивший портрет у художника) (III, 132); «Чорт побери! Желал бы я сам сделаться генералом...» (Поприщин, «Записки сумасшедшего» (III, 205)). Налицо ситуа-

тивность значения чертыханий – от удивления до негодования, от досады до восхищения.

Восклицания героев «Петербургских повестей» носят общеупотребительный характер, они похожи на междометные выражения, коими вплоть до 1847 г. изобилуют письма самого Н. В. Гоголя (А. С. Данилевскому, М. А. Максимовичу, М. П. Погодину, А. С. Пушкину, В. А. Жуковскому, П. А. Плетнёву, М. С. Щепкину, А. А. Иванову и др.). Ср.: «К чорту...» (X, 297, 353), «...чорт меня возьми...» (X, 322), «Чорт возьми...» (X, 322, 323, 326, 327; XI, 96), «...чорт с ним...» (XI, 282), «...чорт знает» (X, 357, 375; XI, 190, 289, 320; XII, 356; XIII, 118, 201), «Чтоб его чорт побрал...» (X, 259), «Чорт побери...» (X, 262; XI, 165). Особого внимания заслуживает тот факт, что в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» восклицание «чорт побери!» не встречается ни разу, а в «Миргороде» – лишь один раз.

Чаще всего употребляют ругательства Чартков, Поприщин и Ковалёв. В первом случае более очевидна бесовская подоплёка: художник дважды упоминает чёрта, когда в свете красной зари несёт под мышкой приобретённый портрет. А. Терц пишет, что «омрачённые мысли и безответственные слова мог подсказать Чарткову новообретённый портрет, явившийся первопричиной всех его дальнейших несчастий. Но так или иначе словесный аккомпанемент с крамольным упоминанием чорта сопровождает и подкрепляет создавшуюся ситуацию, в которую неожиданно-негаданно попал герой Гоголя»²⁸. После чудесного нахождения денег художник выходит «на улицу живой, бойкой, по русскому выражению: чорту не брат» (III, 97) – вновь следует отметить игру слов, на этот раз в речи повествователя: *Чартков чорту не брат*.

Утрата Поприщиным рассудка оборачивается достижением героем определённого уровня свободы, избавлением от автоматизма. Чертыхания, ритмически размеченные в его репликах, помогают продемонстрировать не только вспышки агрессии, но и стремление титулярного советника к социальной независимости: «Да я плюю на него! Велика важность надворный советник! вывесил золотую цепочку к часам, заказывает сапоги по тридцати рублей – да чорт его побери!» (III, 198). Однако, как отмечает В. Ш. Кривонос, «частое упоминание персонажами (и повествователем) “чорта” <...> и др. – выражает не только их эмоциональную реакцию на те или иные ситуации и события, но и ощущаемую ими связь окружающего пространства с нечистой силой. Обращения к “чорту” порождаются одновременно и пространственной “нечистотой”, и заблудшим сознанием персонажей, отражающим их “заколдованное” состояние»²⁹. Поэтому, в частности, чертыхания в «Записках сумасшедшего» оказываются одним из способов передачи мифологических интенций: «Женщина влюблена в чорта... Она любит только одного чорта. Вон

видите, из ложки первого яруса она наводит лорнет. Вы думаете, что она глядит на этого толстяка со звездой? совсем нет, она глядит на чорта, что у него стоит за спиной. Вон он спрятался к нему в звезду» (III, 209).

Частые чертыхания Ковалёва также объясняются эмоциональностью, амбициозностью коллежского асессора, с одной стороны, и фантазмагоричностью происходящего, с другой. Фабула «Носа» не имеет выраженных причинно-следственных связей, логику событий нельзя восстановить, поместив событие в архаическую или традиционалистскую систему координат. Обратившись к аналогии с законом физики, можно сказать, что многочисленные упоминания нечистого «ионизируют» разряженное абсурдистское пространство гоголевского текста, в результате чего разность потенциалов порождает «разряд», то есть глубинный смысл.

«Прозаичны» по своей форме чертыхания и в **комедиях** Н. В. Гоголя. Природа драматического текста почти всегда исключает авторские характеристики, предполагает угадывание читателями и зрителями характера, намерений действующих лиц по их речевому складу, особенностям интонации и т. п. Поэтому излюбленные писателем междометные выражения в пьесах приобретают особую функциональность.

Наименьшее число интересующих нас форм содержится в «Женитьбе». Этому факту можно найти бытовое, прагматическое объяснение: обе стороны, участвующие в сватовстве, хотят показать себя с выгодной стороны, используют этикетные формулировки («А по какой причине – изволили одолжить посещением?» (V, 30); «А прошу покорнейше садиться» (V, 31); «Не с папенькой ли прелестной хозяйки дома имею честь говорить?» (V, 26); «Скажи же, скажи: благодарствую, мол, с моим удовольствием. Нехорошо же так сидеть» (V, 33)) и стараются избежать богомерзких выражений. Однако гоголевский вариант ризвития событий мало соответствует старинному обряду предложения брака, и чертыхания героев – тому прямое доказательство. В начале действия Подколесин фактически высказывает основную мысль произведения, используя при этом искомые выражения: «А ведь хлопотливая, чорт возьми, вещь – женитьба! То, да сё, да это. Чтобы то да это было исправно – нет, чорт побери, это не так легко, как говорят» (V, 12). В силу своего решительного разбитного характера первую скрипку в пьесе играет Кочкарёв; традиционное для литературоведения сопоставление этого героя с чёртом³⁰ не в последнюю очередь базируется на постоянном сквернословии Ильи Фомича. Третий герой «Женитьбы», поминающий нечистого, – высокомерный, резкий Яичница.

В «Ревизоре» часто чертыхается Городничий, что вполне соотнобразится с гоголевским стилем изображения грубого, деспотичного персонажа. Примерно в два раза меньше междометных и

близких к ним высказываний с соответствующими лексемами в речи Хлестакова. Сначала Иван Александрович возмущается плохим обслуживанием в гостинице, при этом его реплики очень напоминают инвективы Поприщина: «Как же они едят, а я не ем? отчего же я, чорт возьми, не могу так же? разве они не такие же проезжающие, как и я?» (IV, 31). В следующий раз Хлестаков чертыхается во время приёма просителей, когда получает возможность почувствовать себя на недосягаемой для его собеседников высоте. Потом – при «любовном» объяснении: «*Анна Андреевна* (увидев Хлестакова на коленях). “Ах, какой пассаж!” *Хлестаков* (вставая). “А, чорт возьми!”» (IV, 75); литературно-театральные штампы в этой сцене легко увязываются со «щегольским наречием». По одному или по два раза упоминают чёрта практически все чиновники в комедии: судья, смотритель училищ, попечитель богоугодных заведений, почтмейстер, в то время как помещики Добчинский и Бобчинский не используют таких выражений. Необычным для гоголевского стиля является образ сквернословящей женщины: после известия о помолвке Марьи Антоновны с «ревизором» жена отставного чиновника Коробкина бросает в сторону Городничего: «Чорт тебя побери!» (IV, 88).

В комедии «Игроки» постоянно чертыхаются три действующих лица: Глов-младший, Ихарев и Утешительный. Первый на протяжении основного действия играет роль наивного юнца, мечтающего казаться буйном и храбрецом – «настоящим» гусаром. Для него ругательства – нарочито неуклюжая попытка презентовать себя как сильного и грубого «самца», отсюда механистическая идентичность реплик: «Чорт её побери с её свадьбой!» (V, 86), «Чорт побери, если так; играю!» (V, 87), «Чорт побери!» (V, 88), «Чорт побери, ва-банк!» (V, 88), «Ва-банк, чорт побери...» (V, 88, 89), «Чорт побери, побегу прямо к ней» (V, 91), «Чорт побери, да здравствует гусарство!» (V, 91). Примечательно, что когда Глов снимает маску, открывается перед Ихаревым, его чертыхания не прекращаются, но становятся более разнообразными по форме: «Какой чорт долг!» (V, 99), «...чорт ли и будут от него дети!» (V, 99). Второй персонаж, склонный к экспрессивным выражениям, – Ихарев. В ходе его общения с новыми приятелями междометия передают высокую степень возбуждения, которое охватывает помещика при мысли о грандиозности планируемой аферы. Пик сквернословия Ихарева приходится на последние явления, когда открывается истинная схема предпринятой компанией махинации. Третий «финалист» – Утешительный, «мозг» шулерской компании. Возможно, Степан Иванович намеренно подражает Ихареву и Глову, чтобы создать иллюзию полного взаимопонимания, единства взглядов.

В последней комедии Н. В. Гоголя бранящиеся герои-плуты вовлечены в нечестивое занятие – игру в карты, кои, согласно ортодоксальному христианству, есть орудие бесообщения. Иными

словами, с точки зрения религии (и не только православия), в «Игроках» писатель показывает грех в кубе: бесовские игры – мошенничество – чертыхания. Но, как раньше, в подтексте всех трёх комедий содержится мотив иррациональности происходящего: «...“чорт” предстает в значении необъяснимой мировой чепухи или мнимости, лежащей подо всем, что ни творится на свете в гоголевском исполнении. Сама физиономия жизни носит признаки “чорта”»³¹.

В итоговом произведении писателя находят отражение почти все отмеченные закономерности. По понятным причинам чаще всего герои «**Мёртвых душ**» чертыхаются, когда взволнованы, раздражены. Примером могут служить реплики Чичикова, которого возмущают скудоумие Коробочки (VI, 54), прижимистость Собакевича (VI, 104, 108), мотовство Петуха (VII, 50, 56) и т. п. Заслуживает внимания тот факт, что в состоянии негодования упоминают чёрта и положительные герои поэмы. Так, идеальный помещик Костанжогло, образ которого намечен во II томе поэмы, четырежды употребляет междометные высказывания с лексемой «чёрт», когда рассуждает об изъянах российской экономической системы (VII, 67, 69, 71). Но больше всех чертыхаются неугомонный Ноздрёв и активный, предприимчивый Чичиков, в поведении которых исследователи неоднократно отмечали демонические черты³².

В ряде случаев упоминания нечистого в поэме способствуют усилению сказовых интонаций, например, в «Повести о капитане Копейкине»: «какая-нибудь Гороховая, чорт возьми!» (VI, 200), «мосты там висят эдаким чортом, можете представить себе» (VI, 200). Чертыхания содержатся и в словах повествователя «Мёртвых душ», главным образом, потому что они включают в себя непосредственно-прямую речь героев, например: «Ему (Петрушке) нравилось не то, о чём читал он, но больше самое чтение, или, лучше сказать, процесс самого чтения, что вот-де из букв вечно выходит какое-нибудь слово, которое иной раз чорт знает что и значит» (VI, 20); «Они говорили <...> что главный предмет, на который нужно обратить внимание, есть мёртвые души, которые, впрочем, чорт его знает, что значат, но в них заключено...» (VI, 192); «И какой же русский не любит быстрой езды? Его ли душе, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: “чорт побери всё!” его ли душе не любить её?» (VI, 246).

Как и прежде, Н. В. Гоголь актуализирует прямое, мифологическое значение оборотов, в результате чего в очерченное писателем заурядное пространство российской действительности вторгаются дьявольские силы: «Чорт сбил с толку обоих чиновников...» (VI, 236), «пусть к тебе повадится чорт подвертываться всякой день под руку, так что вот и не хочешь брать, а он сам суёт» (VI, 197), «а можно ли в самом деле устоять против чорта» (VI, 197). Мастерски воссоздаваемая в обоих томах «Мёртвых душ» кутерьма имеет

прямое отношение к преисподней: в послании «Занимающему важное место» Н. В. Гоголь пишет про «чорта путаницы» (VIII, 358), который является всякий раз, когда случаются обман, интриги, ссоры.

В отличие от ранее написанных произведений, в «Мёртвых душах» почти не упоминаются дьявол и сатана. Учитывая объёмность текста поэмы, этот факт нельзя считать случайностью. В 1844 г. в письме С. Т. Аксакову Н. В. Гоголь высказывает мысль, которая имеет прямое отношение к затронутой нами проблеме: «...теперь я <...> вижу ясней многие вещи и называю их прямо по имени, т. е. чорта называю прямо чортом, не даю ему вовсе великолепного костюма à la Байрон...» (XII, 31). Лишь в эпизоде беседы Муразова с Чичиковым (наброски II тома) Павел Иванович обрушивается на добродетельного откупщика поток пышных фраз: «Сатана проклятый оболстил...» (VII, 110), «Искусил шельма сатана, изверг человеческого рода!» (VII, 110), «Демон-искуситель сбил, совлек с пути, сатана, чорт, исчадь» (VII, 113). Преувеличенный пафос в словах и жестах главного героя проявляется не в последнюю очередь благодаря смене оценочных номинаций (которой не наблюдается, например, в «Выбранных местах из переписки с друзьями»), что позволяет сомневаться в искренности раскаяния Чичикова.

Подведём итоги. Н. В. Гоголь любил забористое слово³³, охотно употреблял соответствующие выражения в письмах к приятелям, особенно в юности. Но в публицистике от подобной лексики сознательно отказывался. Другое дело – художественные тексты; в них чертыхания были призваны выполнять ряд важных функций (они перечислены в начале данной статьи). Поэтому почти во всех сочинениях писателя герои поминуют лукавого. Примечательно, что исключение составляют те произведения, которые стоят особняком среди остального гоголевского наследия: юношеская поэма «Ганц Кюхельгартен», «неоконченная» повесть «Иван Фёдорович Шпонька и его тётушка», идиллия «Старосветские помещики» и отрывок «Рим».

Характер демонологической номинации обусловлен национальным колоритом произведений. И если неоконченная пьеса об уэссекском короле Альфреде пестрит упоминаниями дьявола, то повести на малороссийскую тему содержат больше «этнографических» вариантов чертыханий, а в петербургском цикле на передний план выводится «щегольской жаргон». Эволюция формы междометных выражений и словосочетаний с местоименным указателем объекта «чёрт» в творчестве писателя заключается в их постепенном приведении к единообразию: оригинальные сочетания редки, экспрессивы практически лишаются нарративного начала. Лишь в ориентированной на сказ «Повести о капитане Копейкине» можно найти прежние интонации.

Чертыхаются в произведениях Н. В. Гоголя персонажи-мужчины, главным образом, эмоциональные, амбициозные, brutальные герои (из этого правила нами найдено всего два-три исключения). На гендерную дифференциацию речи накладывается социокультурное различие, проявляющееся в оппозиции «свой» – «чужой», а также мифологическое разграничение «этого» и «иного» мира (в том числе и тогда, когда писатель переносит «чорта из леса в город»³⁴).

В. В. Стасов утверждал, что с лёгкой руки Н. В. Гоголя «восклицания: “чорт возьми”, “к чорту”, “чорт вас знает” и множество других – вдруг сделались в таком ходу, в каком никогда до тех пор не бывали»³⁵. При всём том чертыхания в произведениях классика – не рекламный ход и не дань моде. Это один из значимых элементов гоголевской поэтики, который помогает донести до читателя страшные истины: действительность – видимость, окружающий мир – фикция, современный человек бессилён противостоять терзающим его демонам.

Примечания

- 1 См.: *Виноградов В.* Язык Гоголя и его значение в истории русского языка // Виноградов В. Язык и стиль русских писателей. М., 2003. С. 72.
- 2 Там же. С. 74.
- 3 См.: *Бахтин М.* Рабле и Гоголь : искусство слова и народная смеховая культура // Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 485.
- 4 См.: *Василенко А.* Мифологические номинации в творчестве Н. В. Гоголя // Сборник докладов Вторых Гоголевских чтений «Н. В. Гоголь и мировая культура». М., 2003. С. 201.
- 5 См.: *Кривонос В.* Собачий код в повести Гоголя «Тарас Бульба» // Новый филологический вестник. 2006. № 2. С. 114.
- 6 См.: *Кривонос В.* Фольклорно-мифологические мотивы в «Петербургских повестях» Гоголя // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. М., 1996. Т. 55, № 1. С. 46.
- 7 См.: *Сироткина Н. В.* Случайные встречи Чичикова в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» // Изв. вузов. Сер. Гуманитарные науки. 2012. Т. 3, вып. 4. С. 309.
- 8 См.: *Есаулов И.* Пасхальность в поэтике Гоголя // Сборник докладов Вторых Гоголевских чтений «Н. В. Гоголь и мировая культура». М., 2003. С. 28.
- 9 Здесь и далее в гоголевских цитатах слово «чёрт» пишется через букву *о*, «чорт», в соответствии с правилами орфографии, существовавшими до 1956 г.
- 10 *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. : в 14 т. / АН СССР ; Ин-т рус. лит. М. ; Л., 1937–1952. Т. VIII. С. 550, 569. Далее цитаты в тексте даются на это издание с указанием в скобках римскими цифрами тома, арабскими – номера страницы.
- 11 *Терц А.* В тени Гоголя // Терц А. Собр. соч. : в 2 т. М., 1992. Т. 2. С. 322.
- 12 *Софронова Л.* Мифопоэтика раннего Гоголя. СПб., 2010. С. 105.

- ¹³ В письме Н. В. Гоголя С. Т. Аксакову находим случай открытого толкования этого фразеологизма, подтверждающий намеренность сопоставления прямого смысла с переносным: «Мы сами делаем из него (из чёрта) великана; а в самом деле он *чорт знает что*» (курсив автора) (ХП, 300).
- ¹⁴ См.: *Попова-Бондаренко И.* «Гоголевский код» в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Гоголезнавчі студії : збірник наукових праць. Ніжин, 2008. С. 174–185.
- ¹⁵ *Терц А.* Указ. соч. С. 322.
- ¹⁶ См.: *Кривонос В.* Собачий код в повести Гоголя «Тарас Бульба». С. 114.
- ¹⁷ *Михайлин М.* Русский мат как мужской обценный код : проблема происхождения и эволюция статуса // НЛЮ. 2000. № 3 (43). С. 333, 335.
- ¹⁸ Там же. С. 333.
- ¹⁹ Слова с корнем ‘брутал’ встречались в русских и украинских текстах уже в первой половине XVIII в.
- ²⁰ Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998. С. 99 ; слово встречалось в русских текстах уже в XVIII в., вероятно посредничество польского или украинского языков (См.: *Друговейко-Должанская С. В.* Только ли Брут может быть *брутальным*? // Культура письменной речи. URL: <http://www.gramma.ru/RUS/?id=14.76> (дата обращения: 10.05.2013).
- ²¹ *Софронова Л.* Указ. соч. С. 101.
- ²² *Терц А.* Указ. соч. С. 322.
- ²³ См.: *Ермаков И.* Из статьи «Нос» // Гоголь в русской критике : антология / сост. С. Г. Бочаров. М., 2008. С. 357.
- ²⁴ См.: *Мишуа Ж.* Дьявол / пер. с фр. Н. Лебедевой. М., 2004. С. 87.
- ²⁵ См.: *Манн Ю.* Поэтика Гоголя. М., 1988. С. 101–125.
- ²⁶ *Белый А.* Мастерство Гоголя : исследование. М. ; Л., 1934. С. 123.
- ²⁷ См.: *Лотман Ю.* «Когда же чорт возьмет тебя» // Лотман Ю. Пушкин : биография писателя; статьи и заметки, 1960–1990. СПб., 1995. С. 340. Существует и противоположная точка зрения, согласно которой выражение «чёрт возьми» – калька с французского, а «чёрт побери» – исконно русское (См.: *Виноградов В. В.* История слов : около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1994).
- ²⁸ *Терц А.* Указ. соч. С. 323.
- ²⁹ *Кривонос В.* Фольклорно-мифологические мотивы в «Петербургских повестях» Гоголя. С. 46.
- ³⁰ См.: *Горчаков Н.* Работа режиссёра над спектаклем. М., 1956. С. 73 ; *Кучина С.* Модификация авантюрного героя в художественной системе Н. В. Гоголя. Новосибирск, 2007. С. 6 и др.
- ³¹ *Терц А.* Указ. соч. С. 323.
- ³² См.: *Мережковский Д.* Гоголь и чёрт // Мережковский Д. С. В тихом омуте / сост. Е. А. Данилова. М., 1991. С. 215 ; *Набоков В.* Николай Гоголь // Набоков В. В. Лекции по русской литературе. М., 1996. С. 80 ; *Терц А.* Указ. соч. С. 32 ; *Сироткина Н.* Указ. соч. С. 308 ; *Кучина С.* Указ. соч. С. 13 и др.
- ³³ См.: *Ермаков И.* Очерки по анализу творчества Н. В. Гоголя. М. ; Пг., 1922. С. 37.
- ³⁴ *Терц А.* Указ. соч. С. 324.
- ³⁵ *Стасов В.* Воспоминания // Русская старина. 1881. Т. XXX, № 2. С. 415.

УДК 821.161.1.09-3+929 Гоголь

МОТИВ ПРИСТАЛЬНОГО ВЗГЛЯДА В ПЕТЕРБУРГСКОМ ЦИКЛЕ Н. В. ГОГОЛЯ

Т. А. Волоконская

Саратовский государственный университет
E-mail: svilga@yandex.ru

В статье проводится анализ повестей петербургского цикла с точки зрения мотива пристального взгляда, описывается процесс визуального «добраивания» реальности персонажами Гоголя.

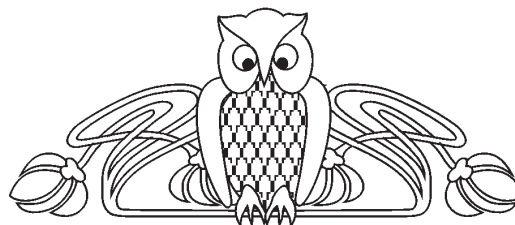
Ключевые слова: Гоголь, мотив, метаморфоза, пристальный взгляд, искажение, визуальное «добраивание».

Motive of the Steadfast Gaze in N. V. Gogol's Petersburg Stories

T. A. Volokonskaya

In the article Petersburg stories are analyzed in terms of the motive of the steadfast gaze. The process of visual «completion» of reality by Gogol's characters is described.

Key words: Gogol, motive, metamorphosis, steadfast gaze, deformation, visual «completion».

Одно из примечательных свойств метаморфозы в художественном мире Гоголя открывается нам в «волшебных» очках полицейского, изловившего нос майора Ковалева: «И странно то, что я сам принял его сначала за господина. Но к счастью были со мной очки, и я тот же час увидел, что это был нос»¹. В качестве детали самостоятельного эпизода очки – это почти сказочный артефакт, помогающий своему обладателю разрушать действие чужих чар; в контексте же всего петербургского цикла они становятся очередным подлогом, яркой приманкой, уводящей читателя от более важных вещей. Превращение в гоголевской вселенной – не всегда следствие внутренней готовности объекта к изменению; часто оно – результат визионерства² (невольного или намеренного)

наблюдателя: чрезмерного зрительного усердия, меняющего или даже создающего реальность.

Взгляд близорукого полицейского сквозь очки выдает в нем сосредоточенное желание разглядеть, высмотреть из переменчивой действительности что-то, что подтвердит уже возникшие у него сомнения по поводу уезжающего в Ригу господина. Результат такого рассматривания странен: вместо реальной фигуры возникает явление сверхъестественное, выпадающее из всех связей с окружающим миром. Полученный квартальным нос хоть и казался «совершенно таков, как был», однако между щек Ковалева «никаким образом не держался»³. Иначе и быть не могло, ведь кроит и перелицовывает обманчивую петербургскую реальность «сам демон» – и «для того только, чтобы *показать всё не в настоящем виде* (Здесь и далее курсив наш. – Т. В.)⁴». А лекалами для прострочки кривых швов становятся смутные устремления гоголевских героев, вместе со своим призрачным городом отпавших от естественного, Божьего порядка⁵.

«Характерна полная независимость сюжета <„Носа“> от чьей-либо субъективной воли, – отмечает Ю. В. Манн. – Ничего нельзя предвидеть или предусмотреть, всё происходит иначе»⁶. Дело обстоит не совсем так: если от чего-то и зависит сюжет петербургского цикла – так это в первую очередь от переплетения субъективных волей персонажей, которые ежеминутно «предвидят» и «предусматривают» развитие событий. Но – только до какой-то определенной точки, в которой силы куда более могущественные выворачивают все наизнанку и обращают фантазии героя во вред ему же: именно тут «всё происходит иначе». Демон-правитель Петербурга насмешливо предупредителен: потакая неосознанным желаниям и страхам людей, он создает новые объекты окружающего мира, а недостающие детали их облика выписывает по собственному произволу, обращая личную мечту каждого в пагубу, святыню – в пугало, счастье – в исчезающий призрак. Преследующий красавицу Пискарев заколдован и запутан своей грезой: «...дыхание занялось в его груди, всё в нем обратилось в неопределенный трепет, все чувства его горели и всё перед ним окинулось каким-то туманом»; интересуется его лишь одно: «...ему хотелось только видеть дом, заметить, где имеет жилище это прелестное существо, которое, казалось, слетело с неба прямо на Невский проспект и, верно, улетит неизвестно куда <...> как утерять это божество и не узнать даже той святыни, где оно опустилось гостить?»⁷. Но за «божество» он принял уличную проститутку, и потому вместо «святыни» фантастический город создает перед ним совсем другой дом, полный неприязни и сулящий гибель мечте художника: «...как вдруг возвысился перед ним четырехэтажный дом, все четыре ряда окон, светившиеся огнем, глянули на него разом и перилы у подъезда противопоставили ему железный толчек свой»⁸. Как только понав-

ший в этот дом Пискарев «начал пристальнее *всматриваться* в предметы, наполнявшие комнату», «тот отвратительный приют, где основал свое жилище жалкий разврат», обрел статус существования⁹. Новая, искаженная реальность возникает из-за пристального вглядывания наблюдателя в порождающий ее морок Петербурга.

«Странный дом» представляет собой фрагмент петербургского «не-пространства»¹⁰, вне мучительных грез и страданий Пискарева он не существует. Повторный визит к красавице художник предпринимает немного в ином состоянии – и вход в «другой» мир открывается ему с трудом: «Долго он искал дома; казалось, память ему изменила. Он два раза прошел улицу и не знал, перед которым остановиться. Наконец один *показался ему похожим*. Он быстро взбежал на лестницу, постучал в дверь: дверь отворилась и кто же вышел к нему навстречу?»¹¹. Пискарев целенаправленно ищет нужный ему дом, старается разглядеть его в безликой веренице зданий, не подающих никаких сигналов его разуму. Собственная память отныне – не помощник ему: в реальности петербургских «приличий» дома с красавицей не существует (как не существует – официально – ночного Невского, извращающего нормы бытия), а в заколдованном месте их встречи герою отказали и память, и воля, и даже самосознание. Но настойчивостью своих поисков он отдает власть над собой потусторонним силам – и награда мгновенна: первый же выбранный дом становится искомым.

На заглядывании за границу дозволенного¹² выстроена и вся история «взаимоотношений» Чарткова с портретом таинственного ростовщика. Картина оказывается среди хлама из-за стремления художника загладить покупкой неловкость перед хозяином лавки: «Ему сделалось несколько совестно не взять ничего, застоявшись так долго в лавке, и он сказал: „А вот постой, я *посмотрю*, нет ли для меня чего-нибудь здесь“ и, наклонившись, стал доставать с полу... малавня»¹³. Затем картина в прямом смысле «на *глазах*» набирает силу – вновь из-за желания героя увидеть, в чем кроется секрет полотна: «Он принялся его *рассматривать* и оттирать <...> и подивился еще более необыкновенной работе: всё лицо почти оживило и глаза взглянули на него так, что он наконец вздрогнул»¹⁴. Страшный портрет освобождается от налипшей на него пыли, но первоначальный импульс – именно в «рассматривании» его Чартковым. Глаголы зрительного контакта у Гоголя маркируют начало совершающегося превращения и вскрывают его истинную причину – вопрошающий, «запрашивающий» взгляд в бездну.

Три сновидения Чарткова – как три страшных ночи Хомы Брута: взгляд на источник страха вопреки воле персонажа выступает в функции спускового механизма; сначала превращение происходит с сознанием Хомы/Чарткова, а уже после по выдуманной, увиденной внутренним зрением схеме действует панночка/портрет¹⁵. *Присталь-*

ный взгляд устремляется на угрозу как бы затем, чтобы успокоить, удостоверить героя в отсутствии злого чуда, но на самом деле – чтобы подать потустороннему зов: «...ему казалось, что страшные глаза стали даже просвечивать сквозь холстину. Со страхом *вперил он пристальнее* глаза, как бы желая увериться, что это вздор. Но наконец уже в самом деле ... он видит, видит ясно: простыни уже нет ... портрет открыт весь и глядит <...> Он *вперил глаза* в щель и *пристально глядел* на простыню. И вот видит ясно, что простыня начинает раскрываться, как будто бы под нею барахтались руки и силились ее сбросить»¹⁶. Гоголь почти осязательно, сквозь словесный туман, обнаруживает уязвимое место в могуществе зла: как бы ни было сильно, оно всегда нуждается в невольном разрешении действовать от своей жертвы, то есть зависит от слабости: безволия и любопытства¹⁷.

Петербургский цикл буквально пестрит случаями визуального «дотраивания» реальности персонажами, чье расстроенное воображение становится благодатной пищей для вскармливания хаоса. Иван Яковлевич, «разрезавши хлеб на две половины, ... *поглядел* в середину и к удивлению своему *увидел* что-то белевшееся» (но прежде все-таки поглядел, будто рассчитывал усмотреть что-то удивительное), а затем сам же накликал на свою голову полицейского: «Уже ему *мерещился* алый воротник, красиво вышитый серебром, шпага... и он дрожал всем телом»; Ковалев отыскал глазами кандидата на роль собственного носа: «... *в глазах его произошло явление* неизъяснимое: ...остановилась карета... выпрыгнул... господин <...> он узнал, что это был собственный его нос!»; Чартков через сновидение сотворил себе сверток с червонцами, наружность которого «была *совершенно такая, в какой они виделись* ему во сне»; создатель портрета выдумал себе клиента: «... *проносился в голове его образ* таинственного ростовщика, и он думал невольно: „Вот бы с кого мне следовало написать дьявола“. Судите же об его изумлении, когда один раз <...> прямо вошел к нему ужасный ростовщик»¹⁸. С. А. Гончаров говорит (по отношению к схожим эпизодам повести о Шпоньке) о «мифической организации» текстов Гоголя: «...окружающая среда, пространство, его наполнение/атрибуты овеществляют смысловую сферу персонажей»¹⁹. Этот странный закон с такой безупречностью исполняется в фантастическом мире петербургских повестей, что сами персонажи начинают воспринимать его как принцип мироздания.

Предварительное пристальное разглядывание еще не возникшего бытия становится едва ли не единственным условием для его воплощения. Красавица просит Пискарева во сне «глазами» сделать ее добродетельной: «Взгляните на меня, *взгляните пристальнее* и скажите: разве я способна к тому, что вы думаете? О! нет, нет!»²⁰; его вера в ее слова – причина последовавшего безумного «прожекта» по воскрешению падшей души, завершившегося

крахом, потому что в мире хаоса превращения только искажают действительность и никогда не восстанавливают утраченной гармонии. Но сама уверенность художника во всемогуществе «особого» взгляда показательна. То же с Ковалевым: возвращение носа не станет реальностью, пока как можно больше людей не *увидит* его на месте. Поэтому майор «сначала зажмурил глаза с тою мыслию, что авось-либо нос покажется на своем месте»; когда нос прирос – позвал слугу: «„*А посмотри*, Иван, кажется, у меня на носу, как будто прыщик“», сказал он и между тем думал: „вот беда, как Иван скажет: да нет, судырь, не только прыщика, и самого носа нет!“»; наконец потребовал себе последнего доказательства: «...если и майор не треснет со смеху, увидевши меня, тогда уж верный знак, что всё, что ни есть, сидит на своем месте»²¹. Акакий Акакиевич, по мнению его сослуживцев, «так и родился на свет уже совершенно готовым, в вицмундире и с лысиной на голове» – оттого только, что многие годы «его *видели* всё на одном и том же месте, в том же положении, в той же самой должности»²². Да и сам Акакий Акакиевич не отказался вовремя от создания новой шинели потому, что «Петрович *прищурил на него очень пристально* свой единственный глаз и Акакий Акакиевич невольно выговорил: „Здравствуй, Петрович!“»²³.

Стоит только обратить куда-нибудь этот специфический взгляд – и метаморфозу поповаться в поле зрения реальности уже не отменить; для появления шинельных грабителей достаточно одного мгновения слабости Башмачкина: «Он *оглянулся* назад и по сторонам: точное море вокруг него. „Нет, лучше и не глядеть“, подумал и шел, закрыв глаза, и когда открыл их, <...> увидел вдруг, что перед ним стоят почти перед носом какие-то люди с усами»²⁴. Сверхъестественная чувствительность потустороннего мира подобна паучьей: раскинутая злом «улавливающая» сеть молниеносно и гибельно реагирует на легчайшее колебание души, как хитроумное плетение паутины – на падение тонкой ресницы. Однократное «*глянуть*» оказывается сильнее всех последующих благоразумных «*не глядеть*»²⁵.

Визуализация как овеществление становится и необходимым инструментом самого повествования, освященным авторитетом автора. Возникает ощущение, что он тоже верит только тому, что видел или воссоздал в воображении. Фамилия Ивана Яковлевича утрачена едва ли не потому, что «*даже* на вывеске его – где изображен господин с намыленной щекою и надписью: „и кровь отворяют“ – не выставлено ничего более» (визуальный ряд); фабула «Носа» прерывиста, поскольку периодически «происшествие совершенно закрывается туманом, и что далее произошло, решительно ничего неизвестно» (отсутствие видимости – тоже визуальное впечатление); точный адрес коллеги Башмачкина вовсе забыт: «...всё, что ни есть в Петербурге, все улицы и дома слились и смешались так в голове, что весьма трудно достать

оттуда что-нибудь в порядочном виде» (провалы в памяти – опять-таки в области визуальных представлений)²⁶. Только взглядевшись – в героя ли, в целую ли повесть – может автор вынести суждение о собственном тексте: «чем *более* в него <в человека> *всматриваешься*, тем более является новых особенностей, и описание их было бы бесконечно» – о рождении образа; «*Теперь только* по соображении всего *видим*, что в ней <в истории> есть много неправдоподобного» – о характере произведения²⁷. Мотив пристального разглядывания небытия не только отражает в произведениях Гоголя «неправильный» закон превращенного мироздания, но и становится механизмом создания самого текста²⁸. Как ни парадоксально, в выборе этого механизма мало доброй воли: «Гоголь *болел* от того, что *так* видел, – считал Андрей Белый, – резолюция на эти виды: бежать»²⁹. Разглядывая зло, персонажи Гоголя вызывали его к жизни, но и сам он, изображая зло словесно, был вправе опасаться, что уподобится собственным героям в неосторожном заигрывании с бездной. Задолго до 1886 г., когда Ницше напишет «По ту сторону добра и зла» – в том числе и об опасности «долгих взглядов» в тайну небытия, Гоголь уже проводил рискованный эксперимент над своим творчеством и окружающей реальностью, отмечая словом, как химическим карандашом, ложные дороги, возникшие перед человечеством.

Возникает вопрос: если даже автор выстраивает свой текст в соответствии с проклятым принципом «пристального взгляда» – существует ли вообще в мире петербургского цикла преграда для фантастической материализации потаенных страхов и невежественных желаний? «Портрет» дает нам положительный ответ: дважды в повести ожидания всматривающегося в бездну персонажа оказываются бессильны исказить и опорочить гармонию. Чартков шел на выставку приехавшей из Италии картины с намерением выискать в ней недостатки, со «значительной миной знатока», но замыслы его оказались ничтожны перед высшей красотой: «Чистое, непорочное, прекрасное как невеста стояло пред ним произведение художника»³⁰. Так же и сын религиозного живописца отправлялся на встречу с отцом «и заранее воображал встретить черствую наружность отшельника, чуждого всему в мире, кроме своей кельи и молитвы, изнуренного, высохшего от вечного поста и бденье», но посрамленному взору его предстал «прекрасный, почти божественный старец» с лицом, сиявшим «светлостью небесного веселия»³¹. Подлинное искусство и бытие в Боге – вот те опоры, на которых Гоголь утверждает свою чаемую лестницу совершенствования: души, общества, дольного мира, дающую возможность вырваться из цепкого петербургского небытия.

С момента осознания этого пути художественная задача Гоголя – сменить пристальный взгляд, обращенный в бездну, обновленным взглядом, просветленным отблеском высшего мира.

Примечания

- 1 Гоголь Н. Полн. собр. соч. : в 14 т. М. ; Л., 1937–1952. Т. 3. С. 66.
- 2 Визионер – «человек, страдающий галлюцинациями, которые при мистической настроенности нередко истолковываются как способность видеть сверхъестественные явления» (Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. 1935–1940. (Переиздавался в 1947–1948 гг.) ; Репринтное издание : М., 1995 ; М., 2000. URL: <http://ushdict.narod.ru/273/w81910.htm> (дата обращения: 11.02.2013)).
- 3 Гоголь Н. Указ. соч. С. 67, 68.
- 4 Там же. С. 46.
- 5 Ср. также: «Принять за – одна из типичных позиций гоголевских героев ; это может быть и ошибкой, и целью... Но и в том и в другом случае оптическая ошибка задана ошибкой по существу, «помрачением» в определении значений и ценностей...» (Бочаров С. Загадка «Носа» и тайна лица // Бочаров С. О художественных мирах. М., 1985. С. 152).
- 6 Манн Ю. Встреча в лабиринте. (Франц Кафка и Николай Гоголь) // Манн Ю. Творчество Гоголя : смысл и форма. СПб., 2007. С. 694.
- 7 Гоголь Н. Указ. соч. С. 19, 16, 18.
- 8 Там же. С. 19.
- 9 Там же. С. 20, 21.
- 10 См. об этом: Лотман Ю. Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман Ю. В школе поэтического слова : Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988. С. 282–283.
- 11 Гоголь Н. Указ. соч. С. 31.
- 12 См. об этом: Белый А. Мастерство Гоголя. Исследование. М. ; Л., 1934. С. 187.
- 13 Гоголь Н. Указ. соч. С. 81.
- 14 Там же. С. 87.
- 15 Процесс визуального «доставивания» реальности Хомой Брутом подробно описан в книге Абрама Терца (А. Д. Синявского) «В тени Гоголя». Ср., например: «... мы проходим искус Хомы Брута и теряемся в догадках, чем вызвана такая напасть на его козацкую голову, и виновен ли он в чем-то, или сделал какую промашку, или сам ненароком спровоцировал привидение к жизни сладострастной подказкой: «глядит!»» (Терц А. В тени Гоголя. М., 2009. С. 585–586). В целом, однако, Синявский намечает только поверхностное сходство визионерства Хомы Брута с подобным же поведением Чарткова, признавая «инициативу» зрительной дуэли «Портрета» все-таки за изображением ростовщика.
- 16 Гоголь Н. Указ. соч. С. 89, 91.
- 17 В дальнейшем диалог-борьба между нечистью и человеком идет уже по инициативе потусторонних сил и помимо визуального использует и другие способы коммуникации. О процессе и результатах такого заигрывания со злом достаточно сказано в гоголеведении и до нас. Ср., например: «Неживое, враждебное людям, дьявольское не просто смотрит на человека, но заглядывает вовнутрь, стремясь найти в самом человеке нечто родственное себе. <...> Мертвое заглянуло внутрь человека и возвращает в нем себе подобное» (Зарецкий В. Петербургские повести Н. В. Гоголя. Художественная

- система и приговор действительности. Саратов, 1976. С. 64). Тем не менее первый ход в этом поединке взглядов – почти всегда со стороны человека.
- ¹⁸ Гоголь Н. Указ. соч. С. 49–50, 50, 54, 96, 128.
- ¹⁹ Гончаров С. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. СПб., 1997. С. 80.
- ²⁰ Гоголь Н. Указ. соч. С. 29.
- ²¹ Там же. С. 65, 73, 74.
- ²² Там же. С. 143.
- ²³ Там же. С. 149.
- ²⁴ Там же. С. 161.
- ²⁵ Мы оставляем за рамками данного исследования «Записки сумасшедшего», так как картина мира в этом

- тексте формируется иначе, чем в других петербургских повестях: вместо скрещивающихся перспектив зрения персонажей – литературная (дневник) обработка болезненного восприятия мира рассказчиком Поприщиним.
- ²⁶ Гоголь Н. Указ. соч. С. 49, 52, 158.
- ²⁷ Там же. С. 36, 75.
- ²⁸ См. об этом: Белый А. Указ. соч. С. 127, 179; Виролойнен М. «Миргород» Н. В. Гоголя (проблемы стиля): дис. ... канд. филол. наук. Л., 1980. С. 154–155; Зарецкий В. Указ. соч. С. 32, 84.
- ²⁹ Белый А. Указ. соч. С. 181.
- ³⁰ Гоголь Н. Указ. соч. С. 111.
- ³¹ Там же. С. 134.

УДК 821.161.1.09-3+929 Гоголь

НЕМЕЦКАЯ ТЕМА В ПОЭМЕ Н. В. ГОГОЛЯ «МЁРТВЫЕ ДУШИ»

Д. Л. Рясов

Саратовский государственный университет
E-mail: rjasow@mail.ru

В статье рассматриваются различные упоминания немцев и Германии в поэме Гоголя «Мёртвые души» и, как следствие, восприятие самим автором немецкой ментальности в период создания произведения.

Ключевые слова: Гоголь, «Мёртвые души», немцы, Германия, национальный стереотип.

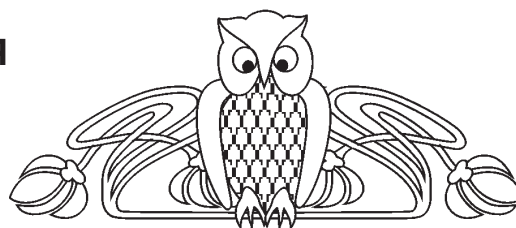
German Theme in N. V. Gogol's Poem *Dead Souls*

D. L. Rjasov

The article regards different occurrences of Germans and Germany in Gogol's poem *Dead Souls* and, consequently, the author's own perception of German mentality during the time when he was working on the poem.

Key words: Gogol, *Dead Souls*, Germans, Germany, national stereotype.

Когда речь заходит о немецкой теме в произведениях Н. В. Гоголя, прежде всего, вспоминаются юношеская идилия «Ганц Кюхельgarten», персонажами которой являются жители романтически изображённой германской деревни, и, разумеется, повесть «Невский проспект» с его колоритными ремесленниками Шиллером и Гофманом. Можно назвать ещё несколько интересных образов, представленных в гоголевской драматургии: лекаря Гибнера из «Ревизора», шулера Кругеля из «Игроков», чиновника Шрейдера из незаконченного «Владимира третьей степени». Однако если мы обратимся к поэме «Мёртвые души», то не сможем припомнить ни одного значимого немецкого персонажа. Но всё же, если присмотреться к тексту, можно отыскать в нём самые разные упоминания о немцах и Германии.

Как и для чего используется немецкая тема в повествовании, мы и постараемся выяснить.

Вопрос о жанре «Мёртвых душ» постоянно обсуждается в литературоведческой науке. Для нас важно, что помимо этого произведения у Гоголя было ещё одно сочинение, являющееся поэмой в традиционном смысле этого понятия, – уже упомянутая «идилия в картинах» «Ганц Кюхельgarten», в котором нашли отражение юношеские мечты автора о романтической Германии, родине великих поэтов и философов. В этом отношении интересно замечание В. В. Зеньковского о том, что писатель «начал свою литературную жизнь “поэмой” (“Ганц Кюхельgarten»), поэмой же он и кончил («Мертвые души»)»¹. Можно даже говорить о некоей отдалённой внутренней мотивной связи обоих произведений.

После провала «Ганца» желание создать поэму не покидало Гоголя, и в итоге он воплотил свою мечту в «нестандартной», лиро-эпической форме. В «Ганце» Гоголь воспеваает до того никогда прежде не виданную им Германию, представления о которой формировались под влиянием произведений Гёте и Шиллера, а также мифа о «романтической Германии», существовавшего в России в первые десятилетия XIX в. Знаменательно, что в финале шестой главы первого тома «Мёртвых душ» возникает тема отрезвления двадцатилетнего, романтически окрыленного и замечтавшегося петербуржца: «Чего нет и что не грезится в голове его? он в небесах и к Шиллеру заехал в гости – и вдруг раздаются над ним, как гром, роковые слова, и видит он, что вновь очутился на земле, и даже на Сенной площади, и даже близ кабака, и вновь пошла по-будничному щеголять перед

ним жизнь»². Юноша сильно напоминает самого автора, мечтателя-провинциала, когда тот, будучи совсем ещё неопытным литератором, после написания своего первого крупного сочинения сталкивается с тяготами и странностями реальной жизни в российской столице и разочаровывается в своих прекраснотушних снах наяву.

«Вся Русь явится в нем! Это будет моя первая порядочная вещь, вещь, которая вынесет мое имя» (XI, 74), – вот известное признание Гоголя из письма В. А. Жуковскому о замысле поэмы «Мёртвые души». На первый взгляд, в ней вовсе не нашлось места русским немцам, хотя они к той поре по-настоящему успели уже стать неотъемлемой составной частью отечественной социально-культурной реальности. Об этом пишет, в частности, историк С. В. Оболенская: «... среди них <русских немцев> были предприниматели, финансисты, торговцы, офицеры, дипломаты, чиновники, ученые, учителя, врачи, аптекари, художники и множество мастерового люда»³.

Упоминания о немцах, однако, разбросаны по всему тексту поэмы «Мёртвые души». Впервые мы сталкиваемся с ними уже в первой главе. Чичиков читает театральную афишу, в которой говорится о драме «г. Коцебу, в которой Ролла играл г. Поплёвин, Кору – девица Зяблова, прочие лица были и того менее замечательны» (VI, 12). Речь идёт о невероятно популярном драматурге времён Гоголя Августе Фридрихе Фердинанде фон Коцебу и его пьесе «Испанцы в Перу, или Смерть Роллы». Писатель не понаслышке был знаком с сочинениями этого автора: в гимназии он вместе с другими учениками даже принимал участие в постановке его пьесы. По всей видимости, Гоголь не слишком серьёзно относился к творениям немца. «Последняя, пустейшая комедийка Коцебу в сравнении с нею <с комедией «Ревизор»> Монблан перед Пулковскою горою» (V, 141) – вот слова одного литератора из гоголевского «Театрального разъезда».

Следующее упоминание немца мы находим в начале второй главы, когда Гоголь знакомит читателя с Петрушкой и Селифаном. Хотя персонажи эти не столь «заметные», по выражению писателя, он считает необходимым написать о них поподробнее, так как «любит чрезвычайно быть обстоятельным во всем, и с этой стороны, несмотря на то, что сам человек русский, хочет быть аккуратен, как немец» (VI, 19). Подобное шутовское по тону сравнение примечательно. Гоголь не просто показывает очередную типичную немецкую черту, он противопоставляет разные национальные характеры. И, может быть, благодаря такому «немецкому» подходу (обстоятельному, подчас комически педантичному вниманию к мельчайшим деталям, скрупулёзным подробностям и т. п.) Гоголю и удалось создать столь запоминающуюся галерею завораживающе точных в своей определенности, живых образов. Однако, как подмечает Ю. В. Манн, после обещания автора

подробнее рассказать о слугах Чичикова «следует лишь характеристика Петрушки, а о Селифане лишь сообщается, что он «был совершенно другой человек»»⁴. Получается, что собственное желание повествователя стать в чём-то похожим на предельно аккуратного немца-педанта в поэтической практике реализуется в сопряжённой автору стилистически вольной и прихотливо изобретательной манере письма.

Надо сказать, что в тексте «Мёртвых душ» противопоставления русских людей немцам, да и представителям других наций, встречаются часто. Яркий пример подобного сравнения – в начале главы пятой, когда брочка Чичикова сталкивается с коляской, едущей навстречу. Все мужики из близлежащей деревни пошли посмотреть, что же произошло, «так как подобное зрелище для мужика сушая благодать, всё равно что для немца газеты или клуб» (VI, 91). Непосредственное, привычное для русского мужика любопытство и лицемерие необычного происшествия и его последствий сопоставляется с приметам «немецкой» культурной коммуникации (газеты, клуб).

В «Авторской исповеди» Гоголь писал, что хотел изобразить русского человека «со всем разнообразием богатств и даров, доставшихся на его долю, преимущественно перед другими народами, и со всем множеством тех недостатков, которые находятся в нем, также преимущественно перед всеми другими народами» (VIII, 442). Дважды делая акцент на «других народах», Гоголь подчёркивает важность сопоставления с ними русского человека. Здесь уместно вспомнить о понятиях *национальная идентичность* и *национальный стереотип*. С. Н. Филюшкина отмечает, что оба эти понятия подразумевают желание определённого субъекта (нации, диаспоры, индивида) «осознать свою *инаковость* по сравнению с другим, чужим, нередко даже враждебным»⁵. Именно стремлением понять национальную идентичность своего народа можно объяснить постоянное обращение Гоголя ко всевозможным сравнениям русских с немцами, англичанами и французами, которые чем-то отдалённо напоминают героев современных анекдотов, часто являющихся «мифологизированными этническими типажам <...>, за которыми в массовом сознании закреплены характерные образы, ментальные стереотипы (чаще всего односторонние, условно-схематические) и комические стандарты их поведения»⁶. Подобные «стандарты», о которых пишет языковед В. В. Химик, существовали и во времена Гоголя, и он не мог их не воспринять. С. Н. Филюшкина говорит и о главной черте стереотипного мышления – желании «отделить себя и «своих» от «других», свои национальные признаки от тех, которые якобы принадлежат «аутсайдеру»»⁷. Подобное стремление присутствует и в тексте Гоголя. Особенно ярко оно проявляется в высказываниях повествователя, посвящённых речи и языку. Ведь именно в словесности, в различных формах воплощения

словесной культуры во многом и проявляется национальная идентичность.

Любой народ, по мысли Гоголя, отличается «своим собственным словом, которым, выражая какой ни есть предмет, отражает в выражении его часть собственного своего характера» (VI, 109). В третьей главе, например, заходит речь о тонкостях обращения в русском языке. «Француз или немец век не смекнет и не поймет всех его особенностей и различий; он почти тем же голосом и тем же языком станет говорить и с миллионщиком и с мелким табачным торгашом» (VI, 49), – пишет Гоголь, обращая внимание на то, как отдельные представители нашего отечества по-разному умеют общаться с обладателями двухсот, трёхсот и более душ. Здесь мы встречаемся с несомненно положительной характеристикой иностранцев, более свободных от подобострастия. Однако вскоре становится различим и стойкий гоголевский мотив сильного и гибкого родного русского слова. В финале пятой главы читаем: «...бывает метко всё то, что вышло из глубины Руси, где нет ни немецких, ни чухонских, ни всяких иных племен» (VI, 109). И ещё – сопоставление русского языка с английским, французским и немецким. Вот как говорит писатель о последнем: «...затейливо придумает свое, не всякому доступное умно-художавое слово немец» (VI, 109). Возможно, в подобной характеристике невольно сокрыто сложное отношение самого автора к немецкому языку. В гимназии этот предмет давался ему с большим трудом, и до конца свободно освоить его писателю так и не довелось.

Особенно волнует автора вопрос о бережном отношении к русской речи. В главе восьмой «Мёртвых душ» он заводит разговор о заилии иностранной лексики и подчёркивает, что от некоторых людей «не услышишь ни одного порядочного русского слова, а французскими, немецкими и английскими они, пожалуй, наделят в таком количестве, что и не захочешь» (VI, 164–165). Гоголь, уточняя жанровую национально-речевую природу своего произведения, красноречиво заметит, что «не решается внести фразу какого бы ни было чуждого языка в сию русскую свою поэму» (VI, 183).

В тексте поэмы упоминания о немцах можно встретить не только в авторских отступлениях, но и в репликах персонажей. Например, в главе четвёртой Ноздрёв пытается продать Чичикову шарманку, а тот изо всех сил старается отказаться от неё: ««Ведь я не немец, чтобы, тащась с ней по дорогам, выпрашивать деньги». «Да ведь это не такая шарманка, как носят немцы»» (VI, 80), – возражает Ноздрёв. Здесь речь идёт о немцах-бедняках, которых тоже было немало на Руси. «В Петербурге и в Москве жили также немцы, относившиеся к самым низам»⁸, – пишет С. В. Оболенская, припоминая, что у Д. В. Григоровича есть очерк «Петербургские шарманщики», в котором он даёт описание таких людей. Разумеется, Чичи-

кову не хочется уподобляться немцу, а тем более нищему, и потому доводы Ноздрёва не способны его переубедить.

Показательно также ворчливое высказывание Собакевича из главы пятой о немецких и французских докторях: «Выдумали диету, лечить голодом! Что у них немецкая жидкокостая натура, так они воображают, что и с русским желудком сладят!» (VI, 99). Вновь подчёркивается заметное различие в менталитете: сама мысль о самоограничениях в еде кажется дикой русскому помещику. Но не только дворяне говорят о представителях германской нации в поэме Гоголя. В начале третьей главы Селифан ругает чубарого коня: «Ты знай свое дело, панталонник ты немецкой!» (VI, 40). Отметим, что во всех высказываниях наблюдается незлобиво-насмешливое отношение к немцам. Их ругают, ими обзывают, на них не желают быть похожими. Но интонация рассуждений при этом преобладает добродушно-озорная. В главе девятой автор пишет о сольвычегодских купцах, которые устроили для своих приятелей, устьсыольских купцов, «пирушку на русскую ногу, с немецкими заегями: аршадами, пуншами, бальзамами и проч.» (VI, 193). В другом месте упоминаются «совещания, которые составляются для того, чтобы покутить или пообедать, как-то: клубы и всякие воксалы на немецкую ногу» (VI, 198). Гоголь отмечает большую популярность развлечений на немецкий манер среди русских провинциалов. Немецкое влияние распространяется повсеместно: даже у самого Собакевича, который был готов «перевешать» немцев да французов, был «дом в роде тех, какие у нас строят для военных поселений и немецких колонистов» (VI, 93).

Отмечает Гоголь и интерес к трудам немецких учёных. Например, Тентетников из второго тома поэмы слушал лекции о развитии общин отдельных немецких городов. Примечательными являются и взгляды почтмейстера Ивана Андреевича, который любил «философию и читал весьма прилежно, даже по ночам, Юнговы «Ночи» и «Ключ к таинствам природы» Эккартсгаузена» (VI, 156). Возможно, именно за это своё пристрастное увлечение почтмейстер и заслужил комическое обращение товарищей: «шпрыхен зи дейч, Иван Андрейч?» (VI, 156). Интерес к немецкой философии, как видим, был настолько велик и всепроникающ, что добрался даже до города NN. Упоминание имени немецкого мистика и философа Карла Эккартсгаузена далеко не случайно. М. Вайскопф высказывает предположение относительно того, что упоминавшийся в немецкой книге ««Обитель смирения» и «Храм самопознания» <...> преобразились в пародийный маниловский «Храм уединенного размышления», а бездушный «Скоточеловек», противопоставляемый грядущему «Духочеловеку», – в Собакевича»⁹. С сочинениями немца Гоголь мог познакомиться ещё в годы ученичества. В. В. Гиппиус в книге «Гоголь. Воспоминания. Письма. Дневники» приводит записи

из архива Нежинской гимназии, где указано, что профессор во время лекции взял книгу Эккартсгаузена у одного из учеников, и, надо сказать, счёл её не особо полезной для пансионеров¹⁰.

И граждан европейских княжеств, и переселенцев наши соотечественники именовали одним словом – немцы. Гоголь, скорее всего, и сам сознавал, что восприятие Германии в России основывалось во многом на национальных стереотипах. Занимаясь их рассмотрением, С. Н. Филюшкина обращается, в частности, и к гоголевским сочинениям. В качестве примера она приводит повесть «Тарас Бульба», где писателем были выведены, в частности, персонажи-поляки. Для того чтобы показать истинную драму, автор изображает их по-разному, «то отказываясь от использования стереотипного образа, <...> то привлекая к нему наше внимание»¹¹. На наш взгляд, с таким приёмом мы сталкиваемся и в «Мёртвых душах»: Гоголь обращается к стереотипам лишь тогда, когда ему это художественно необходимо, когда это способствует живописанию колоритных русских национальных характеров. При отходе от стереотипов авторский взгляд становится более объективным, что доказывают и некоторые из приведенных нами примеров (ср.: автор «хочет быть аккуратен, как немец» и др.).

Нельзя не сказать ещё об одном моменте: в «Повести о капитане Копейкине» указывается, в частности, что возможным местом ранения капитана является германский Лейпциг. Известно, что в так называемой «битве народов» под Лейпцигом в октябре 1813 г. союзные русская, австрийская, прусская и шведская армии нанесли окончательное поражение Наполеону. Сама история о похождениях капитана Копейкина легендарна, и Германия, таким образом, также становится частью этой легенды.

Но, пожалуй, самое интересное упоминание немца мы сможем найти в восьмой главе. Просматривая реестр купленных мёртвых душ, Чичиков замечает информацию о сапожнике Максиме Телятникове и в размышлениях своих представляет возможный вариант его биографии: «...учился ты у немца, который кормил вас всех вместе, бил по спине ремнем за *неаккуратность* (курсив наш. – Д. Р.) и не выпускал на улицу повесничать, и был ты чудо, а не сапожник, и не нахвалился тобою немец» (VI, 136–137). Если в начале поэмы Гоголь утверждал *аккуратность* как национальную особенность немцев, то здесь он применяет прямо противоположное понятие по отношению уже к русскому характеру. Такая жёсткая оппозиция даёт основание полагать, что именно это различие в психологии представителей обоих народов Гоголь и считал наиболее существенным. Взглянем на дальнейшую судьбу Телятникова: он решает открыть собственное дело, «да не так, как немец, что из копейки тянется» (VI, 137).

В связи с последней фразой невольно вспоминаются отдельные моменты биографии самого

Чичикова (наставление отца, говорящего о копейке, самостоятельное накопление денег). Так есть ли что-то общее у главного героя поэмы с немцами? В одной из редакций поэмы автор прямо указывает на сходство: Чичиков постоянно стремился к своей цели и «в этом отношении он был суший немец и одарен щедро той добродетелью, которой недостает у русского человека, именно, терпением» (VI, 569). В окончательном варианте Гоголь отказывается от такой характеристики и расставляет акценты по-иному: «...он показал терпенье, пред которым ничто деревянное терпенье немца, заключенное уже в медленном, ленивом обращении крови его» (VI, 238). Получается, что в этом своём качестве Чичиков даже сумел превзойти германцев.

Вернёмся, однако, к судьбе сапожника. Он набирает массу заказов, получает неплохие деньги, однако сапоги, наспех сделанные им из дешёвых материалов, вскоре приходят в негодность, и Максим остаётся ни с чем. Получается, что к краху его привела опять же собственная непоследовательность и *неаккуратность*. Не осознавая этого, Телятников винит во всём своего бывшего наставника вместе с его народом: «Нет, плохо на свете! Нет житья русскому человеку: всё немцы мешают» (VI, 137). Такое утверждение показательное для русского человека, склонного винить в своих ошибках всех, кроме себя самого. Однако это не просто «крик души». Это высказывание связано и с так называемым стереотипом представлений о «немецком засилье» в России. Между тем, несмотря на определённого рода жестокость в обращении с подопечными, мастер всё же умел направить энергию способного ученика в нужное русло. Можно сказать, что оба они дополняли друг друга, и результат совместного труда выходил отличным. Но так, увы, продолжалось недолго. Немец и русский оказались слишком разными, чтобы ужиться вместе. Так возможно ли всё-таки гармонично объединить немецкую *аккуратность* и русский талант? Гоголь пробует ответить на этот вопрос во втором томе «Мёртвых душ».

Полковник Кошкарев, в имении которого оказывается Чичиков, желает изменить весь уклад жизни на западный манер. В своё время на него произвело сильное впечатление то, что в Германии, где он стоял со своим полком, «дочь мельника умела играть даже на фортепиано» (VII, 63). По его мнению, «если только одеть половину русских мужиков в немецкие штаны, – науки возвысятся, торговля подымется и золотой век настанет в России» (VII, 63). Как пишет А. Х. Гольденберг, в портрете полковника, «в изображении бюрократической иерархии его “комитетов” <...> отражается культ внешней формы, лишенной какого бы то ни было жизненного содержания»¹². Такой формальный подход наблюдается и в стремлении полковника нарядить всех мужиков в немецкую одежду. Когда Чичиков оказывается в гостях у Платоновых, брат Василий сообщает ему диаметрально

противоположную точку зрения по поводу этого вопроса: русской хорош только тогда, когда одет в зипун и рубаху, но «как только заберется в немецкой сертук, станет вдруг неуклюж и нерасторопен, и лентяй, и рубашки не переменяет» (VII, 92). Сам факт наличия подобных рассуждений неслучаен. По мнению С. В. Оболенской, всевозможные размышления людей о судьбе «отечества, о характере и путях его развития были неизменно связаны с осмыслением роли немцев в России»¹³, так как они принимали самое активное участие в жизни страны. Однако и Кошкарев, и Василий Платонов смотрят на проблему комически поверхностно. Костюм – оболочка, за которой скрыто истинное содержание, он не может определить сознание того, кто в него «спрятан». Помещики, обманув себя, свели всё к форме.

В конце первого тома появляется птица-тройка. Ею управляет «не в немецких ботфортах ямщик: борода да рукавицы, и сидит чорт знает на чем» (VI, 247). Гоголь вдохновенно пишет о том, что у Руси свой собственный путь.

Все упоминания о немцах и Германии в «Мёртвых душах» отчетливо свидетельствуют: немецкий этнос по-настоящему живо и пристрастно интересовал поэта. Разумеется, немцы и немецкая тема чаще всего появляются в поэме, чтобы оттенить устойчивые приметы русского характера. Но каждое прямое или косвенное упоминание о немцах, каждая гоголевская фраза, в которой о них говорится, заметно раздвигают авторский и, стало быть, наш читательский диапазон оценочных представлений о немецкой ментальности. Автор поэмы отдаёт немцам должное за их ответственность и аккуратность. Гоголь доносит до нас и расхожее, насмешливо-ворчливое и всё-таки в

глубине души доброжелательное, отношение к немцам жителей России первой половины XIX в.

Примечания

- ¹ Зеньковский В. Н. В. Гоголь // Гиппиус В. Гоголь ; Зеньковский В. Н. В. Гоголь. СПб., 1994. С. 205.
- ² Гоголь Н. Мертвые души // Гоголь Н. Полн. собр. соч. : в 14 т. М. ; Л., 1937–1952. Т. 6. С. 131. В дальнейшем все ссылки на сочинения Гоголя приводятся по этому изданию с указанием тома и страницы в тексте.
- ³ Оболенская С. Германия и немцы глазами русских (XIX век). М., 2000. С. 14.
- ⁴ Манн Ю. Поэтика Гоголя. М., 1988. С. 109.
- ⁵ Филошкина С. Национальный стереотип в массовом сознании и литературе (опыт исследовательского подхода) // Логос. 2005. № 4 (49). С. 142. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/49/06.pdf> (дата обращения: 12.12.2013).
- ⁶ Химик В. Анекдот как уникальное явление русской речевой культуры // Анекдот как феномен культуры. Материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. СПб., 2002. С. 25. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/khimik/anecdote_02.html (дата обращения: 12.12.2013).
- ⁷ Филошкина С. Указ. соч. С. 142.
- ⁸ Оболенская С. Указ. соч. С. 14.
- ⁹ Вайскопф М. Путь паломника. Гоголь как масонский писатель // Вайскопф М. Птица тройка и колесница души : Работы 1978–2003 годов. М., 2003. С. 114.
- ¹⁰ См. об этом: Гиппиус В. Гоголь. Воспоминания. Письма. Дневники. М., 1999.
- ¹¹ Филошкина С. Указ. соч. С. 148.
- ¹² Гольденберг А. Архетипы в поэтике Н. В. Гоголя. Волгоград, 2007. С. 75.
- ¹³ Оболенская С. Указ. соч. С. 10.

УДК 821.161.1.09-2+929 Салтыков-Щедрин

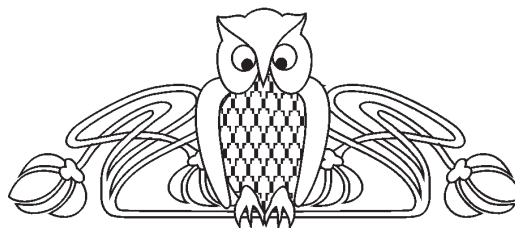
К ФАБУЛЕ ДРАМАТИЧЕСКОЙ САТИРЫ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА «ТЕНИ». ИНТРИГА ШАЛИМОВА

К. М. Захаров

Саратовский государственный университет
E-mail: zahodite@list.ru

В статье предлагается новая трактовка организации фабулы и драматического конфликта в драматической сатире М. Е. Салтыкова-Щедрина «Тени». Двигателем сценической интриги, согласно гипотезе автора, является внесценический положительный герой Шалимов, который часто рассматривался литературоведами как «идеальный», далекий от действительности герой. В статье образ Шалимова исследуется с точки зрения политических интриг, в которые втянуты действующие лица пьесы. Также автором статьи выдвигается предположение о причинах внезапной утраты интереса М. Е. Салтыковым-Щедриным к этой пьесе.

Ключевые слова: русская драматургия, фабула, конфликт, М. Е. Салтыков-Щедрин, «Тени», интрига.

To the Storyline of M. Saltykov-Shchedrin's Dramatic Satire *Shadows*. Shalimov's Intrigue

K. M. Zakharov

This article offers a new view of the storyline and dramatic conflict in Mikhail Saltykov-Shchedrin's dramatic satire *Shadows*. According to the author's hypothesis, the driving force of the plot is an off-stage character Shalimov whom literary critics have often considered as an 'ideal', quixotic character. In the article Shalimov is analyzed from the point of view of political intrigues in which the characters of the play are involved. The author of the article also offers his idea

of the reasons behind Saltykov-Shchedrin's sudden loss of interest to this play.

Key words: Russian drama, storyline, conflict, M. E. Saltykov-Shchedrin, *Shadows*, intrigue.

Драматическая сатира М. Е. Салтыкова-Щедрина «Тени» во многом является загадкой для отечественного литературоведения. До сих пор открытым остаётся вопрос, закончено ли это произведение, или автор оставил работу над ним, предвидя цензурные трудности.

Вопросы вызывает в том числе и проблема организации фабулы в пьесе. На протяжении четырёх сцен все персонажи обнаруживают полное бездействие. Все значимые события вынесены за сцену, а на глазах у зрителя герои или строят планы, или сокрушаются о невозможности их реализации, либо советуются, как исправить неблагоприятно сложившиеся обстоятельства. Даже взрывы и бунты действующих лиц, оказывается, имеют обратную силу и не приводят ни к чему. В настоящей статье мы осмелимся предложить свою трактовку фабулы пьесы.

«Тени» имели объектом своего сатирического изображения высокопоставленных коррупционеров и их фаворитов, вроде князя Адлерберга и Мины Бурковой, ставшими прототипами князя Тараканова и Клары Фёдоровны. Однако эти значимые фигуры автор намеренно оставляет в ранге внесценических персонажей, предоставляя пространство сцены тем государственным служащим, руками которых вершатся их нечистые дела – колесам, шкивам и шестерням бюрократии.

Собственно, сами механизмы казнокрадства и служебных преступлений автором не рассматриваются. Для Щедрина анекдот или скандал сами по себе не несут ценности – в первую очередь это повод анализа социальной природы человека. Автор ставит в центр пьесы этическую сторону событий. Для него важны не столько интрига, преступление, скандал, сколько отношение к ним их непосредственных участников и людей, их окружающих.

Фабула пьесы строится вокруг судьбы молодого статского советника Клаверова и его попыток выдвинуться на первый план «деловой жизни» чиновничьего Петербурга.

Воссоздадим экспозицию пьесы, связанную со служебной биографией Клаверова. Если принять аргументированную гипотезу Л. Лившица о том, что действие «драматической сатиры» происходит в 1862 г., значит, в ведомстве всемогущего князя Тараканова Клаверов работает с 1858–1859 гг. До этого времени он был близок с либеральным (Л. Лившиц полагал, что с демократическим) кружком под руководством своего однокашника Шалимова. Очевидно, он служил на каком-то незначительном месте и имел связь с «камелией» Klarой Фёдоровной. Очевидно, в 1858 г. он познакомил Klarу с князем, способ-

ствовал их сближению и в благодарность получил назначение на генеральскую должность. До этого времени он, скорее всего, пробовал сам участвовать в разного рода махинациях (об этом свидетельствуют строки из письма Шалимова: «...вся жизнь его есть ряд постыдных подвигов»¹⁾), но не очень успешно. Кое-как обосновавшись на службе, Клаверов решил начать «новую жизнь» – одновременно порвал и с Шалимовым, и с Klarой. Он теперь предпочитал идти к власти другим, более «чистым» путем. Карьеру Петр Сергеевич делал как носитель «идеи просвещенной и добродетельной бюрократии». Обслуживая темные дела князя Тараканова, Клаверов не ведет собственных махинаций. С одной стороны, таким образом он пытается компенсировать честностью своей службы порочный способ прихода к должности. А с другой стороны, «для него это все-таки не больше как станция, на которой он желает пробыть как можно менее времени» (IV, 337). То есть Клаверов создает безупречную репутацию для того, чтобы получить должность с большими полномочиями и самому стать «силой». На этом «доходном месте» он, подобно старцу Тараканову, планирует развернуться в полную силу, вознаграждая себя за годы ожидания. Для него унижительно положение пешки, а для того чтобы перейти в стан самостоятельных игроков, у него нет «ни силы, ни случая». Его возможности ограничены, в то время как у его покровителей и противников – практически безграничны. Он более-менее способен оценить реальную картину вещей, но при этом не имеет возможности влиять на неё.

Со временем, приблизительно в 1860–1861 гг., на волне реформ демократически настроенный кружок Шалимова стал оказывать заметное влияние на общественное мнение. Задумывающемуся о своем будущем Клаверову необходимо выглядеть перед оставленными единомышленниками максимально честным. Это становится все труднее – его бывшая протеже Clara Фёдоровна, став фавориткой старого князя, наращивает обороты своей теневой деятельностью, и Клаверов, будучи правой рукой Тараканова, вынужден легитимировать сделки Klarы, то есть брать на себя ответственность за них. А это способно дискредитировать его в глазах кружка Шалимова, а с их подачи и общественного мнения. Клаверову приходится лавировать между консерваторами-коррупционерами и либеральными преобразователями, сохраняя репутацию для будущего служебного продвижения.

Это еще больше ограничивает его возможности приобретательства. В своём бессилии он винит то нестабильность общественно-политической ситуации, то злокозненную Klarу Фёдоровну, то князя. Но подлинной причиной, мешающей ему плутовать и подличать в полную силу, как нам представляется, является его страх перед Шалимовым.

Шалимов, ни разу не появившийся на сцене, является одним из наиболее ярко прорисованных образов «Теней». Можно даже предположить, что именно создание образа Шалимова было главной задачей автора в написании этой пьесы. Он – единственный положительный герой, и именно в этом качестве он был нужен драматургу «за сценой». Существовал определённый риск: выведя Шалимова на сцену, в конечном итоге уподобить его какому-нибудь обычному резонёр-правдоискателю, которые уже достаточно были представлены в отечественной комедиографии, и сбить все впечатление.

Шалимов – «чёрный человек» Клаверова, которого он боится, но которым восхищается, под чьим влиянием он находится и после разрыва. Почти в каждой из четырёх сцен Клаверов произносит как минимум один монолог, посвящённый Шалимову и его взглядам на то или иное событие или явление. Во втором действии Клаверов в беседе с влюблённой в него Ольгой Бобырёвой, вместо того чтобы признаваться в любви ей, он чуть ли не признается ей в любви к Шалимову:

«Какое сравнение, например, с Шалимовым! Положим, что мы пошли с ним разными дорогами, положим, что он говорит пустяки, но, по крайней мере, чувствуешь, что за этими пустяками горит кровь, бьется сердце!»

В том-то и заключается трудность нашего положения, что мы не можем найти людей с сердцем, которые поддерживали бы те принципы, которые мы поддерживаем!» (IV, 364).

В четвёртом действии, когда Клаверов оказывается на пороге катастрофы, он вместо того чтобы изыскивать средства её преодоления, вдруг начинает восхищаться тем, как Шалимов реагирует на возможность оскорбления. Он пытается истолковать фразу своего кумира, надеясь, что и ему самому удастся воспользоваться шалимовским способом, но тщетно.

В первом действии Клаверов, находясь в деловом соперничестве с Кларой Фёдоровной, не в силах решить, какую именно занять позицию в двусмысленном деле вокруг подрядчика Артамонова. Его нерешительность усугубляет давление со стороны «чёрного человека»: «Нет, да вы представьте себе моё положение: не дальше как вчера встречается со мной на Невском Шалимов и говорит: “Нам известно, что постройка остается за Артамоновым, и мы надеемся, что ты будешь протестовать!”» (IV, 343). Клаверов и сам бы не прочь воспрепятствовать Артамонову – ставленнику и компаньону Клары. А давление «силы» Шалимова заставляет его прилагать в этом направлении большие усилия. «...Шалимов в определенные отношения с Клаверовым вступает, хотя, по существу, не возлагает на него никаких надежд. Шалимов требует, чтоб Клаверов не допустил передачи за взятку подряда Артамонову. Клаверов, заискивая перед “силой”, извлекается, по выражению Шалимова, “подлыми средствами от Нарукавниковых,

Артамоновых и т. д.” (IV, 405)»².

Каким-то образом Клаверову удаётся не утвердить лоббируемое Кларой решение, о чем свидетельствует следующая фраза монолога: «... не далее как сегодня Шалимов извинялся предо мной и объявил, что он изменяет свое мнение обо мне» (IV, 343).

Извинился, переменял мнение – здесь бы и успокоиться Клаверову. Но он тут же находит повод вновь распалиться. Его оппонент извинился «не так», признал свою неправоту с оскорбительным уточнением: «И ведь с какою ядовитостью он высказался предо мной; почти что бросил мне прямо в глаза: извини, дескать, мы думали, что ты подлец!» (IV, 368).

Особенно Клаверова расстраивает его неспособность спорить со своим «кумиром»: «И я должен был замолчать <...> Что ж, мы и промолчим, мы сумеем и снести» (IV, 368).

Ответить Шалимову Клаверов действительно не может. Монолог первого действия показывает, что остатки совести Клаверова всё-таки тревожат, и упреки Шалимова бьют именно в это, болезненное место успешного карьериста.

Шалимов выступает не столько прямой причиной, притормаживающей возможное участие Клаверова в большой игре, сколько оправданием его бессилия и неспособности активно вмешиваться в «дела». Оправданием перед самим собой: мол, мог бы быть в своем карьерном движении успешнее, расторопнее, читай более подлецом, более лакеем, да не могу – Шалимов заругает.

В первом действии Клаверов находит способ избавиться от соперника в лице Клары и от навязанных ею «теневых» решений. Он повторяет уже однажды зарекомендовавшую себя схему и сводит князя с женой своего однокашника Бобырёва. Это до поры до времени устраивает всех: Софья получает возможность жить в своё удовольствие, ни о чем не подозревающий муж трудоустроен, Клаверов избавляется от навязанных ему решений. Только Клара Фёдоровна вообще исчезает из пьесы. Она перестает быть даже предметом разговора, потому что лишается статуса «силы». О ней помнит только непримиримый Шалимов. Для всех остальных она как будто более не существует.

Шалимов в письме открывает обманутому мужу правду. Бобырёв в припадке гнева вызывает Клаверова на дуэль, Софья требует у Клаверова защиты. Растерявшийся Клаверов оказывается неспособным на реальные поступки. Он дискредитирует себя в присутствии племянника князя Тараканова – доверенного лица своего начальника, а также перед своим «пустейшим» подчиненным Набойкиным, ранее восхищавшимся умением Клаверова выгодно устраиваться в жизни.

В. А. Туниманов выражал предположение, что минута слабости Клаверова – это начало будущего восхождения Набойкина: «Лишь только

Клаверов начал сдавать, постепенно – очень постепенно и осторожно преобразуется Набойкин. Он временно оттесняет патрона, но вполне готов заменить его не временно, а по всем статьям, что, возможно, и произойдет в будущем. Клаверов спاسя, но положение его пошатнулось... Необходимые выводы из скандальной истории сделал для себя и Набойкин»³. Афера Клаверова терпит крах, и причиной этого становится «чёрный человек» Клаверова – Шалимов. Заставив своим письмом Бобырёва взглянуть в глаза суровой правде, Шалимов нейтрализует успехи Клаверова. Даже при том, что бобырёвский бунт был кратковременным, хмельным и закончился позорной капитуляцией, Клаверов из-за него упустил контроль за интригой. Не получившая поддержки в минуты личной катастрофы Софья Александровна «прозревает» и публично порывает с Клаверовым.

Таким образом, Шалимов, которого Клаверов характеризует как прямого человека, чуждого всяких хитростей, в конечном итоге, может быть, даже невольно манипулирует Бобырёвым и с его помощью осаживает «поднимающего голову» Клаверова. Он имеет возможность предугадать реакцию Бобырёва и скорее всего рассчитывает на неё, как ранее он рассчитывал, что Клаверов будет «протестовать» против махинаций Клары Фёдоровны. Шалимов подталкивает Бобырёва к протесту, чем расстраивает планы уверенного в успехе Клаверова. Сам Бобырёв ничего не выиграл от происшедшего. «Письмо Шалимова не только не возродило Бобырева, но и ускорило его падение»⁴. Своих целей добился только Шалимов.

Еще раньше Шалимов руками того же Клаверова отстраняет от дел беззащитную Клару Фёдоровну. Отдавая себе отчёт, какое влияние Клаверов оказывает на своих ренегатов-одноклассников, использует их в своём противостоянии с коррумпированным и неуязвимым князем Таракановым – своим основным политическим оппонентом.

С. А. Макашин в научной биографии Салтыкова-Щедрина писал, что «для Салтыкова

1862 года этот рационально-просветительский образ (Шалимова. – К. 3.) был уже пройденным этапом»⁵ и намекал, что Шалимов «Теней» был повторением «идеализированного образа “честного чиновника”, который Салтыков вывез из Вятки»⁶.

Но, как нам представляется, этот внесценический образ отличается более сложной структурой. Это общественный деятель, презирующий лицемерие, но идущий на манипулирование своими былыми знакомцами для достижения личных политических целей. При этом Шалимов нигде не жмёт, ему удаётся балансировать на этической грани и не допустить подлости.

Это принципиально новый образ положительного героя-деятели, сформулированный Салтыковым-Щедриным на излете реформ 1860-х гг. и оставленный им. Очевидно, содержащийся в созданном им Шалимове внутренний этический компромисс не отвечал высокому нравственному идеалу автора. Так или иначе, фабула драматической сатиры «Тени» вполне может быть рассмотрена с точки зрения «честной» интриги Шалимова – формально лишённой обмана, но, тем не менее, беспощадной и разрушительной.

Примечания

- ¹ Салтыков-Щедрин М. Собр. соч. : в 20 т. М., 1965–1977. Т. 4. С. 379. Далее цитаты с указанием в скобках тома римскими и страницы арабскими цифрами.
- ² Лившиц Л. Драматическая сатира М. Е. Салтыкова-Щедрина «Тени». URL: <http://www.levlivshits.org/index.php/works/vopreki-vremeni/teni/88-teni-4.html> (дата обращения: 27.05.2013).
- ³ Туниманов В. Драматургия М. Е. Салтыкова-Щедрина // Салтыков-Щедрин М. Е. Комедии и драматическая сатира. Л., 1991. С. 24.
- ⁴ Там же. С. 20.
- ⁵ Макашин С. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850–1860-х годов. М., 1972. С. 476.
- ⁶ Макашин С. Салтыков-Щедрин. Биография : в 2 т. Т. 1. М., 1951. С. 266.

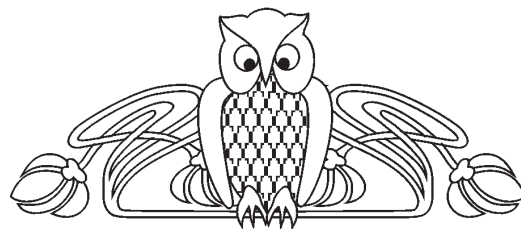
УДК 821.161.1.09:070.13+929Писемский

А. Ф. ПИСЕМСКИЙ И ЖУРНАЛ «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ» О ПРОБЛЕМАХ ЦЕНЗУРЫ

О. В. Тимашова

Саратовский государственный университет
E-mail: kirilif@info.sgu.ru

Статья содержит впервые проделанный целостный анализ программного эпистолярного А. Ф. Писемского, обращенного к редактору «Отечественных записок» А. А. Краевскому и исчерпывающе характеризующего позицию писателя, касающуюся

проблем современной ему литературы, литературной цензуры и свободомыслия в России. Письмо рассматривается как одна из неучтенных акций в рамках общественного выступления русских литераторов за смягчение цензуры, предпринятых в 1861 г. Послание Писемского изучается в контексте сотрудничества в журнале «Отечественные записки» – самом долгом, но наименее изученном в его творческой биографии.

Ключевые слова: А. Ф. Писемский, индивидуальные особенности программы и поэтики, А. А. Краевский, «Отечественные записки», русская цензура XIX в., коллективное выступление русских литераторов 1861 г.

A. F. Pisemsky and the Journal *Otechestvenniye Zapiski* (Homeland Notes) on Censorship Issues

O. V. Timashova

The article contains a first time comprehensive analysis of A. F. Pisemsky's major epistolary addressed to the editor of the journal *Otechestvenniye Zapiski* A. A. Krayevsky. This literary work exhaustively features the writer's point of view on the issues of contemporary literature, literary censorship, and free thought in Russia. The letter is regarded as one of the unregistered acts within the framework of Russian writers' public campaign of 1861 for the ease of censorship. Pisemsky's message is also analyzed in the context of his contribution to the journal *Otechestvenniye Zapiski* – the longest but the least researched period in his life.

Key words: A. F. Pisemsky, individual features of poetics, A. A. Krayevsky, *Otechestvenniye Zapiski*, Russian censorship of the XIXth, Russian writers' public campaign of 1861.

Репутация А. Ф. Писемского как реакционера и ретрограда, насаждаемая современной ему радикальной критикой¹, в последние годы поставлена под справедливое сомнение. Анализ его произведений, немногих собственных высказываний показывает, что писатель горячо погружался в проблемы своего времени, по его собственным словам, «обличал ... невежество..., боролся против Крепостного права, преследовал чиновничьи злоупотребления, обрисовал цветки <...> нигилизма...»² и т. д. Однако его общественно-литературная позиция в той форме, в какой она формулировалась им самим, в полной мере еще не выявлена. На существование данной лакуны повлиял и тот факт, что до сих пор не введено в активный научный оборот одно из немногих программных посланий писателя о состоянии современной ему литературы и цензуры. Возможно, дело в личности адресата послания, который, как и его сотрудник, снискал славу реакционера, – редактор «Отечественных записок» А. А. Краевский.

Сотрудничество Писемского с журналом А. А. Краевского оказалось самым долгим в творческой биографии писателя (1854–1865) и, как отметила Н. С. Оганян, именно в «Отечественных записках» печатались произведения, которые «явились... отражением идейных и литературно-эстетических воззрений автора»³ (статья о втором томе «Мертвых душ», его роман «Тысяча душ»). Анализ тематики их писем привел А. А. Рошаль⁴ к выводу о том, что, не переходя пределов благонамеренности, оба придерживались более радикальных позиций и образа действий, чем принято считать: так, корреспонденты обсуждают, как легальными способами оказать помощь ссыльному Т. Шевченко! При анализе переписки нас

не оставляет мысль о глубоком уважении к уму и житейской сметке Писемского, которую питал практичный Краевский, и с этой целью извещал обо всех явных и тайных «делах литературных» (Письма, с. 98). Со своей стороны, писатель неоднократно сетовал своему корреспонденту на засилье цензуры: «Весь усиленный труд... пропал, по прихоти цензора, безвозмездно...» (в связи с запретом его повести «Москвич в Гарольдовом плаще»); «... с... грустным... чувством пробегаю я... романы и рассказы моих собратьев, которые, кажется, и приучили Цензоров к бесцветности и пошлости» (Письма, с. 41).

Возможность высказаться гласно о современной литературной ситуации представилась только спустя десять лет. В переписке Писемского с Краевским оstantавливает внимание послание, отправленное летом 1861 г. – в то время, когда литературный мир вдохновлялся слухами о смягчении цензуры в связи с передачей цензурного ведомства из Министерства народного просвещения в Министерство внутренних дел. Было задумано создание коллективного письма литераторов и издателей, с изложением их просьб и видения состояния словесности. «... Это *первое* коллективное заявление русских писателей... Никогда еще цензурное ведомство не слышало... массового голоса об условиях, в которых находилась русская печать, и о... необходимых мерах, с помощью которых можно было бы... урегулировать ее взаимоотношения с администрацией»⁵ (курсив автора. – О. Т.). История создания и содержание прошения подробно изложены в цитированной выше монографии М. Лемке. Ученый указывал, что надежда быть услышанными правительством объединила авторов разных направлений – «...дело шло об одинаково дорогой всем... органам свободе печати...»⁶. Лемке предполагает, что в разработке документа приняли участие видные деятели – «... Краевский, Благовестов, М. М. Достоевский, Елисеев, И. Аксаков»⁷. Однако, указывая, что подписи под бумагой далеко не исчерпывают причастных к созданию и сопровождению документа («...нам неизвестны имена подписавшихся под нею...»), ученый не называет имени Писемского. Последний предстает в названном исследовании в традиционном амплуа обскуранта⁸.

Но когда к Андрею Александровичу как одному из ведущих журналистов обращаются с просьбой о выработке стратегии в переговорах с правительственными кругами, редактор «Отечественных записок», в свою очередь, запрашивает совета у Писемского. Ответное послание писателя в полной мере раскрывает его общественно-литературную программу. Видно, что проблема им выстрадана давно: «...В настоящем... виде она <цензура> существовать не может, так как... понижает Литературу: ... что составляет серьезную мысль, она запрещает, всё, что мелко, пошло, – под её благодетельным влиянием расцветает...» (Письма, с. 145). Далее в письме под четырьмя

пунктами изложены аргументированные требования к правительству, демонстрирующие смелость, широту взглядов и независимость мнений писателя: «Право переводить... сочинения, вышедшие на иностранных языках», «право рассуждать о всевозможных формах Правительства», «право излагать... все философские системы – будь автор Деист, Идеалист, Материалист». И, наконец, самое, с точки зрения писателя и ученика Гоголя, необходимое – обличение: «допустить сатиру в самых широких размерах». Бояться сатиры не следует, если предупредить «нахальную личность (то есть личные оскорбления. – О. Т.) ... в отношении Правительственных лиц, и в отношении Частных». (Оба юридических термина одинаково даны с большой буквы. – О. Т.) (Письма, с. 146).

Писемский стремится доказать, что подобные реформы неизбежны и в конечном итоге помогут самому правительству. Мало того, что полицейское замалчивание бесполезно, так как «Русская Публика... знает иностранные языки и покупает эти книги (запрещенные в России. – О. Т.)... при поездках за границу». Открытое обсуждение снимет флер таинственности и поможет развенчать новомодные западные идеи: «...Если огласятся, то... в критических статьях вызовут и реакцию против себя» (Письма, с. 146). Запрет обсуждения происходящих в стране реформ оборачивается «недомолвками, которые... раздражают читателей, заставляя... предполагать бог знает какую премудрость между строками», чем усиливаются оппозиционные настроения. В качестве вывода предлагается отточенная выстраданная формулировка: «Правительству... следует поставить на вид, что мысль может уничтожаться только мыслию, а не кварталными и цензорами». Как литератор и патриот Писемский убежден, что они, русские писатели, «ничего иного желать *не можем и не должны*» (курсив автора. – О. Т.) (Письма, с. 146).

Но как реалист и опытный тактик, Писемский заранее понимает, что и из этих минимальных требований «разумеется, у нас половину отрежут». И потому с той же строгой логикой излагает вопросы, кои должно будет задать министру прежде, чем раскрывать свою позицию: «чего правительство требует от цензуры?», «дозволено ли нам самим будет проектировать... законы?», «какого рода судилище будет устроено над виновными...?». «Покуда мы не будем знать <...> законов, по которым нас будут казнить, мы... не должны говорить ни слова, ни звука!», – предупреждает он корреспондента о трезвомыслии в игре с превосходящим противником. Писатель призывает редактора скептически отнестись к слухам об облегчении цензуры и, тщательно взвесив плюсы и минусы, сделать выбор между лучшим и хорошим: «...Пусть... лучше остаётся как... идет: цензора... обмануть можно, а... себя не обманешь!» (Письма, с. 146).

В конечном варианте коллективного прошения литераторов нашли отражение многие из тезисов

послания Краевскому. Разумеется, их можно объяснить совпадением настроений в литературной среде. И, однако, созвучий настолько много, что можно назвать Писемского среди авторов эпохального выступления. Власть предрешающим впервые было заявлено, что «литература, без всякого сомнения, принадлежит к самым существенным потребностям образованного общества»⁹. Близка позиции Писемского констатация факта, что «благодаря вмешательству... в делах печати русский человек становится в... подчиненное и, можно сказать, рабское положение относительно других наций»¹⁰. В первую очередь, с посланием Писемского Краевскому совпадает тон коллективного прошения – ориентированный на равноправное конструктивное сотрудничество литературы и власти: «...В открытой и честной литературе правительство... может находить себе опору. Чем больше будет дано простора... честной литературе, тем более будут пресекаться пути для тайных и ускользающих от... контроля действий»¹¹.

Авторы коллективного прошения используют аргументы писателя, живописуя реакцию общества на неразумные деспотические запреты: «Окружая тайною правительственные распоряжения, не поселяют ли... в обществе... недоверия к искренности правительства...?». Свойственная Писемскому житейская осторожность проглядывает в опасениях, как бы льготы, дарованные высшей властью, не узурпировались на низшем уровне – «не были отменяемы на практике распоряжениями административных лиц, и не подвергались... произвольным толкованиям»¹². Любопытны сетования авторов прошения на тяжелую долю русского редактора, вынужденного быть двуличным, изворачиваться и лгать: «Занятый своею игрой с цензурой, он не имеет... ни свободы, ни побуждения... вникать в требования закона»¹³. Не отразилась ли в этих словах реакция Краевского на чересчур осторожные, настроенные на «игру с цензурой» советы Писемского?

Как констатировал М. Лемке, коллективное обращение «не имело никаких практических последствий»¹⁴. Некоторые цензурные смягчения для благонамеренных изданий начинаются лишь спустя четыре года, 4 апреля 1865 г. Читателей нашего журнала поспешили известить об этом в «Современной хронике» под лаконичным заголовком «Без цензуры» и с разъясняющим эпиграфом: «12-го сентября редакция “Отечественных записок” получила разрешение на издание журнала без предварительной цензуры»¹⁵. М. Лемке, приводя отклики на цензурную реформу в разных изданиях, не упоминает «Отечественных записок», поскольку, как нам представляется, их отзыв не содержит резко отрицательных или положительных оценок¹⁶. Действительно, журнал попытался «возбудить в умах» читателей объективное представление о значении происходящей реформы: «Она <литература> требовала этого с такой же настоятельностью, как наши суды, как крепостное право...»¹⁷. В финале

статьи Краевский возвращается к значению правительственного разрешения: «Глубоко осозная цену его наряду со всеми пишущими – по крайней мере, пишущими в этом журнале – мы хотим, чтобы оно было сознано... читающими»¹⁸. Достоин упоминания, что среди «пишущих» в «Отечественных записках» в этом году вновь отличился Писемский со своим злободневным циклом «Русские лгуны». Можно подумать, Краевский вспоминает его советы, врезав восторженному пафосу напоминая о здравом смысле и осторожности: «Мы... хорошо знаем, как много может зависеть от применения их на практике... Это может обнаружить только время»¹⁹.

Послание писателя Краевскому представляет убедительное возражение критикам-последователям Н. В. Шелгунова, которые полагали, что Писемский в своем мировоззрении не поднялся выше «сельского старосты»²⁰. Кроме того, изложенная в письме литературная программа объясняет противоречия мировоззрения Писемского, позволявшие считать его то убежденным консервативом (С. А. Венгеров, П. Г. Пустовойт²¹), то одним из передовых людей своего времени (А. П. Могилянский, А. А. Рошаль²²). Его взгляды органично сочетали в себе, казалось, несочетаемое: мечты о прекрасном будущем, передовые идеалы, свойственные его времени, и здравый смысл, позволявший осознать, что какие-то из них в настоящее время неосуществимы, а воплощение других зависит от многолетней кропотливой работы и может закончиться новыми неожиданными трудностями.

Примечания

¹ См.: *Зайцев В.* Взбаламученный романист // Русское слово. 1863. № 10. С. 23–44; *Антонович М.* Современные романы // Современник. 1864. № 4. Отд. 2. С. 201–238; *Шелгунов Н.* Люди сороковых и шестиде-

сятых годов // Дело. 1869. № 9. С. 1–29; № 10. С. 1–38; № 11. С. 1–51; *Цебрикова М.* Гуманный защитник женских прав // Отеч. Записки. 1870. № 2. С. 209–228.

- ² Из письма писателя его французскому переводчику и исследователю творчества В. Дерели: *Писемский А.* Письма / под ред. и комм. М. К. Клемана и А. П. Могилянского. М., Л., 1936. С. 391. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы.
- ³ *Оганян Н. К.* вопросу оценки творчества А. Ф. Писемского русской литературной критикой // Науч. тр. Ереван. гос. ун-та. 1960. Т. 70, вып. 8. С. 110.
- ⁴ См.: *Рошаль А.* Писемский и русская революционная демократия. Л., 1973.
- ⁵ *Лемке М.* Эпоха цензурных реформ 1859–1865 годов. СПб., 1904. С. 58.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. С. 26, 93, 288, 452, 491.
- ⁹ Цит по: *Лемке М.* Указ. соч. С. 59.
- ¹⁰ Там же. С. 71.
- ¹¹ Там же. С. 68.
- ¹² Там же. С. 81.
- ¹³ Там же. С. 63.
- ¹⁴ Там же. С. 82.
- ¹⁵ Без цензуры // Отеч. записки. 1864. № 9. Отд. «Современная хроника». С. 75.
- ¹⁶ См.: *Лемке М.* Указ. соч. С. 389.
- ¹⁷ Отеч. Записки. 1864. № 9. Отд. «Современная хроника». С. 75.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ См.: *Шелгунов Н.* Указ. соч. С. 44.
- ²¹ См.: *Венгеров С. А.* Ф. Писемский // Венгеров С. Собр. соч. : в 5 т. Т. 5. Дружинин. Гончаров. Писемский. СПб., 1911; *Пустовойт П.* Писемский в истории русского романа. М., 1969.
- ²² См.: *Рошаль А.* Указ. соч.; *Могилянский А. А.* Ф. Писемский. Жизнь и творчество. Л., 1991.

УДК 821.161.109+929[Белинский+Глинский]

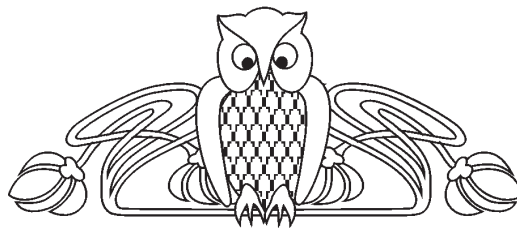
ЗАБЫТЫЙ БИОГРАФ В. Г. БЕЛИНСКОГО

М. А. Силашина

Саратовский государственный университет
E-mail: 90masha@mail.ru

В статье рассказывается об очерке Б. Б. Глинского «Виссарион Григорьевич Белинский и чествование его памяти». Этот материал оказался практически никак не осмысленным и, по сути, не учтенным даже библиографически в существующих исследованиях о Белинском и его эпохе, хотя заслуживает внимания со стороны ученых.

Ключевые слова: биографический очерк, критика, журнал, литератор, В. Г. Белинский, Б. Б. Глинский, мемуары, юбилейные чествования, летопись, хроника.

Forgotten Biographer of V. G. Belinsky

M. A. Silashina

The article presents a feature story by B. B. Glinisky «Vissarion Grigoryevich Belinsky: in honour of his memory». This story appears not to have been taken into account or registered in reference lists of the existing research papers on Belinsky, although it clearly deserves the researchers' attention.

Key words: biographical feature article, criticism, journal, man of letters, V. G. Belinsky, B. V. Glinsky, memoires, anniversary celebrations, annals, chronicle.

Борис Борисович Глинский (1860–1917) – достаточно широко известный литератор и публицист рубежа XIX–XX столетий, постоянный и деятельный сотрудник журнала «Исторический вестник», а с 1914 г. и вплоть до закрытия – редактор издания. Он вошел в историю журналистики не только как автор подробных очерков об истории России, многочисленных выступлений о современной ему общественно-политической и литературной жизни, но и как создатель фактографически насыщенных биографических материалов об известных и полузабытых предшественниках и современниках. Эти выступления в 1914 г. были объединены в книге «Среди литераторов и ученых...»¹. Сборник был принят неоднозначно, его порой критиковали за «юбилейно-поминальный» характер, потому что большая часть очерков была приурочена либо к юбилейным, либо к траурным датам, и они имели особый характер построения материала, отсутствовала прямая критическая оценка со стороны автора. К примеру, А. Б. Дерман так публично отзывался о книге: «Живет-живет писатель, трудится, пишет, старается, – все это проходит мимо г. Глинского, насколько его не задевая. Его как будто не интересуется, что именно творит писатель. Но вот с Божьей помощью не интересующей г-на Глинского работе писателя имярек исполняется юбилейный возраст: готово! Г-н Глинский хлопочет, старается, расстилает длиннейшую “литературную” скатерть и, так сказать, сервирует адреса, подношения и прочее. А затем собирает эту сервировку в кучу и отправляет ее в типографию для отпечатания в своем “Историческом вестнике” <...> Если писатель не дотянет до юбилея или по той, либо другой причине не станет его праздновать, то все-таки ему не избегнуть глинского пленения: не дается он в руки живым, г. Глинский завладеет им мертвым. Только писатель испустит дух, как г. Глинский собирает и предает тиснению все, что кому-либо вздумается сказать или написать про покойника... Какого мнения покойник о деятельности г. Глинского – трудно судить, но что живые правильно ее оценивают, – не может быть сомнения: недаром один из юбилейных сотрудников г. Глинского (впоследствии умерший и г-ном Глинским честь-честью обряженный) написал на меню юбилейного обеда <...>:

Он весь в чернила окунулся,
Как мних в святительский елей,
Но... милый Глинский подвернулся
И вмиг состряпал юбилей»².

Такая оценка является не совсем справедливой, поскольку традиция, связанная с проведением торжественных вечеров-воспоминаний,

с публикацией мемуаров и созданием биографий писателей была характерна для самой эпохи конца XIX– начала XX в.: «У нас в России все более и более укореняется прекрасный обычай устраивать юбилейные чествования и литературные поминки живых и усопших деятелей науки и литературы. Эти чествования, приурочиваемые к различным срокам, дают повод напомнить обществу о выдающихся представителях научной и поэтической мысли, способствуют более ясной и сознательной оценке их деятельности и нередко пробуждают вновь усиленный интерес к личности и произведениям вспоминаемого лица. Напоминание о великих деятелях прошлого важно еще и в другом отношении: оно помогает человеку нашего времени, погруженному “в тишину нечистой мелкой помыслов, мелкой страстей”, освободиться, хоть на некоторое время, от гнета современности и возвыситься душой, созерцая духовно великие образы прошлого. В таких чествованиях перед нами воскресают отошедшие в вечность лучшие люди былого, мы вновь общимся с ними духовно, освежаемся от окружающей нас действительности, почерпываем силы и бодрость для дальнейшей честной жизни, часто успевшей ослабеть под влиянием гнетущей действительности»³, – подчеркивает в брошюре о В. Г. Белинском Г. В. Александровский, современник Б. В. Глинского.

Подобные материалы выходили в большом количестве сразу после значимой даты. В дальнейшем особо выделялись исследователями лишь некоторые из них, потому что часто здесь дублировались одни и те же сведения. Иногда подобные работы опирались на публикации современников, которые сами по себе порой не были достоверными, хотя не всегда можно понять критерии, по которым определяется «ценность». Отдельные любопытные статьи и очерки просто замалчивались и относились к разряду «дробных материалов»⁴.

Что касается В. Г. Белинского, то после его кончины русская интеллигенция XIX века устраивала в его честь два значимых памятных торжества: в 1898 г. к пятидесятилетию со дня смерти и в 1911 г. в честь столетия со дня рождения. В русской журналистике эти даты были ознаменованы появлением в печати большого количества биографических материалов, систематизировавших уже хорошо известные данные.

Практически все научные биографии и летописи основываются исключительно на архивных документах, а также на первых жизнеописаниях. Авторами первых биографий В. Г. Белинского были А. Н. Пыпин, А. Н. Веселовский, Н. Г. Чернышевский. Они учитывались абсолютно всеми исследователями. Только летопись жизни Белинского, составленная Н. Ф. Бельчиковым, П. Е. Будковым, Ю. Г. Оксманом, Н. К. Пиксановым, помимо выше отмеченных материалов, обращается и к периодической печати XIX в. Как один из

основных источников такого рода в этом издании указывается статья В. Е. Рудакова «Архивные разыскания о рождении Белинского», опубликованная в «Историческом вестнике»⁵. Она была замечена читателями и историками литературы, поскольку воссоздавала неизвестные страницы жизни В. Г. Белинского.

В «Историческом вестнике» в 1911 г. на другую публикацию В. Е. Рудакова откликнулся Б. Б. Глинский: «... небольшая книжка, составленная В. Е. Рудаковым, является удачным пособием для ознакомления с жизнью и литературной деятельностью нашего великого критика В. Г. Белинского. Правильное распределение материала по отдельным главам, следование лучшим печатным пособиям и заимствования из них, соразмерность в изложении фактов, краткое, но достаточно обоснованное объяснение миросозерцания критика и, наконец, живой и вполне литературный язык делают эту книжку доступной и среднему читателю, и учащемуся даже в низшей школе. <...> В то же время в ней заключаются и несомненные достоинства новизны. Благодаря разысканиям в целом ряде петербургских архивов, В. Е. Рудакову удалось впервые открыть подлинное метрическое свидетельство В. Г. Белинского и поведать о происхождении матери последнего, которое до настоящего времени оставалось неизвестным нашим исследователям. <...> В виду наступающего торжественного чествования столетия со времени рождения нашего великого критика вновь установленная точная дата рождения – 1 июня 1911 г. является как нельзя кстати...»⁶

Следует обратить внимание на то, что и сам Б. Б. Глинский был автором биографического очерка, посвященного пятидесятилетию со дня смерти В. Г. Белинского. Единственное указание на данную публикацию мы находим только в библиографическом указателе И. Федорова, открывающемся эпиграфом Д. Н. Овсянко-Куликовского: «Белинский не умер, Белинский все еще жив или, лучше сказать, воскресает для новой жизни и исполнившаяся столетняя годовщина его рождения знаменует собою наступление новой эпохи для литературного наследия этого великого человека, когда его будут не только опять *перечитывать*, но, главным образом, *изучать* – как изучают гениев и великих друзей человека»⁷. В других указателях и исследованиях нет даже упоминания о труде Глинского⁸. Не ссылаются на него в своих публикациях и современники литератора,⁹ журнальный очерк был выпущен и отдельным изданием.¹⁰

Б. Б. Глинский же отсылает читателей к трудам, которые послужили основой его исследования: «Тех – кто интересуется предметом более обстоятельно и подробно, отсылаю к известному труду А. Н. Пыпина “Белинский, его жизнь и переписка” и “Очеркам гоголевского периода” Чернышевского, а также к новейшим работам, посвященным нашему критику: С. А. Венгерова

“Великое сердце” (“Русское богатство” 1898 г.), книге Е. Соловьева “В. Г. Белинский в его письмах и сочинениях” и “Публичным лекциям” В. Острогорского “В. Г. Белинский, как критик и педагог”».¹¹

В биографической части очерка Б. Б. Глинский остается верен и привычному для себя пафосному стилю при характеристике выдающегося литературного деятеля: «Белинский, один из самых видных и блестящих борцов за просвещение и свободу русского народа, был физически раздавлен непосильным бременем жизни. Процесс его житейской гибели трагичен, полон ужаса и мрака; но то, во имя чего он нес свой земной крест, ради чего он боролся, что непрестанно провозглашал устно, в письмах, на страницах журналов, что составляло его истинную жизнь, чем он дышал и в чем находил настоящую радость и счастье, о! это все, в противность житейскому фону серых дней, в противность повседневному невзрачным кулисам жизни, все это отличается удивительно светлым колоритом, отражено тем сиянием, что свидетельствует и твердит нам о праведности, о чистейшей красоте, с чем соединены главнейшие стимулы нашей жизни – вера, надежда, любовь. Вера – в правоту своего дела и его святость, надежда – на победу этого дела над неправдою жизни и окружающим злом, любовь – к человеку, ради которого подъята борьба и принесено в жертву свое земное житейское я»¹².

Составленное Глинским жизнеописание богато фактическими данными, почти безупречно выстроено, хотя в нем обращено внимание на то, что «биография Белинского чрезвычайно бедна внешними фактами, скудна сменой обстоятельств жизни. Вся эта недолгая жизнь протекла в литературе и ради литературы, почему и интерес жизнеописания таких людей, как Белинский, главным образом заключается в том, что их литературная деятельность отразилась на складе их собственной жизни, а еще более на жизни общественной, с одной стороны, и с другой – какие общественные мотивы вносила эта жизнь (жизнь индивидуальная и жизнь современного им общества) в их литературную деятельность, в работу их ума и сердца. Но как бы там ни было, без фактов не бывает жизни, а потому и обратимся к ним прежде всего»¹³.

Автора в большей степени интересует реакция современников на определенные события, нежели обычная констатация фактов жизни героя: «Я полагаю, что из всех приведенных описаний того, как русское общество отнеслось к памяти своего выдающегося вождя и учителя, можно смело заключить, что это общество сумело в пределах современной возможности обратить день 26-го мая в настоящий праздник мысли, который, несомненно, благодарным потомством будет занесен на скрижали истории наравне со страницей известных поминок Пушкина в Москве. Торжественные поминки этих

двух писателей, из коих один явился в нашей истории основателем новой русской литературы, а другой – ее блестящим истолкователем и пророком ее грядущих судеб на долгие времена, служат лучшими указателями, что русское общество достойно своих великих учителей, и что работа их не осталась бесплодной. Они расширили и укрепили наше самосознание, нашу гражданственность и права на свободу, в благодарность за каковые великие услуги потомство и увенчало их изваяния лаврами и создало их именам памятники, громко свидетельствующие, что торжество солнца и просвещение вечно, и что правда жизни рано или поздно, но всегда должна восторжествовать»¹⁴.

В биографии Глинского интересует многогранность личности В. Г. Белинского, а потому он показывает его с разных позиций: сын, муж, отец, общественный деятель. Факты, приводимые автором, сегодня хорошо известны, но стоит напомнить, что в момент появления в печати это был один из первых систематизирующих накопленные материалы биографических очерков, имевших тогда существенное значение. Так, например, здесь восстанавливаются детские страницы жизни критика задолго до В. Е. Рудакова.

Жанр своего очерка сам автор определяет как «хронику общественной жизни»: «Посмотрим же, как отметило общество пятидесятую годовщину смерти лучшего представителя и чем помянуло оно день его кончины. Эта маленькая хроника нашей общественной жизни и составляет главную тему моего текущего очерка, но составить эту хронику и ничего не сказать о жизни, деятельности того, кому посвящается эта хроника, я не считаю удобным, почему и обращаюсь прежде всего к биографии и характеристике Белинского...»¹⁵

Очерк был опубликован в июньском и в июльском номерах «Исторического вестника» за 1898 г. Условно его содержание можно разделить на две части: первая – биография, вторая – обзор состоявшихся литературных вечеров, выступлений, публикаций с подробным комментарием автора и наиболее существенными цитатами, которые призваны были продемонстрировать основные моменты, связанные с восприятием личности и творчества В. Г. Белинского. Обзор публикаций по праву можно назвать основательным библиографическим сводом. Здесь обращает на себя внимание характеристика только что вышедших первых сборников сочинений: «Из числа собраний нашего критика вышло лишь два – в издании О. Н. Поповой и С. Мошкина. Г-жа Попова выпустила в свет лишь «Избранные сочинения» Белинского, имея в виду важнейшие из них, сохраняющие свое историко-литературное значение поныне. К числу таких отнесены: во-первых, статьи, в которых наиболее ясно и полно отразилось последовательное развитие взглядов Белинского на самые существенные вопросы жизни и духа, и, во-вторых,

критические разборы, посвященные Белинским самым выдающимся произведениям русской словесности. Статьи, вошедшие в настоящее издание, перепечатаны из издания 1858–1862 г. Солдатенкова и Н. Щепкина, причем некоторые из них приведены не полностью, а лишь в извлечениях под особым заглавием, но с указанием, откуда эти извлечения заимствованы. Издание это, конечно, представляет некоторые достоинства, к числу каковых, главнейших, относится его дешевизна (1 р. 20к. за том в 800 с лишком страниц двойного столбца) и малое количество опечаток, которыми так обильно известно издание Павленкова, но рядом с этим оно имеет и немало неудобств и несовершенств...»¹⁶

Б. Б. Глинский старается оставаться беспристрастным, руководствуясь в своих оценках только весомыми аргументами. «Печально кончились многотрадные дни великого русского критика, печальная участь постигла на первых порах его семейство, обреченное на жестокую борьбу за право существования, – отмечает в очерке. – Мало того, самое имя критика сделалось символом чего-то опасного, подозрительного, о чем можно было говорить с большою осторожностью лишь в тесном кругу. О величии его заслуг перед русской литературой и русской жизнью не могло быть и речи, благодаря чему Чернышевский в своих критических «очерках» вынужден даже окрестить их произвольным именем «Тоголевские», дабы только не группировать их вокруг имени Белинского, который на самом деле является, однако, центральной фигурой этих «очерков». Но время сделало свое дело; понемногу и постепенно Россия освободилась от разных ложных страхов и опасностей; выяснилось с полною очевидностью значение ее наиболее просвещенных и деятельных работников <...> Русское общество, в пределах своей свободы и своих средств, дружно создало необходимость достойным образом почтить великую память своего павшего в жизненной борьбе героя-праведника, и то, что обществом было сделано с этой целью, вполне наглядно показывает его умственную зрелость, рост его национального (в лучшем смысле слова) самосознания. Посмотрим же теперь, как отмечено было значение пятидесятой годовщины кончины нашего критика и какие именно его заслуги перед родною землею выступили с особенною рельефностью в знаменитые дни литературных торжеств, посвященных имени Белинского и кратковременной его литературной деятельности»¹⁷.

Среди тех, кто принял участие в чествованиях критика, было немало знаменитых в литературном мире фигур. Так, А. Н. Веселовский посвятил специальную работу особенностям душевного склада Белинского. Сообщение Г. А. Джаншиева «Белинский и эпоха реформ» «устанавливало связь реформ 60-х гг. с публицистическою деятельностью В. Г.»¹⁸. П. А. Ефремов и В. Е. Якушкин отредактировали книгу «Семь статей

В. Г. Белинского». В Москве В. П. Острогорский выступил с двумя публичными лекциями на тему «В. Г. Белинский как критик и педагог». Приуроченной к этой дате оказалась и фундаментальная работа И. И. Иванова по истории русской критики. Практически все материалы были опубликованы на страницах периодики или же вышли отдельными изданиями. География «торжеств» была весьма обширна и включала, по сути, территорию всей России. Глинский также рассказывает о сохранившихся портретах Белинского, о художественных и мемориальных выставках, посвященных выдающемуся деятелю.

«Это событие, само по себе не представляющее ничего особенно радостного, веселого и утешительного, вызвало, однако, в столичных и некоторых провинциальных городах нашего отечества ряд торжеств, приравненных общественным мнением к разряду самых светлых праздников русского слова, русской мысли, — отмечает публицист. — И действительно, что, казалось бы, может быть утешительного и отрадного в том, что полвека тому назад преждевременно скончался, сломленный жизнью и невзгодами, непосильными трудами и борьбою за народное и общественное благо, писатель, которого при жизни даже друзья и близкие люди мало понимали, которого враги травили, преследовали, и который всю жизнь был обречен на жестокую борьбу за существование? Казалось бы, тут нечему радоваться, нечему рукоплескать и, однако, что же мы видим? ряд торжеств сменяется одно другим, и сословие писателей, призывая на эти торжества русский народ в лице разнообразных его представителей, с гордостью восклицали: “на нашей улице праздник!”, праздник того великого солнца, которое властно и беспощадно гонит духовную тьму человечества и обдаёт его жизнь мощными лучами свободы, братства и любви»¹⁹.

Личности и творчеству В. Г. Белинского посвящено множество разнообразных исследований, составлявших целое направление в отечественной историко-литературной науке. Забывая на долгие десятилетия «хроника» Б. Б. Глинского, со всей очевидностью, должна занять среди этих работ надлежащее место в качестве важного печатного источника, связанного с изучением восприятия классического литературного наследия и литературной личности в движении исторических эпох.

Примечания

- 1 См.: Глинский Б. Б. Среди литераторов и ученых : биографии, характеристики, некрологи, воспоминания, встречи. С 31 портретом. СПб., 1914.
- 2 Б. п. <А. Б. Дерман> (Рецензия) // Русское богатство. 1914. № 1. С. 404–405 (Рец. на кн. : Глинский Б. Среди литераторов и ученых. СПб., 1914).
- 3 Александровский Г. В. Памяти великого русского критика В. Г. Белинского с портретом В. Г. Белинского. Для учащихся и самообразования. Киев : Гонг, 1910. С. 5–6.
- 4 См.: Летопись жизни Белинского / сост. Н. Ф. Бельчиков, П. Е. Будков, Ю. Г. Оксман, Н. К. Пиксанов. М. : Искра революции, 1924. С. VIII.
- 5 Там же.
- 6 Г. <Б. Б. Глинский>. Великий русский критик В. Г. Белинский. Научно-популярный биографический очерк. Составил В. Е. Рудаков. Издание А. С. Суворина. (Дешевая библиотека). С портретом В. Г. Белинского. СПб., 1910. Стр. 104. Цена 35 к. в переплете / Г. // Исторический вестник. 1911. № 2. С. 740.
- 7 Федоров И. Опыт хронологической канвы к биографии В. Белинского с приложением библиографического указателя 1811–1911. Смоленск : Электро-типо-литография Я. Н. Подземского, 1911. Титульный лист.
- 8 См.: Белинский Виссарион Григорьевич // Большая энциклопедия : словарь общедоступных сведений по всем отраслям знаний / под ред. С. Н. Южакова и П. Н. Милюкова. СПб. : Просвещение, 1902. Т. 4. С. 201–204 ; Белинский Виссарион Григорьевич // Краткая литературная энциклопедия. М. : Советская энциклопедия, 1962. Т. 1. С. 503–510 ; Белинский (Виссарион Григорьевич) // Энциклопедический словарь. СПб. : Типо-Литография (И. А. Ефона), 1891. Т. 5. Буны-Вальтер. С. 191–194 ; Виссарион Григорьевич Белинский // Новый энциклопедический словарь. Белоруссы (писалось с ять – М. С.) / под общ. ред. К. К. Арсеньева. СПб. : Типография «Брокгауз-Ефрон», 1890–1907. Т. 8. Брачный наряд. С. 871–894 ; Виссарион Григорьевич Белинский (1848–1948) : указатель литературы / сост. Э. Субботина ; под общ. ред. В. И. Борщукова. М. : Гос. изд-во культурно-просветительской литературы, 1948 ; Залеская Л. И., Крендель Р. Н. В. Г. Белинский : рекомендательный указатель литературы к 100-летию со дня смерти / под ред. Н. Л. Бродского. М. : Тип. Б-ки им. Ленина, 1948 ; История русской литературы XIX в. : библиографический указатель / под ред. К. Д. Муратовой. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1962 ; Летопись жизни Белинского / сост. Н. Ф. Бельчиков, П. Е. Будков, Ю. Г. Оксман, Н. К. Пиксанов. М. : Искра революции, 1924 ; Оксман Ю. Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. М. : ГИХЛ, 1958.
- 9 См.: Абрамов Я. В. I. Памяти Белинского. II. Роман Белинского. СПб. : Изд. Н. Гаврилова и М. Городецкого, 1898 ; Александровский Г. В. Памяти В. Г. Белинского : историко-литературный очерк. Киев: Типография К. Н. Милевского, 1899 ; Жданов И. Памяти В. Г. Белинского : реферат, читанный в Неофилологическом обществе пр. СПб. Университете 18 декабря 1898 г. СПб. : Типография СПб. акц. общ. печ. дела Е. Евдокимова, 1899 ; Памяти В. Г. Белинского. Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов с 3 фотографиями. Издание Пензенской общественной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова. М. : Товарищество тип. А. И. Мамонтова, 1899 ; Александровский Г. В. Памяти великого русского критика В. Г. Белинского с портретом В. Г. Белинского.
- 10 Глинский Б. Виссарион Григорьевич Белинский и чествование его памяти (с пятью иллюстрациями и при-

ложением его юношеского журнала поездки в Москву и пребывания в оной). СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1898.

¹¹ Глинский Б. Виссарион Григорьевич Белинский и чествование его памяти // Исторический вестник. 1898. № 6. С. 939–940.

¹² Там же. № 6. С. 937.

¹³ Там же. С. 940.

¹⁴ Там же. № 7. С. 270.

¹⁵ Там же. № 6. С. 939.

¹⁶ Там же. № 7. С. 242–243.

¹⁷ Там же. С. 224–225.

¹⁸ Там же. С. 228.

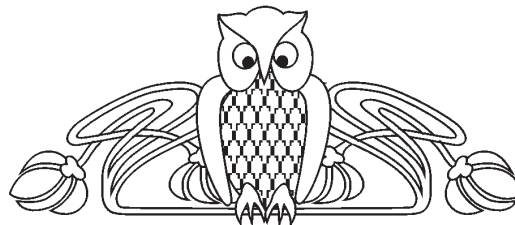
¹⁹ Там же. № 6. С. 936.

УДК 821.161.1.09+78.071.1(470)+929[Чехов+Рахманинов]

А. П. ЧЕХОВ И С. В. РАХМАНИНОВ: НЕКОТОРЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Л. А. Скафтымова

Санкт-Петербургская государственная консерватория
им. Н. А. Римского-Корсакова
E-mail: lskaft@mail.ru

В статье рассматриваются образно-смысловые параллели в произведениях А. П. Чехова и С. В. Рахманинова, выявляющие родственные черты художественного миросозерцания и поэтики писателя и композитора как выразителей национальной самобытности отечественного искусства.

Ключевые слова: Чехов, Рахманинов, романс, лиризм, психологический подтекст.

A. P. Chekhov and S. V. Rakhmaninov: Some Parallels

L. A. Skaftymova

The article regards image and notional parallels in the works by A. P. Chekhov and S. V. Rakhmaninov revealing similar features of the writer's and composer's artistic outlook as of those who reveal national identity of the Russian art.

Key words: Chekhov, Rakhmaninov, romance, lyricism, psychological implication.

В отечественном музыкознании в семидесятые годы прошлого века стала складываться параллель между творчеством двух крупнейших представителей русской культуры – Рахманинова и Чехова¹. Прежде всего, она связывалась с написанием ранней фантазии композитора «Утес» (1893) и романса на слова Чехова «Мы отдохнем». Но это как бы лежит на поверхности. Связь же видится нам более глубокой, многообразной и тонкой. Это, прежде всего, любовь к России, тот «русский дух», который пропитывает все их творчество, любовь негромкая, без фанфар, без деклараций («Славься, славься ты, Русь моя!»), без громких слов. В их произведениях живет русская душа, непостижимая и загадочная, русская природа, не роскошная, с морем и солнцем, а средней полосы – скромная, немного печальная, как пейзажи И. Левитана, но всегда прекрасная. Роднит композитора и писателя и пристальное внимание к душе человека, его чувствам, глубокий психологизм.

Большинство самых разных романсов Рахманинова роднит то, что в них раскрывается

психологическое состояние человека как глубоко лирический процесс. Чувства и мысли лирического героя преломляются как нечто сокровенно индивидуальное, ведется ли речь о нем самом («Отрывок из Мюссе», «Сон») или о близком существе («Вчера мы встретились»), об окружающей действительности («Пора!», «Христос воскрес») или о природе, которая находит отклик в душе человека («Ночь печальна», «Сирень», «Островок»). Поэтому порой бывает трудно провести грань между лирическими и драматическими произведениями этого жанра.

Лирика пропитывает практически все романсы композитора, по сути, они все лиричны – хотя принято их делить на лирические, лирико-драматические и драматические. Она характерна не только для ранних драматических вокальных произведений, имеющих так много общего с лирико-драматическими. Теплога и непосредственность эмоциональных высказываний Рахманинова в его зрелых драматических романсах в большой степени связана с их внутренней лиричностью. Так, например, огромно смысловое и драматургическое значение лирического эпизода в балладе «Судьба» («Но есть же счастье на земле!»).

Этот эпизод имеет много общего с лирическими любовными романсами и романсами-пейзажами Рахманинова. Длительное и томительное ожидание здесь выражено во многом подобно тому, как и в одном из лирических романсов – «Я жду тебя». Во второй части лирического эпизода «Судьбы», где раскрывается картина безмятежной и прекрасной ночной тишины, невольно вспоминается «Островок», где «еле дышит ветерок», куда «гроза не долетает». Подобные эпизоды встречаются во многих лирических романсах композитора (например, «Утро», «Здесь хорошо»).

Скорбные лирические романсы – «Тебя так любят все», «На смерть чижика», «Перед иконой», «К детям», «Ночь печальна», «Вокализ», «Вчера мы встретились» и другие уже – в большинстве

случаев раскрывают ту же тематику, что и многие драматические: трагизм одиночества и горечь утраченного счастья. Особо надо упомянуть о своеобразном чеховском монологе «Мы отдохнем», где Рахманинов сумел воплотить со всей чуткостью глубокую тоску по лучшей жизни трагических в своем *лиризме* чеховских героев – типичных представителей современной музыканту интеллигенции.

Подчеркнем, что именно в сфере лирической зарисовки, полной внутренней трагедийности, Рахманинов является художником, наиболее близким Чехову. В этом плане показателен и романс «Вчера мы встретились». О нем можно сказать, что он не только близок чеховскому рассказу, но и написан в чеховской манере. Сдержанное, подернутое легкой дымкой недосказанности произведение раскрывает тему неудовлетворенности, трагедию повседневности русского интеллигента, не знающего пути к лучшему. Как и Чехов, Рахманинов здесь лаконично повествует, рисует скупым мазком.

Как будто имея в виду романс «Ночь печальна» (на слова И. Бунина) или под его впечатлением, Чехов пишет свой рассказ «Враги», который Бунин считал одним из совершенных произведений Чехова. Писатель здесь очень тонко подмечает особенность человеческого характера, человеческой психики в национальном их преломлении, связывающие такие далекие сферы – лирику и драматизм, лирику и трагизм. Это качество рассказа было подмечено уже современниками художника. Так, В. А. Гольцев пишет: «Как художник, Чехов может опозитизировать горе, самую смерть...»². Добавим только, что эти слова можно отнести и к Рахманинову. «Тот отгалкивающий ужас, – пишет Чехов, – о котором думают, когда говорят о смерти, отсутствовал в спальне» (С., VI, 33). И далее. Было «что-то притягивающее, трогающее сердце, именно та тонкая, едва уловимая красота человеческого горя (выделено нами. – Л. С.), которую не скоро еще научатся понимать и описывать и которую умеет передавать, кажется, только музыка». Герои рассказа – земский врач Кирилов и его жена, только что потерявшие ребенка, «молчали, не плакали, как будто кроме тяжести потери, сознавали весь *лиризм* (выделено нами. – Л. С.) своего положения» (С., VI, 34). Таким же настроением проникнут и романс «К детям», кстати, обнаруживающий сюжетное сходство с рассказом «Враги».

Общеизвестна особая роль *колокольности* (колокольных звонов) в творчестве Рахманинова. Почти все музыковеды, пишущие о нем, упоминают о колокольности в его музыке, о ее влиянии на творчество, о претворении в конкретных произведениях. Впервые это явление было отмечено Б. В. Асафьевым: «Любопытна привязанность Рахманинова к интонациям, невольно ассоциирующимся со звоном. В колокольных переливах, переборах и звонких отзвуках, может

быть, мужицких бубенцов и колокольчиков, вообще в музыке “колокольности”, в разлитии по воздуху “волн звука” композитора привлекала красота мерного развертывания, расцветания, наконец, разбега музыкальной интонации»³.

В этом плане интересны работы В. Н. Брянцевой, которая истоки колокольности в произведениях Рахманинова отмечает уже в его слуховых впечатлениях детства, формирование – в юношеских произведениях и, самое главное, делает вывод о колокольности как важной особенности национального стиля художника⁴.

Колокольность, развиваясь и эволюционируя, прошла через все творчество композитора. Это Прелюдии до-диез минор, ми-бемоль мажор, финал Первой сюиты для двух фортепиано, вступление ко Второму концерту, некоторые Этюды-картины, эпизод перед каденцией первой части Третьего концерта, кульминация первой части Третьей симфонии и многие другие страницы его произведений, где колокольность трактуется в широкой и разнообразной гамме.

Рахманиновская колокольность – от «красного звона» до зауспокойного – живая речь художника, горячая и страстная. Порыв и стремление, призыв, доходящий до крика, тревога, возрастающая до ужаса, – вот колокола Рахманинова. Густой и полный звук жизни, мягкий, колышущийся тон природы, щемящий, не находящий резонанса во вне тон души – тоже колокола Рахманинова. Но самая главная особенность этого явления, его суть в том, что тематика, связанная с колокольными звонами, имеет у композитора глубоко национальные истоки и получает в творчестве художника значение особой психологической сферы национальной образности.

На наш взгляд, таковы же особенности чеховской колокольности. А колокола у писателя «звучат» нередко. Это тоже сфера национальной образности, образа России, поданная ярко и убедительно. Таковы, например, колокольные звоны в уже упоминавшемся рассказе «Враги»: «Святою ночью... донесся протяжный звон большого колокола. Звон был густой, низкий, как от самой толстой струны контрабаса; казалось, прохрипели сами потемки... Не успели застыть в воздухе волны от первого удара, как послышался другой, за ним тотчас же третий, и потемки наполнились непрерывным, дрожащим гулом» (С., VI, 93–94). Такие примеры можно продолжить.

Известно, что Чехов и Рахманинов были знакомы, но, судя по письмам и воспоминаниям современников, испытывали взаимную симпатию задолго до первой встречи, как, впрочем, и после нее. Интересна запись в дневнике В. Н. Буниной, сделанная 24 сентября 1926 г., когда Рахманинов уже жил за границей: «Вспоминаю обед у Рахманиновых... Трогательное отношение к Чехову. Все просил Яна порываться в памяти и рассказать об Антоне Павловиче. Ян кое-что рассказал. Рахманинов очень заразительно смеялся. Рассказал, что

когда он был совершенно неизвестным, он в Ялте сопровождал Шаляпина. Чехов сидел в ложе. В антракте он подошел к нему и сказал: «А знаете, Вы будете большим музыкантом». Я сначала не понял и удивленно посмотрел на него, – продолжал С (ергей) В (асильевич), – а он прибавил: «У Вас очень значительное лицо». – Вы понимаете, что тогда для меня значили слова Чехова»⁵.

Объединяющим фактором этих двух великих художников, несомненно, явился Московский художественный театр, с которым сотрудничал Чехов и в котором работала его жена О. Л. Книппер-Чехова (этот театр очень любил Рахманинов), а также дружба их обоих с К. С. Станиславским и Ф. И. Шаляпиным.

Первое свидетельство знакомства писателя и музыканта – записка от 20 сентября 1898 г., посланная Чехову (он жил в это время в Ялте) и подписанная Шаляпиным, Рахманиновым и Миртовым: «Сейчас же, как придете домой, дорогой Антон Павлович, и прочтете эту писульку, идите в городской сад, мы там обедаем и Вас ждем»⁶. Известно, что в этот день Шаляпин выступал на сцене Городского театра с группой артистов «Русской частной оперы» при участии Рахманинова. В письме к М. П. Чехову от 19 сентября 1898 г. Антон Павлович сообщает: «Я в Ялте, дача Бушева... Приехал сюда только вчера», то есть 18 сентября⁶. 21-го же сентября писатель пишет Л. С. Мизиновой: «Милая Лика, Вы легки на помине. Здесь концертирует Шаляпин и С (екар)-Рожанский, мы вчера ужинали и говорили о Вас» (П., VII, 273). По-видимому, за этим ужином и произошло знакомство Чехова с Рахманиновым.

Почти сразу после этого (23 сентября) Чехов обращается к своей сестре М. П. Чеховой с просьбой: «Милая Маша, возьми 1 экз(емпляр) “Мужики” и “Моя жизнь”, заверни в пакет и, при случае, занеси в музыкальный магазин Юргенсона или Гутхейля для передачи Сергею Васильевичу Рахманинову» (П., VII, 276). Возможно, по получении этих рассказов Рахманинов в ответ на знак внимания со стороны Чехова посылает ему свою фантазию «Утес» с дарственной надписью: «Дорогому и высокоуважаемому Антону Павловичу Чехову, автору рассказа “На пути”, содержание которого с тем же эпитафией служило программой этому музыкальному сочинению. 9 ноября 1898 г.» (партитура с этой надписью находится в Библиотеке им. А. П. Чехова в Таганроге).

Заметим, что на первой странице автографа четырехручного переложения написано: «Фантазия» и далее эпитафия – «Ночевала тучка золотая на груди утеса великана. Лермонтов». Получается, что к своей симфонической фантазии Рахманинов предпосылает две программы. Но в то же время совершенно ясно, что программа одна – это извечно русская проблема несбывшегося, идея несостоявшегося счастья. Она лежит в

основе лермонтовского «Утеса», как и рассказа «На пути». Ю. В. Келдыш считает, что рассказ Чехова «послужил лишь толчком к зарождению творческого замысла композитора»⁸. Известный музыковед считает, что «Рахманинова могла привлечь в чеховском рассказе не только сама ситуация – мимолетная встреча незнакомых мужчины и женщины, у которых возникает взаимное влечение, но жизненные пути их различны, и разлука наступает раньше, чем они успевают отдать себе ясный отчет в своем чувстве. Во многом близким оказался композитору и самый образ героя рассказа – “вечного странника” в жизни, ищущего, беспокойно мятущегося и не находящего ни чем удовлетворения»⁹. Думается, что это лишь одна из причин обращения Рахманинова к чеховскому рассказу, основная же, на наш взгляд, состоит в другом.

Невозможность, недостижимость счастья – эта тема пронизывает творчество обоих художников – и Чехова, и Рахманинова. Добавим, и И. Бунина, если вспомним такие рассказы, как «Чистый понедельник» или «Чарли», а также В. Набокова с его «Машенькой». В этом, видно, и есть загадочность русской души. И в русской литературе эта тематика отнюдь не случайна. Ведь вся народная протяжная лирическая песня, а этот жанр самый характерный для нашего музыкального фольклора и самый популярный и любимый народом, в сущности, об этом – о несбывшемся и несбываемом. Вспомним «Тонкую рябину» (кстати, одна из самых гениальных русских песен), которой никогда не «перебраться» к дубу. А ведь счастье совсем рядом, и она даже видит, как «тонкими ветвями» прижимается к нему. «Но нельзя рябине к дубу перебраться»... Об этом же поется и в других знаменитых русских песнях – «Ноченька», «Липа вековая», «Не одна во поле дороженька» и многих др.

А разве не об этом рассказ «На пути», вдохновивший Рахманинова, или пьесы, практически все, но особенно «Дядя Ваня». В рассказе эта идея несбыточности счастья, которое, казалось бы, рядом, почти декларирована, высказана, можно сказать, «впрямую»: «Ему (Лихареву. – Л. С.) вдруг стало казаться, что еще бы два-три хороших, сильных штриха, и эта девушка простила бы ему его неудачи, старость, безделье и пошла бы за ним, не спрашивая, не рассуждая. Долго стоял он, как вкопанный, и глядел на след, оставленный полосьями... Скоро след от полосьев исчез, и сам он, покрытый снегом, стал походить на белый утес, но глаза его все еще искали чего-то в облаках снега» (С., V, 477).

У Рахманинова эта тема несбыточности счастья также находит широкое преломление, подчас объединяясь с темой одиночества. Это не только «Утес», но и оперы «Алеко» и «Франческа да Римини», // три русские песни // для хора и оркестра / и, конечно, многие романсы – «Я опять одинок». «Над свежей могилой», «По-

любила я на печаль свою», «Вчера мы встретились», «Ночью в саду у меня», «К ней», «Ау!», «Мы отдохнем».

А. П. Скафтымов в своей статье «К вопросу о принципах построения пьес А. П. Чехова» пишет о наиболее существенном принципе в драматургии чеховских пьес – «подводном течении», который впервые был отмечен К. С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко: «Они раскрыли за внешне-бытовыми эпизодами и деталями присутствие непрерывного внутреннего интимно-лирического потока и все усилия своих творческо-сценических исканий справедливо направили к тому, чтобы сделать этот эмоциональный поток наиболее ощутимым для зрителя»¹⁰. «Подводное течение» – термин, введенный знаменитыми режиссерами для определения психологической ситуации, не выраженной в тексте, но предполагаемый им, обогащающий характеристики основных образов, можно применить и для определения психологического метода Рахманинова. Умение дать психологический подтекст – одна из важнейших особенностей композитора, во многом связанная с интонационно-тематическим развитием в его драматических романсах.

Часто «подводное течение» уже с самого начала предвещает закономерности развития и даже его итог. Так происходит в развернутом произведении типа баллады «Судьба» на слова Апухтина, занимающем особое место среди вокальных сочинений Рахманинова. В нем поставлена философская проблема жизни и смерти, столкновения человека и рока. Эта идея воплощена в контрасте образов человека и судьбы, данном в различных жизненных ситуациях и постепенном утверждении рокового образа на протяжении всего произведения.

Для обрисовки этого образа композитор использовал тему судьбы из Пятой симфонии Бетховена (в бетховенской же тональности – до минор), но на основе этой короткой темы-тезиса он развивает самостоятельный образ, сохраняя от темы ее «стучащий» ритм, дающий начало мрачной маршевости.

Развитие темы рока – этого своеобразного лейтмотива, через динамизацию, и тембровую, и гармоническую, и осуществляет «подводное течение», приводящее к окончательному утверждению образа в конце. Целеустремленно его развитие не только в соответствии с текстом, но и в тех моментах, когда в нем прямо не говорится о роке и даже, наоборот (во втором эпизоде), – в тексте речь идет о счастье, о любовном свидании, а в партии фортепиано вызревает тема рока. Это и составляет «второй план» баллады, ее «подводное течение».

Драматический подтекст обнаруживается и в монологах «Все отнял у меня», «Пощады я молю». В последнем он имеет двойственный характер. С одной стороны, это активный, волевой порыв,

выраженный как в вокальной партии (взволнованный ритм отдельных фраз), так и в фортепианной («бурлящая» фактура с «вырывающимися» секундовыми интонациями). С другой стороны, мятежный порыв как бы скован: тонический органнй пункт, отсутствие определенной точки, к которой стремится восходящее секундовое движение в фортепианной партии, как будто являющееся началом мелодии, но не имеющее возможности развернуться.

Симптоматичен в этом плане монолог на слова Чехова «Мы отдохнем», представляющий собой фрагмент заключительного высказывания Сони из пьесы «Дядя Ваня». Не существует даже краткого анализа этого романса, в то время как он очень интересен, особенно с точки зрения воспроизведения здесь подтекста. Это драматический монолог в одной из любимых тональностей Рахманинова – ре миноре – декламационного склада. Такая нарочитая декламационность в романсах, в общем, не свойственна вокальному стилю композитора. Можно предположить, что Рахманинов здесь следует за «темпоритмом» исполнения этого монолога О. Книппер-Чеховой в Художественном театре.

Поначалу вокальная партия развивается в соответствии с текстом Чехова: «Мы отдохнем, мы услышим ангелов, мы увидим все небо в алмазах». Особой лирической выразительности достигает она на слова: «И наша жизнь станет тихую, нежною, сладкою, как ласка». Казалось бы, все предвещает прекрасную, безоблачную жизнь героев – Сони и дяди Вани. Но в конце монолога на ключевую фразу «Мы отдохнем» вместо ожидаемого мажора (третья ступень ре минора) звучит минор (третья минорная), как бы перечеркивая все светлые надежды на будущую «тихую, нежную» жизнь и утверждая – «не отдохнете».

Параллели между двумя великими художниками можно было бы продолжить, но этого не позволяют сделать рамки статьи. Это лишь первая попытка в нашем музыковедении коснуться данной проблемы, думается, что впереди ее ждет более широкое и масштабное исследование.

Примечания

- ¹ См.: Келдыш Ю. Рахманинов и его время. М., 1973 ; Брянцева В. С. В. Рахманинов. М., 1976 ; Скафтымова Л. Основные черты стиля С. В. Рахманинова предоктябрьского десятилетия : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Л., 1979.
- ² Цит по: Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения : в 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М. : Наука, 1974–1982. Т. 6. С. 632 (комментарий). В дальнейшем цитируется это издание с указанием в тексте серии (С. – Сочинения), тома римскими цифрами и страниц – арабскими цифрами.
- ³ Асафьев Б. Избранные труды : в 2 т. М., 1954. Т. 2. С. 503.

- 4 См.: *Брянцева В.* Фортепианные пьесы С. Рахманинова. М., 1966; *Она же.* С. В. Рахманинов. М., 1976.
- 5 *Рахманинов С.* Литературное наследие: в 3 т. М., 1978–1980. Т. 1. С. 546.
- 6 Там же. С. 280.
- 7 *Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука. 1974–1983. Т. 7. С. 270.

В дальнейшем цитируется это издание с указанием в тексте серии (П. – Письма), тома римскими цифрами и страницы – арабскими цифрами.

- 8 *Келдыш Ю.* Указ. соч. С. 130.
- 9 Там же.
- 10 *Скафтымов А.* Полн. собр. соч.: в 3 т. Самара, 2008. Т. 3. С. 445.

УДК 821.161.1.09-2+929 Чехов

«ШАРЛОТТА – ЗНАК ВОПРОСА». ИГРА И СУДЬБА ШАРЛОТТЫ ИВАНОВНЫ

К. М. Захаров

Саратовский государственный университет
E-mail: zahodite@list.ru

В статье рассматривается образ гувернантки Шарлотты Ивановны, героини «Вишневого сада». Ключом к пониманию образа становятся реализующиеся в тексте мотивы игры. Уделяется внимание также истории создания и сценической судьбе персонажа.
Ключевые слова: игра, комедия, образ, Чехов.

«Sharlotta – a Question Mark». The Play and the Fate of Sharlotta Ivanovna

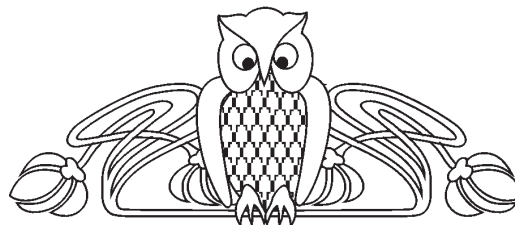
K. M. Zakharov

In the article the image of the governess Sharlotta Ivanovna, a character from *Vishnevyy Sad (The Cherry Orchard)*, is analyzed. The motives of the play realized in the text are key to understanding the character. The story of creation and the stage fate of Sharlotta Ivanovna are also considered in the article.
Key words: play, comedy, character, Chekhov.

Работая над комедией «Вишневый сад», А. П. Чехов уверял, что в этой пьесе «всё случайно», однако нельзя слова эти понимать буквально. Каждый образ в комедии является неотъемлемым и важным компонентом общего построения произведения, созданным не ради одного только колорита, но подчиняющимся единому авторскому замыслу.

В своих работах, посвященных вопросам чеховской драматургии, А. П. Скафтымов из всех героев «Вишневого сада» особо выделял гувернантку Шарлотту Ивановну. «В других лицах нет столь открытой драмы осознанного одиночества, но обособленность за каждым остается, в каждом случае сохранения двойную тональность, то смешную, то печальную»¹, – писал он.

Фигуру Шарлотты Ивановны всегда отличала интересная судьба. Уже самые первые читатели пьесы не могли пройти мимо ее упоминания: «...и если было возможно, я хотел бы пережить все роли, не исключая милой Шарлотты»², – писал А. П. Чехову в знаменитом письме К. С. Станиславский, прочитав «Вишневый сад». «Все

вторые лица, в особенности Шарлотта, особенно удались»³, – отмечал Немирович-Данченко.

Интерес и симпатию проявляли к этому образу и артисты Художественного театра, о чем свидетельствуют письма О. Л. Книппер Чехову. Впрочем, это было ожидаемым эффектом. Ведь пока длилась работа над постановкой комедии, сам Чехов чрезвычайно переживал за будущую сценическую трактовку этой роли. Об этом свидетельствуют многочисленные письма, содержащие следы упрямого беспокойства:

Шарлотта – знак вопроса. В четвертом акте я вставляю еще ее слова; вчера у меня очень болел живот, когда я переписывал IV акт, и я не мог вписать ничего нового. Шарлотта в IV акте проделает фокус с калошами. Трофимова. Раевская не сыграет. Тут должна быть актриса с юмором»⁴.

Напиши также, кто будет играть Шарлотту. Неужели Раевская? Ведь тогда будет не Шарлотта, а несмеиная, претенциозная Евдоксия (Письма, 11, 279).

Кто играет Шарлотту? (Письма, 11, 280).

Шарлотта – знак вопроса ..., конечно, нельзя отдавать Помеловой, Муратова будет, быть может, хороша, но не смешна. Это роль 2-жи Книппер (Письма, 11, 293).

Намеченная для госпожи Книппер роль, однако же, менялась в процессе работы над пьесой несколько раз. С одной стороны, «*Любовь Андреевну играть будешь ты, ибо больше некому*» (Письма, 11, 273), а с другой – «*Ах, если бы ты в моей пьесе играла гувернантку. Это лучшая роль, остальные мне не нравятся*» (Письма, 11, 258).

О. Л. Книппер сыграла Раневскую. Чехов в дни начала работы театра над пьесой воспринимал это как вынужденную меру: «*Три года я собирался писать “Вишневый сад” и три года говорил Вам, чтобы вы пригласили актрису для роли Любови Андреевны. Вот теперь и раскладывайте пасьянс, который никак не выходит*» (Письма,

11, 294). Итоговый «расклад пасьянса» и выбор исполнительницы роли Шарлотты Ивановны не порадовал автора.

Красной нитью через приведенную выше переписку проходит лейтмотив, чрезвычайно важный для раскрытия нашей темы. Неоднократно повторяющаяся фраза «Шарлотта – знак вопроса» свидетельствует о том, что автора не переставал волновать вопрос, как аутентично перенести на сцену созданный им образ. Эксцентричная «гувернантка без детей, которых она должна была бы воспитывать»⁵, остается загадкой для окружающих (которую, впрочем, никто не стремится разгадывать), а также для зрителей и читателей пьесы.

Надо ли говорить, что попытки разгадать образ Шарлотты исследователями предпринимались неоднократно. Например, не раз делались предположения о прототипе Шарлотты Ивановны. Среди кандидатов в прототипы назывались немка О. Л. Книппер, англичанка Лили Глассеби (в замужестве Елена Смирнова) и даже латвийский фокусник Иоганн Штраус.

Все, что читатель знает о Шарлотте, он узнает от нее самой. Но память Шарлотты удивительна своей избирательностью. Дожив до среднего возраста, она на уровне мышечной памяти отлично сохранила технику выполнения фокусов, но ничего не помнит о своих родителях.

Режиссер Н. В. Петров в своей лекции для артистов Харьковского драматического театра приводил «конспект» биографии Шарлотты Ивановны: «Ярмарочный балаган. Счастливая пара акробатов. Рождение девочки. Трудность работы. Работает один, содержит троих. Трудности жизни. Ребенок подросток и помогает родителям. Но жизнь уже подорвала силы. Смерть матери. Смерть отца. Девочку берет к себе «немецкая госпожа». Учёба девочки. Смерть «немецкой госпожи». Девушка начинает зарабатывать деньги уроками. Два пути: путь ярмарочной плясуньи и путь гувернантки»⁶.

Эта исчерпывающая реставрация, тем не менее, оставляет некоторые моменты не проясненными. Например, является ли Шарлотта немкой по рождению (кто-то из ее родителей или даже оба – немцы) или по воспитанию (имя и знание немецкого приобретены ею от ее благодетельницы – «немецкой госпожи»)?

И второй вопрос: чем объяснить присутствие Шарлотты Ивановны в свите Раневской, у которой нет маленьких детей, и каковы ее функции? Здесь текст комедии позволяет составить хотя бы предположительные ответы.

Мы помним, что Раневская «прожила за границей лет пять» (Соч., 13, 197). И именно Шарлотта с двенадцати лет, после отъезда Раневской, смотрела за Аней. А когда воспитанница выросла, уже не нужная гувернантка так и осталась в доме.

Аня. *Выехала я на Страстной неделе, тогда было холодно. Шарлотта всю дорогу говорит, представляет фокусы. И зачем ты навязала мне Шарлотту...*

Варя. *Нельзя же тебе одной ехать, душечка. В семнадцать лет!* (Соч., 13, 201).

Варя в разговоре с Аней категорично заявляет, что одной ехать нельзя именно в семнадцать лет. Значит, поездка Ани в Париж была предпринята совсем недавно, незадолго до возвращения Раневской в Россию. И сопровождение Ани стало, возможно, первым поручением Шарлотте за долгое время. Инициатором становится Варя, которая стремится уберечь Аню от всего, окружить вниманием, граничащим с надзором («*Все лето не давала покоя ни мне, ни Ане, боялась, как бы у нас романа не вышло*» (Соч., 13, 233)). До французской поездки Шарлотта просто жила в поместье, оттачивая свое мастерство фокусника и дрессируя пуделя. И только после продажи имения бесприютность Шарлотты становится очевидной: смотреть ей больше не за кем и следует искать новое место.

Шарлотта болезненно ощущает свое одиночество («*Так хочется поговорить, а не с кем... Никого у меня нет*» (Соч., 13, 215)). Оказавшись во втором акте на одной скамейке с Епиходовым и прислугой, Шарлотта не пытается завести разговор, предпочитает ворчать: «*Ужасно поют эти люди... фуй! Как шакалы*», «*Эти умники все такие глупые, не с кем мне поговорить...*» (Соч., 13, 216). Ее полный одинокой тревоги монолог в начале акта обращен внутрь, она отдает себе отчет, что ее никто не слышит и не слушает.

Единственная фраза Шарлотты Ивановны, адресованная конкретному лицу, бессмысленна и еще больше подчеркивает разрозненность и разобщенность персонажей. Она произносит: «*Ты, Епиходов, очень умный человек и очень страшный; тебя должны безумно любить женщины*» (Соч., 13, 216) именно в то время, когда практически на ее глазах разворачивается любовная драма Епиходова, а ее собеседник с педантичной обстоятельностью рассуждает о самоубийстве. Шарлотта не слышит жалоб Епиходова, так же как Епиходов не слышит вздохов Шарлотты.

Артистичной натуре Шарлотты тяжело даются обыкновенные, «бытовые» связи с людьми. В зрителях, поклонниках она нуждается более чем в собеседниках. Это иллюстрируют их отношения с Симеоновым-Пищиком, исполненные то приятельского расположения, то флирта. В первом акте Пищик для Шарлотты – благодарный слушатель.

Шарлотта (Пищику). *Моя собака и орехи кушает.*

Пищик (удивленно). *Вы подумайте!* (Соч., 13, 200).

В третьем акте они танцуют вместе. Показывая фокусы, Шарлотта избирает своей «жертвой» именно Пищика, наслаждаясь при этом его восторгом. Но у Пищика неожиданно вырывается: «*Очаровательнейшая Шарлотта Ивановна... я просто влюблен...*» (Соч., 13, 231). К Шарлотте возвращается ее меланхолия. Она «пожимает плечами» и переходит на немецкий. Неосторожное и к тому же ничего не значащее слово обрывает

эту завязавшуюся было дружбу: в четвертом акте Шарлотта и Пищик не разговаривают. Шарлотте легче существовать в оппозиции «артист – зритель», нежели переходить на иной, более близкий и доверительный уровень коммуникации.

Стремление Шарлотты маскировать свои тревоги, одиночество и душевную неустроенность игрой или чудачествами оборачивается тем, что обитатели дома Раневской, объединенные в IV акте своим общим для всех несчастьем, ее не понимают («Счастливая Шарлотта, поет» (Соч., 13, 248), – со скрытым укором говорит Гаев, в то время как та неумело прячет за песней неуверенность в дальнейшем своем будущем).

И следующая за этим ее последняя шутка стала интуитивной, подсознательной реакцией на охватившее всех в пустующем доме уныние. Для своей импровизации она использует первое, что попадается под руку, – узел с вещами, оставленный при сборах. Шарлотта быстро обрывает свой короткий этюд: «бросает узел на место» со словами «Мне тебя так жалко» (Соч., 13, 248). «Бросает» потому, что сама понимает неудачу своего выступления.

Добрая по складу души Шарлотта непрестанно пытается помочь окружающим. Как может помочь циркач? Только смешить, представляться, отвлекать от гнетущих обстоятельств объективной реальности.

В первом действии ее отказ представлять фокусы продиктован не только усталостью. Возбужденные приездом Раневской, окружающие, с ее точки зрения, не нуждаются в поддержке.

Лопехин. *Шарлотта Ивановна, покажите фокус!*

Любовь Андреевна. *Шарлотта, покажите фокус!*

Шарлотта. *Не надо. Я спать желаю. (Уходит.)* (Соч., 13, 209).

По приезде она находится рядом с хозяевами и гостями ровно столько, сколько нужно, чтобы увериться: ее услуги сегодня не понадобятся. И уходит со сцены она, лишь убедившись, что «все сменятся».

А вот в день продажи имения, ощущая пик всеобщей тревоги и отчаяния, она разворачивается в полную силу своих возможностей: показывает фокусы, чревоушает и, поддаваясь царящей атмосфере экзальтированного отчаяния-веселья «машет руками и прыгает в сером цилиндре и в клетчатых панталонах» (Соч., 13, 236).

В IV же акте наскоро придуманный ею образ матери, качающей плачущего ребенка, не может никого отвлечь от тяжелых раздумий и предчувствий, напротив, способен усугубить общее смятение. Причем в первую очередь игра эта тягостна самой Шарлотте. «Бездомная одинокая жизнь Шарлотты теперь отягощается новой и уже совершенной бесприютностью. Она теперь никому не нужна...»⁷ Поэтому, отбросив узел, она «отменяет игру» и серьезным тоном продолжает разговор с Лопехиным, начатый, очевидно, ранее:

«Так вы, пожалуйста, найдите мне место. Я не могу так» (Соч., 13, 248).

Лопехин обещает. И у читателя есть все основания предполагать, что свое слово он сдержит, в первую очередь, из-за стремления угодить Раневской, в которую он, скорее всего, влюблен и перед которой чувствует себя виноватым, что так и не сделал предложение Варе.

В обществе, собравшемся в поместье Гаевых накануне аукциона по продаже имения, Шарлотта добровольно взяла на себя задачу стать эмоциональным громоотводом.

В первоначальном тексте пьесы второй акт завершался беседой (точнее, попыткой беседы) двух самых преданных и самоотверженных персонажей: Шарлотты и Фирса. Именно там, в разговоре с Фирсом Шарлотта рассказывала печальную историю своей жизни (которую в конечной редакции произносит «в воздух», не обращаясь ни к кому). Но Фирс ее не слышит, а она в свою очередь ничего не может разобрать в его бормотании:

Фирс. *А? (Бормочет про себя) И вот, значит, поехали все вместе, а там остановка... Дядя прыгнул с телеги... взял куль... а в том куле опять куль. И глядит, а там что-то дрыг! дрыг!* (Соч., 13, 330).

Но присутствие в комедии этой сцены и рассказ о ребенке-подкидыше делало ее сцену с плачущим ребенком своеобразной репризой к тому разговору. Несмотря на нарочитую невнимательность и поверхностную реакцию Шарлотты («Шарлотта (смеется, тихо). Дрыг, дрыг! (Ест огурец)» (Соч., 13, 330)), она это не позабыла и в минуту тихого отчаяния воспроизвела историю «дрыгающегося куля», заменив его «кулем плачущим». Становится понятно: Шарлотта ничего не забывает, все впечатления сохраняет в памяти, пропуская через свое отзывчивое сознание артиста.

К. С. Станиславский так вспоминал историю этого диалога: «Акт казался нам растянутым, и мы, когда Чехов приехал в Москву, обратились к нему с просьбой разрешить сократить. Видимо, эта просьба причинила ему боль, лицо у него омрачилось. Но затем он ответил: «Что ж, сокращайте...» Уже после нескольких первых спектаклей Чехов изменил конец этого акта, вычеркнув бывшую раньше заключительную сцену» (Письма, 11, 338).

Чехов тяжело отреагировал на необходимость удаления диалога двух героев – ангелов-хранителей гаевской усадьбы: «...эта просьба причинила ему боль, лицо у него омрачилось». С исчезновением диалога цельные линии Шарлотты Ивановны и Фирса потеряли часть мотивов. Образ Фирса основной своей наполненности не утратил. Шарлотта же после сокращения и переноса монолога в начало второго акта стала выглядеть еще более загадочной.

«Шарлотта развлекается и смешит других, но она всегда остается для всех чужой»⁸. Почему же тогда Чехов настаивал, чтобы исполнительница роли этой печальной, одинокой и в чем-то самоотверженной женщины обязательно должна была быть смешной?

Нам представляется, что, работая над «Вишневым садом» в течение двух с половиной лет, Чехов наблюдал колебания в интонации создаваемой им пьесы от драмы до «комедии, почти фарса». И образ грустного клоуна, который иногда может рассмешить всех, а иногда – расстроить самого себя, стал для него своеобразным барометром, моделью эмоциональной динамики пьесы. «Метод сложного сочетания фарсовых и драматических элементов наиболее отчетливо виден в образе Шарлотты»⁹. Сама Шарлотта – персонифицированная модель интонации, эмоционального мира чеховской пьесы. С. Я. Сандерович выдвигает предположение, что Шарлотта является главным антиподом Лопухина. С точки зрения исследователя, она – «воплощение артистического начала, которого лишен Лопухин»¹⁰. В этом противопоставлении, как нам кажется, есть определенное преувеличение. Но, действительно, нельзя отрицать, что Шарлотта – единственный появляющийся на сцене представитель сколько-нибудь творческой профессии. Через нее автор вносит свои коррективы в сложно вытканное полотно эмоциональной жизни персонажей.

В подтверждение обратимся к одному из наиболее загадочных мест пьесы. В первом действии Шарлотта «проходит через сцену в белом платье» (Соч., 13,209). И спустя несколько минут Раневская восклицает: «Посмотрите, покойная мама идет по саду... в белом платье! (Смеется от радости.) Это она» (Соч., 13,209). Шарлотта невольно становится тем самым подходящим объектом, за который цепляется разыгравшееся под влиянием нахлынувших воспоминаний воображение Любови Андреевны. Шарлотта Ивановна – один из сигналов авторской воли, спутник главных героев, подчеркивающий, а иногда предвосхищающий изменения в их эмоциональном состоянии. Отсюда признание – «это лучшая роль, остальные мне не

нравятся». В образе Шарлотты Чехов нащупывал принципиально новый драматургический прием создания сценической атмосферы.

Нам кажется, это образ был столь важен для Чехова, потому что в ней стягивались основные узлы главного противоречия чеховской драматургической интонации. Образ Шарлотты Ивановны может рассматриваться не только как элемент художественного мира «Вишневого сада», но и как своеобразный индикатор творческого процесса А. П. Чехова. И именно этот двойственный статус Шарлотты заставлял Чехова неоднократно ставить рядом с ней «знак вопроса».

Примечания

- ¹ Скафтымов А. О единстве формы и содержания в «Вишневом саде» А. П. Чехова // Скафтымов А. Нравственные искания русских писателей. М., 1972. С. 351.
- ² Станиславский К. Собр. соч. : в 9 т. Т. 7. М., 1995. С. 265–266.
- ³ Немирович-Данченко В. Избранные письма : в 2 т. Т. 1. М., 1979. С. 343–344. Цит. по : Переписка А. П. Чехова : в 2 т. Т. 2. М., 1984.
- ⁴ Чехов А. Письмо Книппер-Чеховой О. Л., 14 октября 1903 г. Ялта // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Письма : в 12 т. Т. 11. М., 1982. С. 273–274. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием номера тома и страницы.
- ⁵ Сандерович С. «Вишневый сад» – последняя шутка Чехова // Вопр. литературы. 2007. № 1. С. 86.
- ⁶ Петров Н. О «Вишневом саде» // Драматургия Чехова. Харьков, 1935. С. 156.
- ⁷ Скафтымов А. Указ. соч. С. 351.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Бердников Г. Драматургия Чехова // Бердников Г. Избранные работы. М., 1986. С. 245.
- ¹⁰ Сандерович С. Указ. соч. С. 87.

УДК821.161.1.09-3+929Мережковский

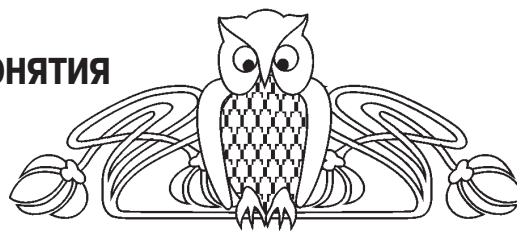
ИСТОРИСОФСКИЙ ДИСКУРС: ОБЪЕМ ПОНЯТИЯ (к вопросу о жанровой специфике историсофского романа)

Т. И. Дронова

Саратовский государственный университет
E-mail: tida52@mail.ru

В статье ставится проблема жанровой классификации произведений, содержащих философско-историческую проблематику, рассматриваются качественные характеристики историсофского дискурса, определяются его границы в рамках философско-исторического познания, вырабатываются аксиологические критерии квалификации историсофского романа.

Ключевые слова: Д. Мережковский, историсофский дискурс, историсофский роман, роман познания, философия истории, историсофия, религиозно-философский ренессанс.

**Historiosophic Discourse: the Scope of the Notion
(to the question of the historiosophy novel genre)**

T. I. Dronova

The article puts forward a problem of the genre classification of the works containing philosophical and historical issues; qualitative characteristics of the historiosophic discourse are regarded; its boundaries are defined within philosophic and historic learning; axiological criteria of the historiosophic novel qualification are developed.

Key words: D. Merezhkovsky, historiosophic discourse, historiosophic novel, novel of learning, philosophy of history, historiosophy, religious and philosophic Renaissance.

В литературоведческих исследованиях 1990-х – начала 2010-х гг. термин «историософский роман» активно используется в качестве жанровой номинации произведений о далеком и недавнем прошлом, в которых доминирует авторская философско-историческая концепция – Д. Мережковского, А. Белого, А. Амфитеатрова, М. Алданова, М. Булгакова, А. Платонова, Л. Леонова, А. Солженицына и др.¹ В работах последних лет наблюдается тенденция к экспансии термина в направлении современной, в том числе постмодернистской, прозы². При этом в литературоведении, как правило, не очерчиваются границы понятия «историософский», вследствие чего трактовки жанра историософского романа утрачивают необходимую определенность.

О насущной необходимости в филологической науке терминологической рефлексии убедительно писал С. С. Аверинцев: «Как бы ни переосмыслял термины языковой обиход, в научном языке термины могут употребляться (просьба простить тавтологию) лишь терминологически <...>. Всякий текст, допускающий возможность неоговоренной подмены термина псевдотермином, автоматически выбывает из числа научных. Однако и корректное пользование терминами допускает варианты в расстановке смысловых акцентов; выбор того или иного варианта диктуется нуждами данного направления анализа, в отличие от других возможных направлений. Относительно этого выбора желательно сразу же объяснить с читателем (выделено автором. – Т. Д.)»³.

Безусловно, на характер литературоведческих терминологических предпочтений влияют общеэстетические представления авторов. Современные трактовки категории жанра, романного мышления, конструктивных принципов историософского романа восходят к разным теоретическим концепциям, а в ряде случаев отличаются едва ли не диаметрально⁴.

На наш взгляд, качественные характеристики историософского романа не могут быть выявлены без осмысления дескриптивных (описательных) возможностей и внутренних границ историософского дискурса. Первый вопрос, с которым сталкивается исследователь, – можно ли считать историософским всякий роман, содержащий философско-историческую проблематику? Иными словами, любая ли философия истории может квалифицироваться как историософия? Всегда ли историософия предполагает наличие у истории «мудрости» – положительного ответа на вопрос о цели и смысле истории? Обязательна ли ориентация на авторский идеал будущего, то есть признание будущего в качестве абсолютного горизонта вопрошания о смысле истории? Или, может быть, это не только перспективная проекция, но и непременно обращение к проблеме «конца истории»?

Другой круг вопросов возникает в связи с произведениями, в которых художник сосредото-

чен на проблеме смысла истории, подчиняет повествование поиску положительного решения, но демонстрирует ложность предпринимаемых героями попыток. В какой мере можно считать историософскими романы, предлагающие отрицательный ответ на вопрос об осмысленности бытия? И как квалифицировать тексты, в которых доминирует авторская рефлексия о путях, методах, границах постижения истории? И – шире – какие проблемы могут быть квалифицированы как философско-исторические и историософские?

Целью статьи является разграничение таких понятий, как «философия истории» и «историософия», выявление иерархических связей между ними и выработка рабочего определения историософского дискурса.

Термин дискурс, получивший в современном гуманитарном пространстве – от философии до лингвистики – впечатляющее многообразие толкований⁵, мы употребляем в том широком значении, которое вкладывает в него М. Фуко⁶. По мнению ученого, каждая научная дисциплина обладает своим дискурсом, выступающим в виде специфической для данной дисциплины «формы знания» – понятийного аппарата с тезаурусными взаимосвязями. Для каждой конкретной исторической эпохи совокупность этих форм познания образует свой уровень «культурного знания», именуемой Фуко «эпистемой»⁷.

Специфика и внутренние границы историософского дискурса уже длительное время являются предметом осмысления со стороны таких дисциплин, как история, философия, социология, в границах которых конкретное наполнение понятия и способы его интерпретации значительно отличаются. Для нас приоритетными являются литературоведческие методы исследования и «языки описания». Но в силу «пограничного» характера историософского романа⁸ мы не можем обойтись без освоения терминологического аппарата и исследовательских результатов сопредельных наук.

Обращение к новейшим концепциям философско-исторического знания обнаруживает дискуссионный характер толкований предметного поля историософии.

Для одних ученых характерен широкий подход, в рамках которого историософия предстает как синоним понятия «философия истории»⁹. Тем самым ставится под сомнение существование историософского дискурса как специфического единства, не вполне совпадающего с областью философско-исторического. Такое решение проблемы диктуется современным постмодернистским сознанием, дающим отрицательный ответ на вопрос о смысле истории¹⁰.

Для других историософский дискурс – особая сфера философско-исторического мышления, имеющая свою предметную область и теоретико-методологический инструментарий в рамках философии истории¹¹. Исследователи выделяют две крупные отрасли философии истории –

историсофию (другие названия – историческая онтология, субстанциональная философия истории) и историческую эпистемологию (теорию познания)¹².

В работах современных исследователей, держащихся в русле определения, данного русскими религиозными философами, фиксация специфического смыслового оттенка, присутствующая в понятии «историсофия», явилась основополагающей для рассмотрения целого направления русской мысли – от П. Я. Чаадаева, славянофилов до В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева, Л. П. Карсавина¹³. А. В. Малиновым историсофский подход осмысливается как связанный с христианской концепцией мировой истории. Среди ведущих черт историсофии им акцентируется сосредоточенность на вопросах целесообразности и векторной направленности исторического процесса к достижению смысла истории. «История с историсофской точки зрения рассматривается как телеологическая структура <...> История согласно историсофской установке развивается закономерно, но и эта закономерность часто принимает вид провиденциализма. Ход истории однозначно предreshен, ее смысл и цель заранее определены...»¹⁴.

Наряду с историсофским направлением А. В. Малинов выделяет в рамках русской философии истории теоретико-методологическое направление. Оно представлено, по его мнению, в философско-исторических концепциях русских просветителей (В. Н. Татищев, М. М. Щербатов, Н. М. Карамзин и др.), либеральных историков, правоведов, публицистов (Н. А. Полевой, Т. Н. Грановский, К. Д. Кавелин и др.), а также – в философии истории Н. И. Кареева и А. С. Лаппо-Данилевского. На наш взгляд, предложенная исследователем структура взаимодействия понятий убедительна и отвечает отечественной практике: философия истории как более широкое понятие включает в свой состав историсофию и эпистемологию (теорию познания).

Такой подход, как нам представляется, дает надежный методологический ориентир литературоведу, ставящему задачу жанровой квалификации философско-исторических повествований разного типа, позволяя классифицировать их в зависимости от доминирующего в романной структуре дискурса – историсофского или эпистемологического.

Но при всей плодотворности предложенного разграничения остается открытым вопрос о специфике историсофского дискурса, его границах и скрытых ресурсах.

В последнее десятилетие появилась тенденция к присвоению историсофии статуса особой теоретической дисциплины¹⁵. Генетически эта позиция связана с концепцией историсофии, разработанной в трудах Н. И. Кареева¹⁶. Историсофия трактуется ученым-позитивистом как философская теория исторического знания и

исторического процесса в целом, как «общие принципы философствования в истории»¹⁷. В новой социокультурной ситуации конца XX – начала XXI в. (отмеченной диффузным взаимопроникновением гуманитарного знания, размыванием междисциплинарных границ, возникновением нового порядка интеграции между дисциплинами) историсофский дискурс активно переосмысливается в социологии и политологии, претендующих на методологическую роль по отношению к другим формам общественнознания, в том числе и к философии¹⁸.

Автор одной из современных работ, О. Ф. Русакова, предлагает трактовку историсофского дискурса как универсального инструмента теоретического мышления: «В нашем представлении историсофский дискурс представляет собой относительно устойчивую когнитивную решетку, выполняющую функции структурирования, моделирования и интерпретации исторического процесса. Другими словами, историсофский дискурс – это матричная форма, лежащая в основе определенного теоретического конструирования и видения исторической реальности <...> Когнитивная решетка или матрица историсофского дискурса – это <...> довольно сложная система фильтров предпочтений – мировоззренческих, методологических, концептуальных, парадигмальных, категориально-понятийных, на базе которых формируются те или иные репрезентативные образы исторического процесса»¹⁹.

Представляется, что предложенное исследование переосмысление термина в векторе светского и научного мышления приводит к неправомерному расширению его проблемно-тематического поля и выхолащиванию смыслового ядра понятия.

Ближайшим предшественником О. Ф. Русаковой в переосмыслении роли историсофии с позиции современного научного знания является А. И. Ракитов, утверждающий, что «развитие и совершенствование материалистической версии исторической эпистемологии постепенно подготавливает исчезновение историсофии как философской дисциплины, ставящей себя вне эмпирической историографии, над ней и диктующей ей свои условия. Вместо идеалистической историсофии возникает и развивается научно обоснованное теоретическое знание об исторической реальности, образующее вместе с историографией подсистему исторической науки»²⁰.

При этом исследователь переосмысливает понятие «историсофия», аргументируя правомерность этого шага длительным перерывом в его употреблении, возникшим в отечественной науке в советский период. Восстанавливая историю возникновения термина, А. И. Ракитов отмечает, что «он получил известное распространение в трудах по религиозной философии истории. Однако впоследствии этот термин практически вышел из употребления. Об этом свидетельствует, напри-

мер, то, что он отсутствует в Большой Советской Энциклопедии, в Советской исторической энциклопедии, в Философской энциклопедии, а также в Британской энциклопедии и в Американской философской энциклопедии. Поэтому, используя этот термин, я наделяю его лишь вышеуказанным смыслом (историософия как теоретическое знание об истории. – Т. Д.), не связывая себя с имевшимися прежде значениями и смыслами»²¹.

Мы же, напротив, заинтересованы в восстановлении утраченных смыслов. На наш взгляд, необходимо учесть опыт тех исследователей русской философии истории, которые делают акцент на особом ракурсе, заданном семантикой термина – «мудрость истории»: «В отличие от понятия философии истории, которое применялось ко всем направлениям и школам и ориентировало на объяснение исторического процесса, историософия, акцентирующая идею софийности, или духовности, имела оттенок метаисторичности»²². При подобном подходе, опирающемся на опыт истолкования отечественной историософии в трудах Н. А. Бердяева и В. В. Зеньковского, акцентируется характерная для историософского дискурса сосредоточенность на вопросах онтологии и поисках смысла истории.

Термин «историософия» довольно позднего происхождения. Он обязан своим появлением А. Цешковскому, который ввел его в книгу «Прологомены к историософии» (Берлин, 1838) для обозначения гегелевской философии истории. Рождение термина связано не с возникновением феномена, существующего, по крайней мере, с эпохи Августина Блаженного (354–430), предложившего в итоговом труде «О граде Божием» разработку христианской концепции смысла и путей развития мировой истории, а с осознанием актуальности для философско-исторического мышления нового времени данного способа познания²³. В течение XIX–XX вв. в рамках философии истории²⁴ определяется специфика историософии как телеологического и метаисторического способа постижения истории.

В качестве рабочего определения историософии как специфической для историософского дискурса «формы знания» может быть принято следующее.

Историософия – концепция философии истории, претендующая на целостное постижение конкретных исторических форм с точки зрения раскрытия в них универсального закона или метаисторического смысла.

Тип историософского мышления формируется в средневековой культуре и достигает вершинного воплощения в универсальных метафизических системах классической европейской философии, а также в тех философских течениях XX в., которые тесно связаны с традиционными христианскими парадигмами.

Русский «религиозно-философский ренессанс» (Н. Бердяев) первой трети XX в., пред-

ставляющий «неоромантическую реставрацию метафизики в ее различных формах – от наивно-эклетицистского спиритуализма до “христианского социализма”, от “конкретного идеализма” (С. Трубецкой) до персонализма экзистенциального толка»²⁵, при всех его отклонениях от православия имеет в качестве «образца» христианскую историософию. Источником интерпретационных разночтений является многосоставность христианского типа историософии, вбирающего историософские мотивы ветхозаветного мессианизма и собственно новозаветных постулатов, включая эсхатологические мотивы Откровения Иоанна Богослова.

Христианская историософия основывается на двух оппозициях: оппозиции истории «небесной» и истории «земной», а также оппозиции «Царства Духа» и «Царства Кесаря» в самой земной истории. В основе христианской историософии – метафизический принцип универсального становления, преемственности мировых эпох как этапов взаимоотношений Бога и человека: от грехопадения через искупление к становлению Богочеловечества. Исторический процесс («земная» история) вписан в универсальный процесс миротворения как последовательность этапов обожения. В историософских концепциях русских философов XX в. «логика истории» раскрывается в векторе становления провиденциального смысла мироздания, но само понимание «узловых моментов» истории – начало, становление, конец – у разных авторов может существенно отличаться.

Широкое вхождение термина «историософия» в философское и – шире – социокультурное сознание XX в. было обеспечено трудами таких отечественных мыслителей, как Н. Бердяев и В. Зеньковский²⁶. В работах, посвященных истории русской философии, они видят ее своеобразие в сосредоточенности на историософской проблематике. Во введении к своему фундаментальному труду «История русской философии» (Париж, 1948–1950), о. Василий Зеньковский пишет: «Русская мысль сплошь историософична, она постоянно обращена к вопросам о “смысле” истории, конце истории и т. п. Эсхатологические концепции XVI-го века перекликаются с утопиями XIX-го века, с историософскими размышлениями самых различных мыслителей. Это исключительное, можно сказать, чрезмерное внимание к философии истории, конечно, не случайно и, очевидно, коренится в тех духовных установках, которые исходят от русского прошлого, от общенациональных особенностей “русской души”»²⁷. При этом ученый подчеркивает, что теория познания у большинства русских философов отодвигается «на второстепенное место. За исключением небольшой группы правоверных кантианцев, русские философы очень склонны к так называемому онтологизму при разрешении вопросов теории познания (выделено автором. – Т. Д.)»²⁸.

При всей справедливости данного утверждения продуктивнее, как нам думается, не ограничи-

ваться рассмотрением лишь одной, приоритетной, линии отечественной философии, оставляя за ней право развивать разные типы рациональности. А в нашем случае представляется необходимым наряду с анализом творчества писателей историософской ориентации (Д. Мережковский, А. Белый) рассмотрение романых повествований тех авторов, для которых приоритетными являются проблемы художественно-исторического познания и прямой или косвенной полемики с историософскими концепциями своего времени. К числу таких авторов следует отнести Ю. Тынянова и М. Алданова.

Для понимания специфики историософского романа Д. Мережковского особое значение имеет интерпретация историософского дискурса, предложенная Н. Бердяевым, являющимся не только исследователем «русской идеи», но и создателем «эсхатологической метафизики». Историсофия позиционируется философом как национальная мыслительная традиция, предполагающая особый подход к постижению истории – постановку вопросов об историческом пути России, ее вкладе в мировую историю в соответствии с замыслом Творца: «Что замыслил Творец о России, что есть Россия и какова ее судьба <...> Может ли Россия пойти своим особым путем, не повторяя всех этапов европейской истории?»²⁹. Судьба России, ее роль в мировой истории, понимаемой не только как феноменальный, но и ноуменальный процесс, – эти вопросы относятся к разряду центральных в художественной историософии первой трети XX в.

Религиозно-эсхатологический метод познания, определяющий позицию самого Н. Бердяева – автора «Смысла истории», «Опыта эсхатологической метафизики», – выдвигание на первый план идеи «конца истории», понимаемого в духе Апокалипсиса не только как смерть, но и как воскресение «всех живших и живущих», созвучны историософии Д. Мережковского. Новый тип исторического романа, рождающийся в эпоху кризиса позитивизма, пробуждения интереса к отечественной историософской традиции и расцвета философско-художественной софиологии, вбирает характерную для эпохи проблемность. При этом метод художественно-исторического познания, религиозно-эсхатологический в своей основе, сопрягается в творчестве писателя с иным типом анализа. В качестве инструмента исследования Мережковский пользуется гегелевской логической триадой – «тезис – антитезис – синтез». Синтетический характер историософской концепции Мережковского проявляется в соединении его интуитивных прозрений с рациональными приемами постижения истории, в наследовании разным традициям философско-исторического мышления.

Выделение историософского дискурса, характерного для эпохи Серебряного века, является для нас принципиальным, так как позволяет глубже

понять специфику нового типа исторического повествования, возникшего на рубеже XIX–XX вв. Но заинтересованность в постижении историософского мышления данной эпохи не отменяет необходимости решения вопросов общеметодологического свойства.

С точки зрения избранной методологии, представляется неправомерным включение в разряд историософских постмодернистских текстов с их утверждением хаоса истории, равно как и модернистских романов познания, в которых предлагается отрицательный ответ на вопрос о смысле истории.

Примечания

- 1 См.: Колобаева Л. Мережковский-романист // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1991. Т. 50, № 5 ; Струве Н. Православие и культура. М., 1992 ; Бобко Е. Художественное осмысление традиций Толстого-психолога М. А. Алдановым (на материале романа «Война и мир» и тетралогии «Мыслитель») // Филологический сборник: Современные проблемы языка и литературы. Саратов, 1996 ; Скотов Н. Вступительное слово на Международной научной конференции «Роман Л. Леонова «Пирамида». Проблема мирооправдания» // Русская литература. 1998. № 4 ; Дронова Т. Историсофский роман в русской литературе XX века : от Мережковского до Солженицына // А. И. Солженицын и русская культура : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1999 ; Она же. «Конца мы ищем бесконечного...» («Чевенгур» А. Платонова : историософский дискурс // Русская литературная классика XX века : В. Набоков, А. Платонов, Л. Леонов : сб. науч. тр. Саратов, 2000 ; Она же. Историсофский роман в русской литературе 1910–1920-х годов : проблемы изучения // Русский роман XX века : Духовный мир и поэтика жанра : сб. науч. тр. Саратов, 2001 ; Полонский В. Опыты историософской прозы в русской литературе начала XX века // В. Я. Брюсов и русский модернизм : сб. ст. М., 2004 ; Она же. Мифопоэтика и динамика жанра в русской литературе конца XIX– начала XX века. М., 2008 ; Она же. Мифопоэтические аспекты жанровой эволюции в русской литературе конца XIX– начала XX века : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008 ; Калашишкова С. «Красное колесо» А. И. Солженицына в контексте русской историософской прозы : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2009 и др.
- 2 См.: Бреева Т. Жанровая специфика историософского романа в русской литературе XX века // Вестн. ТГГПУ. 2010. № 2 (20) ; Она же. Концептуализация национального в русском историософском романе ситуации рубежности : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2011 ; Сорокина Т. Художественная историософия современного русского романа : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2011 и др.
- 3 Аверинцев С. Античная риторика и судьбы античного рационализма // Аверинцев С. Образ античности. СПб., 2004. С. 10–11.
- 4 См. об этом : Дронова Т. Категория жанра в современном литературоведении (к проблеме идентификации

- историософского романа) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. серия. Сер. Филология. Журналистика. 2012. Т. 12, вып. 2.
- 5 См., например, разные интерпретации понятия в современной лингвистике : *Арутюнова Н.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Г. Ярцева. М., 1990 ; *Дейк Т. ван.* Анализ новостей как дискурса // *Дейк ван Т.* Язык. Познание. Коммуникация. М., 1988 ; *Дымарский М.* Проза В. В. Набокова : «дискурсивизация» текста // *Художественный текст : аспекты сверхфразовой организации* : сб. ст. СПб., 1997 ; *Какорина Е.* Стилистические заметки о современном политическом дискурсе // *Облик слова* : сб. ст. М., 1997 ; *Карасик В.* О типах дискурса // *Языковая личность: институциональный и персональный дискурс* : сб. науч. тр. Волгоград, 2000 ; *Кибрик А.* Анализ дискурса в когнитивной перспективе : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003 ; *Костомаров В., Бурвикова Н.* Субъективная модальность как начало дискурсии // *Международная юбилейная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова* : тез. докл. М., 1995 и др.
- 6 См.: *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994 ; *Он же.* Археология знания. Киев, 1996 и др.
- 7 См.: *Ильин И.* Дискурсивные практики // *Терминология современного зарубежного литературоведения (Страны Западной Европы и США)* : справочник. М., 1992. Вып. 1. С. 50–51.
- 8 См. об этом : *Дронова Т.* Роман в «нероманную» эпоху : источники жанровой энергии в творчестве Д. С. Мережковского // *Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Русская филология.* 2006. № 3.
- 9 Подобный подход, отличающий позицию А. Панарина, реализован в учебном пособии, вышедшем под его редакцией : *Философия истории.* М., 1999.
- 10 См.: *Панарин А.* Смысл истории // *Новая философская энциклопедия* : в 4 т. / под ред. В. С. Стёпина. М., 2001. Т. 3. С. 578–579.
- 11 См.: *Кимелев Ю.* Философия истории. Системно-исторический очерк // *Философия истории* : антология. М., 1994.
- 12 См.: *Малинов А.* Философия истории в России : концепт университетского спецкурса. СПб., 2001.
- 13 Там же.
- 14 Там же. С. 7–8.
- 15 См.: *Русакова О.* Историософия : структура предмета и дискурса // *Вопр. философии.* 2004. № 7. С. 48–59.
- 16 См.: *Кареев Н.* Основные вопросы философии истории : 2 т. СПб., 1887 ; *Он же.* Философия, история и теория прогресса // *Кареев Н.* Историко-философские и социологические этюды. СПб., 1899 ; *Он же.* Философия истории в русской литературе : изд. 2-е. М., 2011 и др. Анализ концепции Н. И. Кареева см. : *Мягков Г.* Русская историческая школа. Методологические и идейно-политические позиции. Казань, 1988 ; *Золотарев В.* Историческая концепция Н. И. Кареева. Л., 1988 ;
- Сафронов Б. Н. И. Кареев о структуре исторического знания.* М., 1994 ; *Новикова Л., Сиземская И.* Русская философия истории. М., 2000.
- 17 «Философией истории, – писал Кареев, – я называю историю человечества с философской точки зрения, а философскую теорию исторического знания и исторического процесса, отвлеченно взятого, называю историософией: она должна заимствовать свои учения из философии (самые общие воззрения), из истории, т. е. исторического знания (методы), и из психологии и социологии (законы духовной и общественной жизни), чтобы быть теорией философии истории, системой ее общих идей и принципов, которые необходимы при занятии всякой наукой» (Цит. по: *Новикова Л., Сиземская И.* Русская философия истории. С. 221–222).
- 18 См.: *Философия и интеграция современного социально-гуманитарного знания (материалы «круглого стола»)* // *Вопр. философии.* 2004. № 7. С. 3–39.
- 19 *Русакова О.* Указ. соч. С. 56.
- 20 *Ракитов А.* Историческое познание. М., 1982. С. 152.
- 21 Там же. С. 145.
- 22 *Новикова Л., Сиземская И.* Философско-историческая мысль России // *Философия истории* / под ред. А. С. Парина. М., 1999. С. 256.
- 23 Некоторые исследователи считают, что исторически первой историософской системой была возникшая в античности мифологическая концепция последовательного регресса исторических эпох, предложенная Гесиодом (ок. 700 до н.э.). Впоследствии в античной культуре практически не разрабатывается историософская тематика, но предлагаются универсальные формулы теоретического выражения мифосимволистских концепций мирового космического процесса. Эти логико-теоретические конструкты (платонизм, неоплатонизм, поздеантичный синкретизм, в том числе гностицизм) оказали существенное влияние на последующую разработку историософии в христианской культуре.
- 24 Термин был введен Вольтером в одноименной книге (1765), хотя фактически, как считают ученые, философия истории возникла в античности в исследованиях Геродота и Фукидида о силе исторического движения, далее идет через Полибия к целостному пониманию Посидония и нравственно-политическому – Плутарха. См. об этом: *Краткая философская энциклопедия.* М., 1994.
- 25 *Исупов К.* Философия и литература «серебряного века» (сближения и перекрестки) // *Русская литература рубежа веков (1890 – начало 1920-х годов)* : в 2 кн. / отв. ред. В. А. Келдыш. М., 2001. Кн. 1. С. 73.
- 26 См.: *Бердяев Н.* Русская идея // *О России и русской философской культуре.* М., 1990 ; *Зеньковский В.* История русской философии : в 2 т. Л., 1991.
- 27 *Зеньковский В.* Указ. соч. Т. 1, ч. 1. С. 16–17.
- 28 Там же. С. 15.
- 29 *Бердяев Н.* Указ. соч. С. 71.

УДК 821.161.1.09-222+929 [Ильф +Петров]

ВОДЕВИЛЬ И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА «ВИЦЕ-КОРОЛЬ»: ПОЭТИКА ЖАНРА

М. А. Шеленок

Саратовский государственный университет
E-mail: shelenokmishka@rambler.ru

В статье исследуется жанровое своеобразие водевиля «Вице-король», одного из первых драматургических опытов И. Ильфа и Е. Петрова. Рассматривается взаимодействие в структуре пьесы художественных приемов, характерных для водевильного жанра и для сатирической комедии, определяются доминанты драматургического действия и векторная направленность обновления традиционной формы водевиля.

Ключевые слова: И. Ильф, Е. Петров, жанр, водевиль, сатирическая комедия, драматургическая поэтика, игра, пародия.

Vaudeville *Vice-King* by I. Ilf and Ye. Petrov: Genre Poetics

М. А. Shelenok

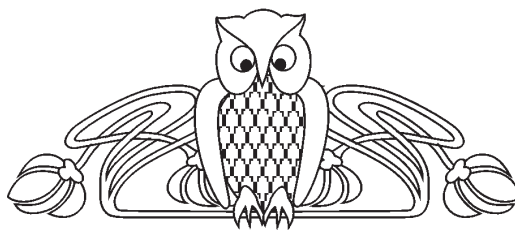
The article analyzes genre peculiarity of the *Vice-King* vaudeville – one of the first experiments in drama by I. Ilf and Ye. Petrov. The interaction of artistic means characteristic of the vaudeville genre and satirical comedy is considered; the focuses of dramaturgic action and the vector direction of the traditional vaudeville form update are identified.

Key words: I. Ilf, Ye. Petrov, genre, vaudeville, satirical comedy, drama poetics, play, parody.

Водевиль И. Ильфа и Е. Петрова «Вице-король», написанный соавторами весной 1931 г., впервые был опубликован в «Литературной газете» в 1963 г.¹ Источником сюжета стал роман «Золотой теленок», печатавшийся с января по декабрь 1931 г. в журнале «30 дней». Несмотря на то, что «Вице-король», посвященный злоключениям гражданина Берлага в сумасшедшем доме, очень близок к тексту романских глав «Обыкновенный чемоданишко», «Ярбух фюр психоаналитик» и «Блудный сын возвращается домой», его следует рассматривать как самостоятельное формально-содержательное единство, организованное по законам драматургии.

Водевиль «Вице-король» был разрешен к постановке еще при жизни авторов, но, насколько удалось установить, на сцене (как самостоятельное произведение, а не эпизод из «Золотого теленка») до сих пор не ставился.

Драматургия И. Ильфа и Е. Петрова относится к наименее исследованным частям их наследия. Как правило, ее обходят и историки театра, и специалисты по творчеству писателей. Пьеса «Вице-король», не ставшая объектом литературоведческого изучения, заслуживает, на наш взгляд, отдельного рассмотрения на уровне проблематики и жанровой поэтики. Произведение имеет подзаголовок, в котором дается авторское определение

жанра: «Водевиль в двух действиях». Цель настоящей статьи – проанализировав драматургическую поэтику, выявить специфику «водевиля нового времени» в творчестве соавторов.

Называя свой текст «водевилем», Ильф и Петров создают произведение, заметно отличающееся от традиционных образов этого жанра². На уровне проблематики авторы затрагивают актуальную для конца 1920-х – начала 1930-х гг. тему «чистки» служащих советских учреждений. Но решается эта злободневная тема по преимуществу водевильными средствами. Источником драматургических перипетий становится случайно пришедшая в голову «бедовому человеку» (шурину Берлага) мысль переждать «чистку» в сумасшедшем доме, симулируя безумие. Первое действие пьесы с композиционной точки зрения представляет собой завязку водевильного сюжета с выбором амплуа для главного героя. Гражданин Берлага боится «чистки», поскольку скрыл свое происхождение (жизненный конфликт): «... имел собственную фабрику, а в анкете написал, что он пролетарий умственного труда»³. Авторы насыщают диалоги персонажей остроумными суждениями о современности: «*Берлага*: Кто же мог знать, что будет революция? <...> Че-е-стное слово, такое время настало, что с удовольствием дал бы самому себе по морде» (178–179).

Основное действие, сосредоточенное во второй части пьесы, строится на конфликте между мнимыми сумасшедшими, которые, в отличие от зрителей, не знают о всеобщем симулировании, а потому боятся друг друга. Перипетии вбирают элементы мнимой интриги (мнимое сумасшествие, путаница, напрасная боязнь друг друга). Такая чисто водевильная схема развития действия задает особую комическую атмосферу. Злободневная проблематика пьесы сближает произведение с сатирическими комедиями 1920-х гг., но основное действие имеет не разоблачительный, а развлекательно-зрелищный характер. Интрига построена на классических водевильных приемах: обман, раскрывающийся в финале; ситуация неузнавания и узнавания после долгой разлуки; роль случая и т. д.

Обман, на котором держится занимательная интрига в водевиле, по законам жанра должен быть случайно раскрыт при нелепых обстоятельствах. Мнимое сумасшествие Берлага разоблачается трижды. Первое разоблачение – водевильное.

Тихон Маркович, один из мнимых сумасшедших, падая к ногам Берлаги, заглядывает ему в лицо и узнает в нем сына своего бывшего компаньона. Второе разоблачение имеет иной характер. У Берлаги в руках *внезапно* оказывается учебник по психиатрии. Т. С. Шахматова подобный прием называет «магическим “вдруг”»⁴. Симулянт начинает доказывать докторше, что он не вице-король Индии, а настоящий сумасшедший, выкрикивая точные определения диагнозов.

Саморазоблачение героя – прием, характерный не только для водевиля, но и практически для всех комедийных жанров. В анализируемой пьесе саморазоблачение сопрягается с разоблачением персонажа от лица человека нового времени. В финальном монологе докторши Берлага предстает как «разновидность нашкодившего бюрократа» (191). Молодой психиатр не столько доказывает симулирование пациентов, сколько «лекторским голосом» обвиняет их в различных социальных преступлениях – таким образом авторы вводят официальный советский взгляд на «бывших людей». Развязка жизненного конфликта выносится за пределы действия. Шурин лишь объявляет Берлаге, что его обман раскрыли на службе, а самого симулянта заочно «вычистили». Развязка водевиля, как правило, должна быть счастливой – порок наказан, а добродетель торжествует. В финале «Вице-короля» все обманщики-симулянты получают заслуженное наказание. И все-таки финал не чисто водевильный, поскольку он избирает сатирическое разоблачение героя через использование риторических средств.

Водевильные персонажи по законам жанра изображаются однолинейно. За героем должно быть закреплено конкретное легко узнаваемое амплуа. Одним из традиционных типов является плут-обманщик. В пьесе «Вице-король» их несколько. Обманщик в водевиле – не обязательно отрицательный персонаж, однако наличие коварного злодея – один из движущих рычагов водевильного действия. На уровне жизненного конфликта Берлага и другие симулянты – персонажи отрицательные (вредные элементы социалистического общества). Но изображены эти карикатурные «злодеи» не сатирически, а смешно и нелепо. Исключением является Старохамский с его антибольшевистской философией. Ему не нравится докторша, так как она закончила советский вуз и, следовательно, по мнению бывшего присяжного поверенного, совсем не умеет лечить. Большевиком он считает сумасшедшими похуже пациентов больницы, в которой находится сам: «...уж лучше поживу здесь, рядом с *обыкновенными* (курсив наш. – М. Ш.) сумасшедшими. Эти, по крайней мере, не строят социализма» (184), а в лечебнице ищет успокоения, довольствуясь бесплатной кормежкой и возможностью выкрикивать любые крамольные речи, которые будут восприниматься как бред сумасшедшего.

Пародией на водевильный тип персонажа является амплуа гражданина Диванова – кокетливая дамочка, которая поет романсы (пародия на традиционный образ актрисы-певицы, мечтающей о большой сцене). Типичного любовного сюжета в «Вице-короле» нет, но отдельные его элементы обыгрываются авторами. Героиня Диванова видит в обходе санитаря назойливые ухаживания, а с Берлагой кокетничает: «Какой хорошенький мужчина! Поцелуй меня, котик!» (186) Таким образом, Ильф и Петров пародируют узнаваемые положения любовной коллизии.

Наличие музыки, танцев и песенных куплетов – одна из отличительных характеристик дочеховского водевиля. Сатирические и комические куплеты, являясь необходимой составной частью действия, выполняли драматургические функции и выражали в шуточной форме мораль пьесы. К концу XIX в. водевиль претерпевает определенные изменения: наблюдается перевес драматических элементов над музыкально-вокальными; присутствие танцев и песен-куплетов становится необязательным в структуре водевиля. В «Вице-короле» полноценных песен-куплетов нет, однако авторы не исключают возможность использования музыкальных и танцевальных номеров. В начале второго действия гражданин Диванов, выступающий в амплуа кокетливой певички, пытается петь знаменитый романс на слова В. Павлова и музыку Ф. Садовского «Все говорят, что я ветрена бываю...». В начале XX в. главной исполнительницей романса была Анастасия Вяльцева (сохранились записи 1903 г.). Ильф и Петров, рассчитывая на комический эффект, заставляют Диванова воспроизводить не канонический текст Павлова: «Все говорят, что я ветрена бываю, // Все говорят, что я многих люблю! // Ах, почему же я всех забываю, // А одного я забыть не могу...»⁵, а вариант-переделку, где несколько изменяются ритмика и смысл: «Все говорят, я ветрена бываю, все говорят, что любить я не могу» (183). Исполнение усатого гражданина Диванова, поющего хриплым басом и путающего слова, на фоне классического исполнения Вяльцевой выглядит весьма комично. Следующая вокальная партия, присутствующая в структуре текста, также принадлежит Диванову в сцене, где он, Старохамский и Мармеламедов устраивают представление для «вице-короля». Это «Песня Индийского гостя» из оперы Н. А. Римского-Корсакова «Садко». В опере «Песню...» должен исполнять тенор, Ильф и Петров играют и на этом⁶. «Мужчина-женщина» поет уже не хриплым басом, а колеблющимся голоском: «Не счесть алмазов в каменных пещерах, не счесть жемчужин в мире полуденном, далекой Индии чуде-е-ес!» (188), после чего следует характерный для водевиля диалог, в котором обыгрывается недослушанная и недопонятая фраза:

Берлага (ворчливо): Дальше. Про птицу.

Тихон Маркович (суфлирует): Есть там птица...

Диванов (поет): «Есть там пти-и-ица...»

Берлага (капризно): Так что же, есть там, наконец, птица или нету?

Старохамский (поспешно): Есть, есть, ваше величество... (188–189).

Здесь снова происходит путаница: в тексте «Песни...» нет воспроизводимой «женщиной-мужчиной» фразы «Есть там птица». Во втором куплете говорится о Фениксе, чье пение заставляет все позабыть. Подобное обыгрывание *вдруг забытого* куплета, который прерывается глупым вопросом, должно вызвать смеховую реакцию.

Таким образом, резко обрывающиеся нелепые вокальные партии Диванова, в которых исполнитель ко всему прочему еще и путает слова, пародируют водевильные куплеты. Показательно, что пародия включена в структуру водевиля именно как вокально-музыкальный элемент, характерный для данного жанра.

Пародийно изображается и танцевальный номер Мармеламедова. «Вице-король Индии» Берлага требует любимую баядеру (то есть индийскую танцовщицу), изображать которую пришлось Тихону Марковичу. Употребление слова «баядера», на наш взгляд, является отсылкой к русскому варианту венгерской оперетты И. Кальмана «Баядера», которая в СССР была поставлена в марте 1923 г. в Московском театре оперетты под названием «Баядерка». Отсылки к этой оперетте (жанр близкий к водевилю) неоднократно возникают на страницах произведений Ильфа и Петрова. Так, например, в романе «Двенадцать стульев» Остап Бендер напевает: «О баядерка, ти-ри-рим, ти-ри-ра!»⁷. Возможно, обращение к данной оперетте обусловлено личными музыкальными предпочтениями авторов. Но Тихон Маркович в роли баядеры исполняет «неясный, но темпераментный» (189) танец с зонтиком из балета Р. М. Глиэра «Красный мак» (первая постановка – 14 июня 1927 г. в Большом театре). Вместо изящных движений танцовщицы перед нами нелепое перебирание толстыми ножками, обыгрывается драматургами и отсутствие зонтика. Резкий контраст между оригинальным исполнением танца и телодвижениями Мармеламедова, полное несоответствие объявленному номеру пародируют не столько известный балет, сколько водевильный танец как прием.

«Театр в театре» отличительной характеристикой водевиля как жанра не является. Однако для водевиля характерны мистификация и нарочитая искусственность. Практически все герои пьесы играют и притворяются (не только симулянты). Диванов отмечает чрезмерно обходительное отношение девушки-психиатра к пациентам: «А мне докторша что-то не нравится. Какая-то она слишком ласковая» (184). Кай Юлий Цезарь, кокетливая дамочка, человек-собака – все это, по определению самих же героев, амплуа. Шурин репетирует с Берлагой приступ сумасшествия, при этом «бедовый человек» пытается выступить в роли режиссера: «Не верю, не верю. Больше

жизненной правды. Переживай, головотяп, по системе Станиславского. Слова, слова давай! <...> Не верю, не волнует. Меня не волнует! <...> Больше бешенства!» (180–181). Подобная игра, с элементами пародии и на самого Станиславского и на складывающийся уже в 1930-е гг. стереотипный взгляд на режиссера, кричащего актерам «Не верю!», создают пародийный образ.

Стихия игры пронизывает все произведение. Когда Старохамский, Диванов и Мармеламедов в палате одни, они легко выходят из роли, а при появлении Берлага начинают уже новое представление с танцами и песнями. Ильф и Петров в ремарке «Тихон Маркович, перебирая толстыми ножками, выбегает на середину сцены» (189) не только говорят о сцене реальной, но делают сценной палату для «больных с неправильным поведением» (182), где зрителем становится Берлага, а Старохамский, Диванов и Тихон Маркович – актерами. Оказавшись в палате, Берлага ведет себя как можно нахальнее, то есть пытается скрыть страх перед психиатром и другими пациентами за маской. Зрелищные театральные эффекты создаются не только речевыми партиями и действиями персонажей, но и их внешним видом: шурин рвет на Берлаге рубаху и мажет его чернилами; Старохамский, драпируется в одеяло, чтобы походить на Цезаря в тоге и т. д. Игровое поведение действующих лиц отвечает жанровой природе пьесы.

Облегченное действие, которое должно развлечь и рассмешить, в пьесе Ильфа и Петрова осложняется языковой игрой. Водевилью как жанру не свойственна интеллектуальная словесная игра, однако легкие водевильные диалоги могут быть построены на каламбуре. Языковая игра рождает острые комические положения, организующие действие. Ильф и Петров начинают игру уже в списке действующих лиц. Гражданин Берлага обозначен как вице-король Индии. Очевидно, что это не определение социального статуса, а нечто иное: гражданин Берлага точно не может быть настоящим вице-королем, уже здесь намечается интрига, которая усиливается за счет характеристик других персонажей. «И. Н. Старохамский – он же Кай Юлий Цезарь, быв. присяжный поверенный» (177). Показательно, что социальный статус указан после диагноза, из-за чего возникает заданная авторами путаница: получается, что Цезарь – присяжный поверенный. Эта игра, рассчитанная на комический эффект, задает восприятие авторских характеристик следующих персонажей: «Гражданин Диванов – женщина-мужчина. Усатый» и «Тихон Маркович – человек-собака» (177). Наличие психиатра и санитаров в списке действующих лиц подтверждает, что действие будет происходить в сумасшедшем доме, а «вице-король», «Цезарь», «человек-собака» и усатый «женщина-мужчина» – скорее всего сумасшедшие (намек на симуляцию и обман еще нет, но комический тон уже задан).

Авторы продолжают словесную игру и в ремарках, имеющих повествовательный харак-

тер и (в некоторых случаях) форму развернутых, осложненных предложений. Например, «*быстро становится на четвереньки и, высоко подняв обтянутый, как мандолина, зад, отрывисто лает и разгребает пол задними лапами в больничных туфлях*» (182). Ремарки подобного типа не только описывают действия и состояния героев, но и показывают явное присутствие автора-шутника. Компания Старохамского, Диванова и Тихона Марковича иронично именуется «воинством» (187), а убогий танец последнего окрашивается словечком «темпераментный» (189).

Заметна роль каламбура в речевых партиях персонажей. Так, например, шуриин рассказывает Берлаге о человеке, который имел большое кузнечное дело и говорил всем: «Я родился между молотом и наковальней» (180). Диванов воспринимает тюремный срок в пять лет со строгой изоляцией как минимальное наказание, а потом прибавляет неуместное: «...это <...> прожиточный (курсив наш. – М. Ш.) минимум» (183).

Кроме каламбуров в структуре диалогов встречаются элементы балагурства, приема, не несущего смысловой нагрузки, но служащего инструментом возбуждения смеховой реакции. Берлага пугает молодую докторшу детской считалкой: «Эне, бене, раба, квинтер, финтер, жаба» (186), а Старохамский пытается говорить на латыни, воспроизводя лишь латинские исключения: «Пуэр, соцер, веспер, генер, либер, мизер, аспер, тенер» (183).

Многочисленны в тексте пьесы остроты. Например, во время карточной игры Мармеламедов сторожит дверь, а Старохамский говорит: «Очень просто. Собака всегда на стрёме» (185).

В качестве одного из традиционных водевильных приемов Ильф и Петров используют словесную путаницу внутри речевых партий Старохамского и Берлаги. В монологах «вице-короля Индии» возникают образы, не связанные с Индией: «Где мои верные наибы, магараджи, мои *абреки*, мои *кунаки*, мои слоны!.. (курсив наш. – М. Ш.)» (181). Казалось бы, образы, противоречащие амплу индийского гостя, должны раскрыть обман, однако они остаются незамеченными. Такая ассоциативная связь между разными «восточными» элементами (индийскими и кавказскими) может рассмешить. А представление: «Я вице-король Индии, царь польский, великий князь финляндский, и прочая, и прочая» – пародирует перечень титулов российского самодержца. В пафосных речах Старохамского манера античного оратора и афоризмы, приписываемые Цезарю, сопрягаются с советской лексикой, создавая комический эффект: «И ты, Брут, проданся ответственным работникам!» (184)

Некоторые диалоги в «Вице-короле» построены в форме словесной дуэли, цель которой – закрепить за собой «последнее слово» в споре. По этому принципу развивается диалог между докторшей и Берлагой:

Докт.: Но ведь вы поймите, всё это бред, понимаете, бред!

Берлага: Нет, не бред!

Докт.: Нет, бред!

Берлага: Вы с ума сошли. Я вам говорю, не бред!

Докт.: Нет, конечно, бред!

Берлага: Не бред! (185–186).

Отметим комизм ситуации: пациент говорит доктору: «Вы с ума сошли». Другой пример – чисто водевильная сцена, в которой старик-санитар совершает обход палаты. Санитар является героем-резонером. Он делится своими переживаниями со зрителями, мечтая о спокойной жизни, рассказывает о тяжелых порядках и буйствах пациентов. На нападки Старохамского, Диванова и Тихона Марковича отвечает коротко, не развивая дальнейшего диалога:

Старохамский (стоит на кровати, задрапировавшись в одеяло): И ты, Брут, проданся большевикам!

Санитар: Ладно, ладно, проданся и проданся.

Старохамский (размеренно): Холуй! Плебей! Илот! Не видишь, с кем разговариваешь? Перед тобой Кай Юлий Цезарь! Шапки долой!

Санитар (расставляя тарелки): А я и вовсе без шапки (182).

Авторы играют переносным и основным значениями слов. Такой прием является водевильным.

Диалоги, несмотря на осложненность языковой игрой, строятся по водевильному принципу. Однако в структуре текста языковая игра присутствует в ремарках и списке действующих лиц, что для водевиля не характерно.

Итак, соавторы привносят в водевиль злободневную социально-политическую проблематику, остроумие и афористичность. Это сближает водевиль И. Ильфа и Е. Петрова «Вице-король» с их собственной сатирической прозой 1920-х гг. и с комедиями В. Маяковского, Н. Эрдмана, М. Булгакова и др. Писатели, работая по канонам водевильного жанра, пародируют его канонические приемы, расширяют границы и, таким образом, создают «водевиль нового времени».

Примечания

¹ См. об этом: *Долгинский М.* Комментарий и дополнения // Ильф И., Петров Е. Необыкновенные истории из жизни города Колоколамска : Рассказы, фельетоны, очерки, пьесы, сценарии. М., 1989. С. 478.

² См.: *Калинина Ю.* Русский водевиль XIX века и одноактная драматургия А. П. Чехова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 1999 ; *Кудинова Т.* От водевиля до мюзикла. М., 1982 ; *Паушкин М.* Композиция и социология водевиля // Старый русский водевиль : 1819–1849 / ред. М. Паушкин. М., 1937 ; *Сербул М.* Ранний русский водевиль : истоки и формирование жанра // Проблемы литературных жанров : материалы V науч. межвуз. конф. Томск, 1987 ; *Успенский В.* Русский классический воде-

виль // Русский водевиль / сост., авт. ст. и примечаний В. В. Успенский. Л.; М., 1959; Шахматова Т. Традиции водевиля и мелодрамы в русской драматургии XX–начала XXI веков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2009 и др.

- ³ Ильф И., Петров Е. 1001 день, или Новая Шахерезада : Повесть. Рассказы. Новеллы. М., 2008. С. 178. Далее текст пьесы цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках.

- ⁴ Шахматова Т. Указ. соч. С. 8.

- ⁵ Садовский Ф., Павлов В. Все говорят. URL: <http://aresni.org/romans/vsegovoriat.htm> (дата обращения: 28.11.2013).

- ⁶ Думается, в разработку музыкальной партитуры пьесы большой вклад внес Е. Петров, который, по воспоминаниям современников, очень тонко чувствовал музыку.

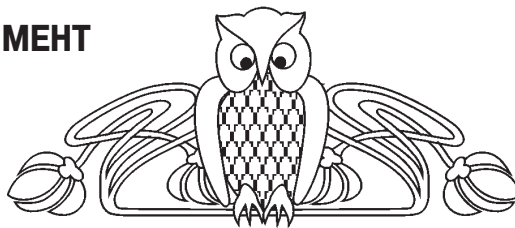
- ⁷ Ильф И., Петров Е. Собр. соч. : в 5 т. М., 1961. Т. 1. С. 56.

УДК 821.111(680).09-3+929Кутзее

«ДЕТСТВО» ДЖ. М. КУТЗЕЕ КАК ЭКСПЕРИМЕНТ С ФОРМОЙ АВТОБИОГРАФИИ

К. А. Григорьева

Саратовский государственный университет
E-mail: grigoryevakristina@gmail.com

В статье исследуются эксперименты Дж. М. Кутзее с жанром автобиографии в контексте традиционных жанровых конвенций автобиографического письма. Первая часть автобиографической трилогии писателя «Детство» анализируется как деконструкция автобиографии детского возраста (отсутствие автобиографического пакта, повествование от третьего лица в настоящем времени, комбинация в повествовании точек зрения протагониста-ребенка и взрослого автора).

Ключевые слова: Дж. М. Кутзее, «Детство», автобиография, роман, эксперимент.

J. M. Coetzee's *Boyhood* as an Experiment in Autobiography

К. А. Grigoryeva

The article deals with J. M. Coetzee's *Boyhood*, focusing on the author's experiments with the autobiography in the context of traditional genre conventions. *Boyhood*, the first part of Coetzee's autobiographical trilogy, is analyzed as a deconstruction of the childhood autobiography (the absence of autobiographical agreement, third-person present tense narrative, a combination of multiple points of view: those of a child-protagonist and an adult author).

Key words: J. M. Coetzee, *Boyhood*, autobiography, novel, experiment.

Один из крупнейших англоязычных писателей современности Дж. М. Кутзее декларировал интерес к автобиографическому письму еще в 1980-х гг., задолго до непосредственного обращения к жанру автобиографии в «Детстве» (1997), первой части автобиографической трилогии, где он вспоминает свои детские годы в Капской провинции в Южной Африке. По словам Шилы Коллингвуд-Уиттик, принимаясь за автобиографический проект, писатель делает попытку «применить свои теоретические принципы, касающиеся автобиографической правды, на практике»¹. Речь при вступлении в должность профессора в университете Кейптауна в 1984 г. Дж. М. Кутзее посвящает теме «Правды в автобиографии»² на

материале «Исповеди» Ж.-Ж. Руссо. В статье «Вымысел правды» (1999) Кутзее дает следующее определение жанра автобиографии: «Я воспринимаю автобиографию как личное повествование, отличающееся от романного повествования читательским допущением, что автобиография зиждется на некоем стандарте правдивости, а также на желании писателя высказать правду. По этой причине я считаю автобиографию, по крайней мере в авторской интенции, своего рода документом (history), а не вымыслом (fiction)»³. Таким образом, для современного писателя давно пройденным этапом являются становившиеся причиной критических дискуссий утверждения авторов, стоявших у истоков автобиографии, о полноте или неполноте их автопортретов. Уже в пору становления жанра писательской автобиографии, у Руссо и Гёте, пришло понимание невозможности создания в ней абсолютно правдивого автопортрета. Характерно, что именно в связи с Руссо Кутзее признает авторскую установку на правдивое изложение событий минимальным условием автобиографии.

Кутзее, значительную часть жизни бывший профессором литературы в университете Кейптауна и знакомый с современными теориями о гибридности жанров, о невозможности «чистых» жанровых образцов, смещает акцент с проблемы определения жанра автобиографии на проблему правды как таковой в литературе. Еще в 1990 г. в интервью с Дэвидом Аттвеллом Дж. М. Кутзее так говорит о возможности воссоздания своего прошлого в автобиографии: «Позвольте мне рассматривать это как вопрос о высказывании правды как таковой, а не вопрос об автобиографии. Потому что в широком смысле любое письмо автобиографично... Главный вопрос заключается в следующем: Творчество, или гигантское автобиографическое предприятие, которое заполняет всю

жизнь, эта попытка сконструировать самого себя в процессе творчества – она порождает только вымысел? Или же среди этих версий собственного “я” есть какие-то, которые более правдивы, чем другие? Как мне узнать, когда я говорю правду о себе?»⁴

Тот же знак вопроса относительно правды о себе самом находим и в тексте «Детства», когда герой Джон Кутзее, воссоздавая эпизод своего прошлого, который он определяет как первое воспоминание, задается вопросом: «Это великолепное первое воспоминание... Но насколько оно правдиво?»⁵ Джон ставит под сомнение каждую деталь воспоминания, так как подозревает, что мог приукрасить произошедшее с ним, пожертвовать правдой реальной истории для того, чтобы произвести более глубокое впечатление на своих читателей. Далее он размышляет, является ли вообще реконструированный им эпизод его первым воспоминанием, поскольку «есть еще одно первое воспоминание, которому он больше доверяет» (30). Кутзее подчеркивает не только избирательность памяти, но и ее склонность к вымыслу.

Следуя давней критической традиции, Дж. М. Кутзее разделяет конкретную правду факта, «historical truth», и универсальную, обобщающую правду вымысла, «poetic truth». Для писательской автобиографии, оперирующей фактами как частной, так и литературной жизни писателя, ориентация на «поэтическую правду» оказывается более актуальной и продуктивной, поскольку, если подходить к проблеме с позиций психоанализа, «добраться до сути самого себя невозможно; можно надеяться не на историю себя, но лишь на историю о себе, историю, которая не будет истиной, но будет иметь истинную ценность, будет стоять между исторической и поэтической правдой. Другими словами, это будет вымысел, заключающий в себе правду»⁶. «Вымышленная правда», или правда, доверенная вымыслу, обычно ассоциируется с литературой художественного вымысла, с жанром романа. Следовательно, Кутзее исходно не считает автобиографию строго документальным, полностью правдивым жанром. Изначально кутзеевская концепция отношений между литературой и действительностью уже ставит его автобиографическую прозу в промежуточную сферу между автобиографией и романом.

Рассмотрим, как Кутзее использует романские повествовательные техники в первой части трилогии с целью деконструкции основ жанра автобиографии.

«Детство» состоит из серии зарисовок из жизни Джона Кутзее⁷ с 10 до 13 лет с вкраплениями воспоминаний из раннего детства мальчика. В произведении отсутствуют повествовательная целостность и полнота, присущие традиционным автобиографиям детства. События развиваются относительно линейно, но в тексте практически отсутствует хронология, датировка событий восстанавливается только при соотнесении возраста

протагониста с биографией автора. Отдельные цепочки эпизодов, обладающие внутренней логической связью и общей временной перспективой, не складываются в единое целое даже несмотря на то, что их расположение в тексте зачастую можно соотнести с последовательностью смены времен года, организацией учебного процесса в школе (чередование четвертей и каникул). В связи с этим Дерк Клоппер выделяет следующую особенность повествовательной структуры «Детства»: «...в повествовании представлен дискретный субъект, чья жизнь не подчиняется естественной логике причины и следствия. События, как они представлены в этой жизни, определяются своеволием случайностей и подвержены капризам нестабильной памяти»⁸. (Так, например, в тексте фиксируются три ранних воспоминания Джона Кутзее, каждое из которых определяется протагонистом как первое.) Анна Сишон, продолжая эту мысль, пишет: «...вызов, брошенный традиционной автобиографии, имеет идеологическую установку: протагонист представляет собой не связную историю, не телеологическую последовательность, он скорее воплощает сырой, разнородный опыт»⁹. Соответственно повествование мозаично: оно разорванно, фрагментарно, рассыпается на краткие самостоятельные эпизоды жизни.

Читатель «Детства» понимает, что читает не просто роман, а автобиографию, не сразу, а только тогда, когда мальчик, который описывается в настоящем времени от лица всеведущего автора, называется по имени на стр. 88, и это имя совпадает с именем, стоящим на обложке книги. Неудивительно, что некоторые критики, не учитывая всей сложности и неоднозначности взаимоотношений автора со своим героем, сразу же отнесли «Детство» к жанру романа, в основе которого лежат факты жизни самого романиста¹⁰. Но разберем, чем это произведение отличается от традиции психологической прозы на автобиографическом материале, которая была представлена еще в романтической литературе («Рене» Штаббриана, «Адольф» Констана, «Признания англичанина – любителя опиума» Де Квинси и др.), и почему «Детство» точнее отнести все-таки к жанру автобиографии, которая склонна изображать героя значительно теснее связанным со средой, чем это делалось у романтиков.

Представляется, что при разграничении автобиографии, автобиографического романа и романа с использованием автобиографического материала следует иметь в виду баланс критериев: а) авторской интенции и читательского восприятия; б) фактической достоверности, удельного веса изображения внешнего мира, к которому принадлежит герой. От автобиографии к роману с элементами автобиографического материала (а есть ли социально-психологические романы, полностью свободные от таких элементов?) уменьшается степень фактической достоверности, возрастает роль вымысла. В том же порядке сокращается удельный

вес автобиографического героя в повествовании, которое в романе с автобиографическим материалом может выдвигать в центр проблематику, не связанную непосредственно с историей жизни героя. Имея все это в виду, разберем аргументы, свидетельствующие об отступлениях «Детства» от норм традиционной автобиографии. Эти отступления регистрируются на повествовательном уровне, и в своей совокупности они подталкивают в сторону восприятия «Детства» как романа на автобиографическом материале.

Отсутствие автобиографического пакта. Несмотря на то что ряд событий, представленных в «Детстве», совпадает с биографическими данными самого Дж. М. Кутзее: его семейные корни, семья, место рождения, школьное образование – книга далека от норм традиционной автобиографии. Текст не сопровождается ни предисловием, ни послесловием, ни какой-либо другой вводной частью, поясняющей автобиографические интенции писателя. Ф. Лежён объясняет, что автобиография становится автобиографией при соблюдении так называемого автобиографического пакта, «эксплицитного или имплицитного соглашения, предложенного автором читателю, соглашения, определяющего способ прочтения текста»¹¹. В «Детстве» писатель, казалось бы, декларирует автобиографическое намерение, давая книге в качестве жанрового определения подзаголовок «A Memoir», однако повествование третьего лица само по себе уже является нарушением автобиографического пакта. Как утверждает рецензент «Нью-Йорк Таймс», подобный повествовательный прием сигнализирует, что писатель «отворачивается от всей автобиографической традиции»¹². Шила Коллингвуд-Уиттик пишет: «Представляя свою книгу “Детство” в Стэнфордском гуманитарном центре в 1997 г., Кутзее рассказал, как издатель “Детства” спросил его: “Это художественная литература или автобиография?” На что писатель ответил с присущей ему лаконичной уклончивостью: “Я должен выбрать?”»¹³. Ясно осознавая проблему невозможности строгой жанровой классификации «Детства», Дж. М. Кутзее никак не разъясняет, но намеренно запутывает свою жанровую игру. «Запутывая отношения между протагонистом, повествователем и автором, эти книги (“Детство”, “Юность”) ставят под вопрос традиционные конвенции само-репрезентации уже тем, что обнажают их», – утверждает Дерк Клоппер¹⁴.

Игра с жанровыми конвенциями обнаруживается в самом заголовке произведения, явной аллюзии на «Детство» (1852) одного из любимейших писателей Кутзее, Л. Н. Толстого; однако в отличие от Толстого, имитирующего в истории Николеньки Иртеньева форму автобиографического повествования от первого лица, Кутзее отказывается от нее. К классической реалистической прозе XIX в. отсылает и подзаголовок «Сцены провинциальной жизни»: Бальзак, раздел «Сцены провинциальной жизни» из «Человеческой комедии»; Джордж Эли-

от, «Сцены из жизни духовенства» и «Миддлмарч. Картины провинциальной жизни». Эта аллюзия выполняет функцию ориентации читательского восприятия «Детства» как литературы художественного вымысла.

Размышляя о причинах нарушения условий автобиографического пакта, Дж. М. Кутзее разъясняет: «Существуют также более сложные и интересные причины для того, чтобы втихомолку разорвать соглашение. Автобиограф может решить, что высшая цель его работы, правда о себе, может быть достигнута за счет создания историй, ухватывающих правду более искусно и точно, чем строгое следование фактам – так сказать, иносказательно»¹⁵. Речь в данном случае идет именно о «поэтической правде». И далее писатель продолжает: «Или же он может нарушить соглашение, решив с самого начала его не придерживаться. Он может использовать представление об автобиографическом пакте, назвать книгу автобиографией или мемуарами только для того, чтобы создать положительный баланс доверия у читателя, – исключительно удобная ситуация для рассказчика. В случае более наивного читателя она, может быть, сохранится до самого конца, и читатель останется с мыслью, что прочитал правдивую историю, в то время как на самом деле книга представляет собой сплошной вымысел»¹⁶. Именно так он поступает в «Детстве» – подзаголовок «Memoir» гарантирует автору некоторый запас читательского доверия, а отсутствие прочих стандартных маркеров «автобиографического пакта» сигнализирует о его отсутствии в произведении, направляет читателя в сторону истинного авторского замысла – выразить психологическую и биографическую правду в вымысле.

Повествование от третьего лица. Конечно, автобиография, написанная от третьего лица, не является изобретением Кутзее, но представляет крайне редкое явление в литературе¹⁷. Пожалуй, самой репрезентативной в этом плане является автобиография Генри Адамса «Воспитание Генри Адамса»¹⁸, оказавшая неоспоримое влияние на творчество Дж. М. Кутзее. Обсуждая первый опыт обращения к автобиографическому письму в интервью с Дэвидом Атвеллом, Дж. М. Кутзее признается: «Я не осмелился бы вторгнуться на территорию автобиографического письма, если бы не более авторитетный текст, который можно было взять за образец. В качестве отправной точки я взял “Воспитание Генри Адамса”, в частности, ее сухую иронию. Я подозреваю, что написать мемуары можно, только имея в глубине души пример Адамса»¹⁹. Поскольку интервью было проведено в период с 1989 по 1991 г., оно может свидетельствовать о том, что замысел автобиографии зародился задолго до публикации «Детства» в 1997 г., а выбор формы и стиля предопределен авторской интенцией.

Нарушение одной из главных конвенций автобиографического жанра, а именно совпадения в

одном лице автора, повествователя и героя, происходит по разным причинам. Представляется, что повествовательный барьер между автором и протагонистом появляется в этом тексте не столько потому, что Дж. М. Кутзее уверенней чувствует себя в жанре романа, чем в жанре автобиографии, а, главным образом, по психологическим причинам. Кутзее – один из самых «закрытых» современных писателей; он мало дает интервью, не появляется на телеэкранах, пренебрегает Интернетом, его общественная деятельность в поддержку движения «зеленых» находит выражение в его публицистических текстах, и даже в своей нобелевской речи Дж. М. Кутзее говорит не от своего лица, но скрывается за занавесом художественного вымысла. В тех редких случаях, когда писатель соглашается на интервью, он предпочитает получать вопросы заранее и в письменной форме. В переписке с клиническим психологом Арабеллой Куртц, настаивавшей на интервью с писателем, Дж. М. Кутзее объясняет: «Я думаю, я не тот, кто вам нужен. Я не многоречивый оратор и не всегда с легкостью улавливаю суть вопроса. Я также сомневаюсь в значимости тех мнений, которые я выражаю на публике», продолжая в следующем письме: «Последний раз, когда я давал интервью, я был абсолютно истощен. Для меня было бы облегчением не участвовать в подобном»²⁰.

Эта психологическая «закрытость» писателя объясняет его склонность к использованию в автобиографии форм романного повествования. Повествование от третьего лица позволяет автору, предпочитающему не распространяться о своей жизни, «изложить “постыдные” тайны его частной жизни, сохраняя при этом научную беспристрастность энтомолога, описывающего образец, который он держит пинцетом под микроскопом. Это нейтрализует отвращение к саморазоблачению, свойственное автобиографии как жанру»²¹. К такой форме обращения к своему детскому «я» писатель прибегает еще в 1991 г., говоря о себе в третьем лице в интервью с Дэвидом Атввеллом (видимо, для такого закрытого писателя, как Дж. М. Кутзее, она наиболее естественна и привычна): «Его годы в провинциальном Вустере (1948–1951), когда он был ребенком африканерского происхождения и посещал занятия на английском языке, в период активного африканерского национализма, период создания законов, направленных на предотвращение попыток людей африканерского происхождения воспитывать своих детей на английском, вызывают у него тревожные видения ребенка затравленного и виноватого; к 12-ти годам у него появляется хорошо развитое чувство социальной маргинальности»²². Здесь обращает на себя внимание тон Кутзее – он смотрит на себя в детстве с холодной отстраненностью, что создает ощущение оторванности прошлого от настоящего. Дж. М. Кутзее будто проводит черту между прошлым «я», продуктом определенного

социально-политического и культурного влияния, и «я» настоящим, которое ассоциируется у читателя с образом писателя-интеллектуала.

Автобиографическое «я» произведения буквально конструируется через местоимение «он», что подчеркивает разрыв между автором и протагонистом, позволяет автору максимально дистанцироваться от своего героя. Анна Сишон отмечает: «Фактически, местоимение первого лица, используемое в традиционных текстах, лишь условность, поскольку “я” – всего лишь знак, за которым скрываются две отчетливо различимые идентичности: идентичность действующего лица и повествователя. Напряжение между этими двумя “я” открывает диалог, переговоры между ранней и поздней “версией” самого себя. Использование третьего лица в книгах Кутзее подчеркивает это различие: оно создает ироничную дистанцию между двумя “я”, обнаруживает недостаток идентификации повествователя и героя и выводит на передний план их непохожесть. Кутзее посредством применения местоимения третьего лица, отделяя “я”-переживающее от “я”-говорящего, демонстрирует их различие. Таким образом, повествование от третьего лица можно воспринимать как комментарий к “я”-говорящему и “я”-переживающему, как нежелание их отождествлять, а не как отказ от автобиографического проекта»²³. То есть использование третьего лица вместо первого вполне вписывается в рамки автобиографического жанра.

Более того, использование третьего лица подразумевает более высокий уровень объективности и доверия к тексту по сравнению с субъективным «я» традиционной автобиографии. Лора Райт замечает, что повествование от третьего лица «позволяет отдалить автора от автобиографического “я”, которое он неохотно называет своим собственным, в то же время подрывая наше понятие о степени правдоподобия в образе автора, в повествовании в автобиографическом письме»²⁴.

Использование третьего лица непосредственно комментируется в самом тексте «Детства», когда, например, герой говорит о служанке на ферме в Кару: «Ему не нравится видеть Трин, когда она стоит на коленях перед корытом, стирая его одежду. Он не знает, как ей отвечать, когда она обращается к нему в третьем лице, называя его “die kleinbaas”, маленький хозяин, как будто его там нет. Ему очень неловко» (86). За счет подобного «отсутствия» в «присутствии» и создается дистанция между автором и автобиографическим субъектом. По словам Джин Севри, это позволяет писателю «относиться к собственной правдивости тактично и избежать вуайеризма или эксгибиционизма. Это также дает возможность писателю оставаться “хозяином” повествования»²⁵.

С другой стороны, активное использование несобственно-прямой речи (free indirect speech²⁶) позволяет сузить дистанцию между автором и героем. Автор передает сознание своего героя,

сокровенные мысли и чувства, используя лексические и грамматические конструкции, лингвистический стиль и регистр, свойственные речи ребенка. Дж. М. Кутзее так комментирует собственный стиль: «Я думаю, моя проза довольно тяжелая и сухая; но во мне остается тяга к чувственным языкам – к поздне-романтической симфонии...»²⁷. Перед нами зрелый писатель в попытках ухватить и закрепить в слове детское сознание. Причем в тексте фиксируются спорный характер размышлений героя, ограниченность его познаний, его заблуждения, оттого многие вопросы остаются без ответов. В книге интервью с Д. Атвелом «Подчеркивание смысла» Дж. М. Кутзее дает психоаналитическое объяснение подобного подхода к изображению героя: «...я стараюсь никогда не забывать, что все мы остаемся теми же, кем были в детстве (Фрейд согласился бы с этой точкой зрения), и относиться к людям нужно как к детям, с добротой (доброта не исключает трезвости)»²⁸.

Повествование в настоящем времени. Создание впечатления сиюминутности и интимности восприятия, возможность проникнуть во внутренний мир ребенка, увидеть его личные переживания в момент их проявления – все это становится возможным благодаря использованию настоящего времени. Доминик Хэд комментирует: «...настоящее время в “Детстве” фиксирует решающее значение формативного опыта описываемого периода»²⁹. Шила Коллингвуд-Уиттик, интерпретируя несколько иначе значение использования настоящего времени в тексте, замечает, что оно определяет авторскую интенцию «сохранить целостность “прошлого самого по себе”, убедиться, что “прошлое как таковое” не заражено сознанием пишущего “я” в настоящем»³⁰.

Авторский стиль. Несмотря на то что все события показаны сквозь призму сознания протагониста, используемый язык, обобщения, мысли и размышления определенно принадлежат не мальчику-подростку, но зрелому человеку³¹. Точность фиксирования деталей и их обилие в тексте, восприятие действительности и оценка происходящего, интерпретация собственных чувств и поведения окружающих героя людей – все это отражает присутствие автора и его рефлексию над детским опытом. Как пишет Эд Пико, «Кутзее использует зрелый, умудренный опытом голос, который остается верен живой нелогичности детского возраста»³².

Кроме того, в языке фиксируется внешний лингвистический и социально-политический контекст, определяющий формирование ребенка в раннеподростковый период жизни. Возникает внутренний дискурс автобиографического субъекта, в котором язык субъекта включает в себя собственно авторский язык. Дерек Аттридж пишет по поводу авторского стиля: «Герои, сквозь сознание которых идет повествование, занимают все эмоциональное и аксиологическое пространство произведения»³³, – что в равной степени отно-

сится как к романам, так и к автобиографической трилогии Дж. М. Кутзее.

В «Детстве» писатель подходит к Джону безжалостно и хладнокровно. Страхи, оскорбления, отчужденность одаренной личности от окружающего мира, отказ играть по его правилам – все это знакомо герою книги, мальчику-подростку, на которого автор теперь смотрит со стороны и чьи сокровенные мысли и секреты обнаруживаются на страницах книги. Причем исповедальный тон повествования представляет собой выбор автора, а не протагониста. Автобиографический субъект не знает о том, что за ним наблюдают. Всеми силами герой пытается скрыть свое истинное «я» от окружающих, ему невыносима сама мысль, что его чувствительное, уязвимое, незащитное «я» может быть открыто миру, «как будто краб, которого вытащили из его панциря, розовый, раненый и непристойный» (151). Очевидно, что автобиографическое письмо подразумевает, что защитная раковина будет пусть не уничтожена, но приоткрыта.

Примечателен эпизод, когда мальчики обмениваются первыми воспоминаниями, и Джону вспоминается, как на горном перевале он выкинул из окна автобуса конфетный фантик:

«Отпустить?» – спрашивает он маму.

Она кивает. Он отпускает.

Клочок бумаги взлетает в небо. Под ним нет ничего, кроме злоедей пропасти перевала, окаймленного холодными горными вершинами. Втянув шею, он еще раз мельком видит клочок, все еще отважно парящий.

«Что с ним будет?» – спрашивает он маму; но она не понимает.

Это другое его первое воспоминание, его он держит в тайне. Он все время думает о фантике, одиноком в этих просторах, о том, что бросил его, хотя и не следовало бросать. Однажды он обязан вернуться к перевалу Свартберг, найти его и спасти. Это его долг: он не успокоится, пока не сделает этого» (31).

В повествовании фантик физически летит на протяжении одного абзаца, а в следующем абзаце этот полет приобретает символическое значение. Данная автобиография, в сущности, не что иное, как попытка вернуться к улетевшему в пространство клочку бумаги, стремление оживить прошлое, зафиксировать в тексте воспоминания. Заметим, что упрощенные синтаксические конструкции, передающие восприятие маленького Джона, сочетаются с усложненной лексикой, свойственной речи взрослому, что создает определенную дистанцию между протагонистом, серьезно и чутко воспринимающим происходящее, и автором, иронизирующим посредством языкового выбора над своим детским «я». Авторская позиция в тексте проявляет себя преимущественно на стилистическом и лингвистическом уровнях.

Оперируя всеми приемами романиста, Дж. М. Кутзее изображает детство. В отличие от Джеймса Джойса, пытающегося передать поток

сознания ребенка в первых главах «Портрета художника в юности»³⁴, или Владимира Набокова, полностью погружающего читателя в детские воспоминания автора в автобиографии «Другие берега» (или, по английскому заглавию «Speak, Memory» – «Память, говори»³⁵), Дж.М. Кутзее лишь рисует детство таким, каким оно может или должно быть в 10–13 лет. Писатель отказывается связывать себя обязательствами традиционной автобиографии, в которой автор стремится переосмыслить свою жизнь как нечто целое, заново переживает свое прошлое.

Свойственные прежде всего роману, все эти приемы: несобственно-прямая речь, перемежающаяся с прямой речью и диалогами, повествовательная перспектива от третьего лица, единый временной план настоящего – приводят к эффекту дефамилиризации автобиографии. Становится возможным создание впечатления синонимичной близости, непосредственного проникновения в сознание автобиографического субъекта при максимальной дистанцированности и эмоциональной бесстрастности автора.

Используя прием авторского всеведения, Дж. М. Кутзее получает возможность тоньше анализировать и строже судить своего протагониста, сохраняя при этом всю интенсивность детских переживаний, всю непосредственность жизненного опыта. Дерк Клоппер справедливо отмечает: «Нам представлен автобиографический субъект, который одновременно и присутствует и отсутствует, чья внутренняя жизнь, чье сознание изображены живо и убедительно, но который, будучи воображаемым и нереальным конструктом, “я-как-другой”, разобщенным и вытесненным, находится где-то в другом месте»³⁶. Размышляя о неслучайности выбора романной формы повествования в «Детстве», Маргарет Лента приходит к следующему заключению: «Выбор третьего лица в «Детстве» ... тщательно продуман: этот прием свидетельствует, что и автор и читатель воспринимают протагониста скорее как биографического, нежели автобиографического, субъекта»³⁷. В связи с этим для жанрового определения трилогии Маргарет Лента активно использует, вслед за Шилой Коллингвуд-Уиттик, термин «*autrebiography*»³⁸ (повествование о себе как о «другом», автобиография как биография «другого»), упомянутый самим писателем в интервью с Д. Атвеллом. Эта жанровая синтетичность «Детства» (черты романа и автобиографии), этот полный арсенал повествовательных приемов романа в рамках трилогии становятся отправной точкой для экспериментирования со способами воплощения автобиографизма в последующих ее частях.

Примечания

¹ Collingwood-Whittick Sh. *Autobiography as Autrebiography: The Fictionalisation of the Self in J. M. Coetzee's Boyhood: Scenes from Provincial Life* // *Commonwealth Essays and Studies*. 2001. Vol. 24, № 1. P. 21.

- ² См.: Coetzee J. M. *Truth in Autobiography*. Inaugural Lecture. Cape Town, 1984.
- ³ Coetzee J. M. *A Fiction of the Truth* // *Sydney Morning Herald*. 1999. November 27. P. 12.
- ⁴ Coetzee J. M. *On the Question of Autobiography* // *Current Writing*. 1991. № 3. P. 177.
- ⁵ Coetzee J. M. *Boyhood: Scenes from Provincial Life*. N. Y., 1997. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы в скобках. Перевод автора.
- ⁶ Coetzee J. M. *A Fiction of the Truth*. P. 12. Об особенностях писательской автобиографии см. также: Кабанова И. В. *Английская проза 1930-х годов: жанровая типология*. Саратов, 2011. С. 144–187.
- ⁷ Здесь и далее «Джон Кутзее» – протагонист автобиографической трилогии, «Дж. М. Кутзее» – автор произведения.
- ⁸ Klopper D. *Critical Fictions in J. M. Coetzee's Boyhood and Youth* // *Scrutiny*. 2006. № 2. P. 24.
- ⁹ Cichon A. *Boyhood. Scenes from Provincial Life and Youth* – J. M. Coetzee's *Autobiographies* // *A Universe of (H) histories. Essays on J. M. Coetzee* / ed. Liliana Sikorska. Frankfurt / M. ; N. Y., 2006. P. 64.
- ¹⁰ См., например: Porter P. *Bedsit Blues*. *Rev. of Youth*, J. M. Coetzee // *Times Literary Supplement*. April 2002. № 26. P. 22; Mishra P. *The Enigma of Arrival*. *Rev. of Youth*, J. M. Coetzee // *New Statesman*. April 2002. № 22. P. 50.
- ¹¹ Lejeune Ph. *On Autobiography* / ed. by Paul John Eakin. Minneapolis, 1989. P. 29.
- ¹² Deresiewicz W. *Third-Person Singular* // *The New York Times*. 7 July 2002. P. 6.
- ¹³ Collingwood-Whittick Sh. *Op. cit.* P. 14.
- ¹⁴ Klopper D. *Op. cit.* P. 22.
- ¹⁵ Coetzee J. M. *A Fiction of the Truth*. P. 13.
- ¹⁶ Ibid.
- ¹⁷ Явление настолько редкое, что Ф. Лежен, помимо «Воспитания Генри Адамса», приводит только одну современную автобиографию, написанную в третьем лице единственного числа, – «Армия ночи» Н. Мейлера.
- ¹⁸ См.: Adams H. *The education of Henry Adams*. Washington, 1907.
- ¹⁹ Coetzee J. M. *Doubling the Point: Essays and Interviews* / ed. by David Attwell. Cambridge, Mass. ; L., 1992. P. 26.
- ²⁰ Coetzee J. M., Kurtz A. *Nevertheless, My Sympathies Are With The Karamazovs* // *Salmagundi: A Quarterly of the Humanities and Social Sciences*. Spring 2010. № 166. P. 40.
- ²¹ Collingwood-Whittick Sh. *Op. cit.* P. 21.
- ²² Coetzee J. M. *Doubling the Point*. P. 158.
- ²³ Cichon A. *Op. cit.* P. 63.
- ²⁴ Wright L. *Writing «Out of all the Camps»: J. M. Coetzee's Narratives of Displacement*. N. Y., 2006. P. 53.
- ²⁵ Sèvry J. *Coetzee the Writer and the Writer of an Autobiography* // *Commonwealth (Dijon)*. Spring 2000. Vol. 22, № 2. P. 15.
- ²⁶ Об особенностях функционирования несобственно-прямой речи в художественной литературе см.: Pascal R. *The Dual Voice: Free Indirect Speech and Its Functioning in the Nineteenth-Century European*. Manchester, 1977; Cohn D. *Transparent Minds: Narrative*

- Modes for Presenting Consciousness in Fiction. Princeton, New Jersey, 1978 ; *Banfield A.* Unspeakable Sentences : Narration and Representation in the Language of Fiction. Boston ; L., 1982 ; *Филлюшкина С. Н.* Современный английский роман : Формы раскрытия авторского сознания и проблемы повествовательной техники. Воронеж, 1988.
- ²⁷ *Coetzee J. M.* Doubling the Point. P. 208.
- ²⁸ *Ibid.* P. 249.
- ²⁹ *Head D.* The Cambridge Introduction to J. M. Coetzee. Cambridge ; N. Y., 2009. P. 4.
- ³⁰ *Collingwood-Whittick Sh.* Op. cit. P. 19.
- ³¹ Интеллектуальная дистанция очевидна в размышлениях автобиографического субъекта о статусе памяти (30), о смерти животных (102), о красоте и желании (56); контраст данных суждений и детского восприятия мира особенно резок, когда на следующей странице читаем: «И все же он не невежественный. Он знает, как рождаются дети. Они появляются из маминой задницы, чистые и беленькие» (57).
- ³² *Peaco E.* *Boyhood. Scenes from Provincial Life* // The Antioch Review. 1998. Vol. 56, № 3. P. 375.
- ³³ *Attridge D. J. M.* Coetzee and the Ethics of Reading : Literature in the Event. Chicago, 2004. P. 138.
- ³⁴ См.: *Джойс Д.* Портрет художника в юности / пер. с англ. М. Богословской-Бобровой // Иностранная литература. 1976. № 10–12.
- ³⁵ См.: *Набоков В.* Собр. соч. американского периода : в 5 т. Т. 5. Прозрачные вещи. Смотри на арлекинов! Память, говори. СПб., 1999.
- ³⁶ *Klopper D.* Op. cit. P. 25.
- ³⁷ *Lenta M.* *Autrebiography* : J. M. Coetzee's *Boyhood* and *Youth* // English in Africa. May 2003. № 1. P. 158.
- ³⁸ *Coetzee J. M.* Doubling the Point. P. 394.

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК [821.161.1.09:070](47+57)

ПИСАТЕЛЬ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО (по материалам «Литературной газеты» 1930-х годов)

М. М. Соловьёва

Саратовский государственный университет
E-mail: markuz89@yandex.ru

В статье исследуется роль «Литературной газеты» в кампании по вовлечению советских писателей в социалистическое строительство и определению новой роли литературы.

Ключевые слова: «Литературная газета», 1930-е годы, пятилетка, социалистическое строительство, масса, диктатура.

Writer and Socialist Construction (based on *Literarnaya Gazeta* of the 1930s)

М. М. Solovyeva

This article examines the role of *Literarnaya gazeta* (Literary Newspaper) in the campaign to engage the Soviet writers in socialist construction and the definition of the new role of literature.

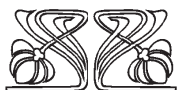
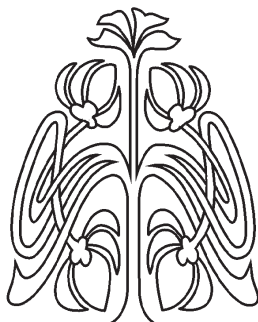
Key words: *Literarnaya Gazeta*, 1930s, five-year plan, socialist construction, humanity, dictatorship.

На протяжении первых десятилетий Советской власти происходило переосмысление роли литературы в общественной жизни. Если в 1920-е гг. «литературную ситуацию формировала и определяла именно литературная критика, то начиная с 1929-го года литературная жизнь, как и жизнь в целом, протекала в жестких тисках сталинской идеологии»¹.

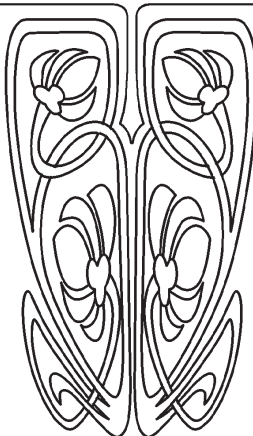
Особый интерес в связи с разговором о роли и положении писателя в 1930-х гг. представляет «Литературная газета» – издание, целиком и полностью посвященное литературной жизни. Отметим, что первый номер «Литературной газеты. Свободной трибуны писателей» вышел в свет в 1929 г. Ученые пишут, что именно в тот период «прежние художественные достижения были поставлены под сомнение и многие писатели стали “лишними” в пореволюционное время в результате появления нового читателя, “человека массы”»². Именно в конце 1920-х в сознании государственных деятелей возникает понимание необходимости нового типа писателя, отвечающего современным требованиям. Не исключено, что именно с повышением внимания к политической и идеологической роли литературы и связано появление советской «Литературной газеты», быстро ставшей главным периодическим изданием писателей 1930-х гг.

Заметим, что в предыдущее десятилетие приоритет в агитационной работе отдавался журналистике, которая, по мнению современных ученых, в «первые послеоктябрьские годы стала важнейшей составляющей революции»³. Вспомним, что первый съезд журналистов состоялся в 1918 году (писательский – в 1934), с середины 1920-х в СССР функционировал Государственный институт журналистики (ГИЖ) (литературный институт появился лишь в 1930-е гг.), на страницах журнала «Журналист» шла активная полемика вокруг формирования «теоретической платформы журналистики по-большевистски»⁴.

В первые годы издания редакционная политика газеты – это постепенная кампания по привлечению писательской аудитории, по формированию имиджа «Литературной газеты» как главного печатного органа для писателей и о писателях. Самой редакции с самых первых номеров было свойственно ощущать себя выше писательской общности, наделять себя определенной властью. Отсюда – повелитель-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

ный и иногда командный тон передовых статей: «...советский писатель должен особенно помнить о своих обязанностях перед трудящимися!»⁵, «...мы считаем своей обязанностью напомнить ему <писатель> об ускорении темпов его творчества» (Задача – победить культурно. 1930. 27 янв.) и др.

«Литературная газета» с большим энтузиазмом откликалась на партийные решения и постановления, всячески побуждая литературное сообщество стать активным участником общественной жизни. Один из наиболее ярких примеров – мощная агитационная кампания по вовлечению писателей в социалистическое строительство. Напомним, что в 1928 г. в Советском Союзе был принят первый пятилетний план развития народного хозяйства (первая пятилетка), советский народ объявил курс на индустриализацию и коллективизацию. В связи с этим призывы принять участие в социалистическом строительстве логичны и обоснованы: писатели, как и представители всех других профессий, не могли оставаться в стороне от исторического события. Роль писателя на соцстройке сводилась к активной агитационной работе.

На протяжении первых лет издания «ЛГ» тема важности участия писателя в социалистическом строительстве не сходила с полос газеты. В 1930 г. редакция провозглашала включенность в строительство главной писательской задачей: «Социалистическая перестройка мира – вот генеральная тема нашей литературы в реконструктивный период. Быть в центре этой перестройки, участвовать в ней всем существом, перестраивать себя и литературу – такова задача писателя сегодня» (На производство. 1930. 6 сент.). «Перестройка себя» здесь указана не случайно, в этой фразе заложена одна из важнейших идей по переделке творческого и литературного процесса. В начале 1930-х гг. полагали, что вся писательская деятельность должна измениться коренным образом, подразумевая, что «включение писателя в борьбу и труд рабочего класса обозначает, кроме всего прочего, и коренную ломку писательского быта. Рушатся стены “отдельного кабинета”, светлый круг лампы на письменном столе раздвигается до невероятно широких пределов, привычные условия “литературной среды” заменяются новыми, зачастую еще неизвестными, культ “великолепного одиночества” сдается в архив и подшивается к “делу” всех “песнопений” и “молитв”» (Там же). По убеждению «ЛГ», писатель больше не может сидеть за письменным столом, создавая свои произведения, настоящий творец должен отправиться в эпицентр строительства – в колхозы, совхозы, на заводы – чтобы наиболее полно и реалистично отразить новую советскую жизнь в своих книгах, ведь «перед каждым советским писателем стоит задача понять, осмыслить это величайшее историческое событие» и создать <...> такие художественные произведения, которые бы звали и будили на

борьбу за социализм» (Батрак Ив. Писатели на большевистский сев. 1931. 9 февр.).

В деле социалистического строительства «ЛГ» возлагала на писателей большие надежды. Литературу в начале 1930-х гг. редакция наделяла функциями спасителя многих сфер общества. Так, в статье «Книжный поход в деревню» писателей призывают улучшить знания аграриев: «...книга должна в большей мере помочь выполнению директивы правительства “Ликвидировать в этом году агрономическую неграмотность”» (Книжный поход в деревню. 1930. 3 февр.), в статье «Писатель – в красную казарму» авторов призывали на военное поприще с целью «направить творчество <...> по руслу социалистического строительства, укрепления обороны страны и боеспособности Красной Армии», подчеркивая при этом, что «писатель должен войти в Красную казарму так же, как идет сейчас на фабрики, заводы и в колхозы» (Писатель – в красную казарму. 1930. 3 февр.).

Становится понятно, что писатель в начале 1930-х гг. наделялся «Литературной газетой» невероятными возможностями, всеохватностью своей пропагандистской власти. Это полностью соответствует партийным взглядам на роль литературы как одной из активных участниц общественной жизни, главных сил пропаганды. При этом сам писатель, несмотря на свою власть, на страницах «ЛГ» становится подконтролен колхозным и рабочим организациям: «Хлебоцентр направил в районы сплошной коллективизации 15 писателей» (Кр-ов. На весенний сев. 1930. 3 марта), «По заданию Колхозцентра писатель везет библиотеку в 2000 томов» (В колхозы. 1930. 13 янв.) и др.

Подобная зависимость писателя от достаточно странных и абсолютно нетворческих организаций превращает его из индивидуальности, обладающей своим взглядом на происходящее вокруг, в подчиняемую, неодушевленную единицу. В такой атмосфере сами литераторы постепенно стали настаивать на четких указаниях к работе. Подтверждением этому может служить статья А. Караваевой «Писателю нужна помощь». Несмотря на активную агитационную кампанию, в «ЛГ» сложно найти определенные, четко сформулированные требования к писателям: большинство призывов представляли из себя расплывчатые лозунги, не подкрепленные конкретными планами. Такая неопределенность наводила писателей на размышления о создании контролирующего органа, задающего нормы и следящего за их выполнением. Так, Караваева пишет: «Думая о пятилетке, испытываешь даже некий трепет: этакая гора-горища труда, борьбы, роста и логики человеческого сознания. <...> Пятилетка во всем ее охвате, как тема, кажется мне <...> огромной и ответственной <...> Нужна ли для всего этого какая-то организация? Конечно, нужна. <...> Организация должна главным образом помогать писателю, облегчать ему возможность зацепки за

действительность» (Караваяева А. Писателю нужна помощь. 1930. 30 янв.).

Интересно отметить, что освещение колхозной жизни редакцией «ЛГ» преподносится как дело сложное, требующее долгой и кропотливой работы. Здесь имеется в виду не только разработка новых жанров, методов письма, но и сама подготовка к написанию книг. Знакомство с деревенским бытом авторы «ЛГ» приравнивают к обучению: «Львов-Марсианин в течение трех лет изучал колхозы Поволжья и Прикамья» (В колхозы. 1930. 13 янв.), «Леонид Карпов, после двухлетних поездок по колхозам Среднего Поволжья и изучения производственных процессов в совхозах “Гигант” и “Хуторок” Сев. Кавказа, подготовил к печати книгу очерков» (Там же).

Необходимость личного знакомства с деревенским бытом послужила причиной творческих командировок писателей – одной из наиболее характерных примет литературной жизни начала 1930-х гг. Писательские поезда отправлялись в различные части страны с тем, чтобы как можно шире осветить успехи первой пятилетки. Обстановку всеобщего внимания и интереса к поездкам активно поддерживала и подогревала «Литературная газета». Редакция печатала воодушевленные отчеты о количестве писателей, «выделенных» на колхозную работу: «Разверстка ФОСП между литературными организациями по мобилизации писателей для участия в весеннем севе выполнена более чем на 100 процентов», «...до 30 писателей будут посланы в районы», «...помимо намеченных 7 кандидатов, трое писателей по собственной инициативе изъявили желание участвовать в проведении весенней посевной» (Батрак Ив. Писатели на большевистский сев. 1931. 9 февр.), «В колхозы, совхозы, МТС выехало 15 писательских бригад Сельколхозгиз и ФССП» (Кр-ов. Показать героев социалистический полей. 1931. 20 июня) и др.

С не меньшим темпераментом «ЛГ» публиковала писательские отчеты о поездках. В них авторы однозначно утверждали, что «посылка бригады <...> очень полезна <...>; посылать бригады необходимо почаще» (Иванов В. Соображения о поощрении и нужде, высказанные после Узбоя, что течет в пустыню Кара-Кумы. 1930. 19 мая). Эти строки В. Иванов писал в своей заметке, вышедшей по итогам его рабочей командировки в Туркмению. С ним соглашался поэт, член редколлегии журнала «Октябрь» Г. Санников, который пишет о своей поездке в Туркмению: «Я бесконечно рад, что мне удалось быть в этой красочной, интересной, обновляющейся стране в историческую эту весну тридцатого года» (Санников Г. Весна Туркмении. 1930. 19 мая).

Нужно сказать, что в своих отчетах писатели не стремились неоправданно приукрашивать действительность и представлять увиденное в лучшем свете. Материалы, опубликованные в газете, говорят о симпатии редакции к статьям, не скрывающим сложности быта колхозников и

сельчан: «На семьдесят с лишним процентов – пески, пустыня <...>. Отсюда – борьба за воду, жестокая схватка с природой» (Санников Г. Весна Туркмении. 1930. 19 мая) или: «...голое поле, амбар, мельничка. <...> Крыша не от дождя, а от солнца <...> “Если бы от дождя”, – смеются поселяне, мы бы и навеса не делали, спасибо сказали бы, только нет» (Третьяков С. Деревенский город. 1930. 6 янв.). Иногда, изображая действительность, авторы и вовсе не стеснялись в формулировках: «Человеческого жилья сразу не заметишь. Живут в землянках. Выкопаны этикие братские могилы» (Там же).

Наивно было бы утверждать, что писатели хотели донести до читателей антиправительственную информацию, сосредоточивая свое внимание на недостатках и сложностях колхозной жизни. Анализируя подобные материалы, следует скорее усматривать связь с мотивом борьбы, который присущ всей эпохе. Пафос подобных статей был направлен на утверждение идеалов, на изображение трудного пути, который обязательно приведет к победе.

В материалах, публикуемых «ЛГ», авторам было очень важно подчеркнуть не только сами сложности, мотив их преодоления, но и победу над ними: «Мы видели, как в условиях коллективных начинаний разрешались сложнейшие, неразрешимые при индивидуальной системе хозяйства, вопросы механизации, орошения, укрепления к земле кочевых племен и строительства новых поселений. Мы видели, как на наших глазах оживали пески и там, где никогда не перекапывалась земля, проходил торжествующий трактор» (Санников Г. Весна Туркмении. 1930. 19 мая). Педальирование мотива сложностей и их преодоления способствовало созданию еще более восторженного тона публикуемых отчетов, а значит, и представляло всю кампанию по привлечению писателей в социалистическое строительство в самом выгодном свете.

В контрастах и изображении удивительной стойкости и мужества советских граждан проявляется мотив борьбы с временными трудностями на благо прекрасного и светлого будущего. В 1930-е гг. о борьбе говорили много и на самых разных уровнях, стойкость и героизм героев революции, войны, социалистического труда – одна из основных тем советского искусства. Поэтому можно сделать вывод, что о борьбе с неудобствами, климатом, тяжелыми условиями колхозной жизни писатель рассказывал не для объективного отражения ситуации, а подсознательно, предавая своей статье дух времени.

Еще одной значимой агитационной кампанией на фоне социалистического строительства, в которой самое активное участие приняла «Литературная газета», стала кампания по привлечению в литературу ударников. В этом мы видим продолжение одной из основных тенденций литературной критики 1920-х гг. Тогда «формировалась

особая логика, согласно которой вчерашний токарь, кузнец, каменщик, став писателем, оказывался наравне с Ф. Гладковым, А. Фадеевым, А. Толстым, М. Горьким и даже И. Тургеневым, Л. Толстым, А. Чеховым»⁶.

В 1930-е гг., когда требовалось активное освещение соцстройки, работа с ударниками была важна еще и потому, что профессиональному писателю требовалось порядочное количество времени на знакомство с не известным ему бытом колхозов или устройством работы заводов, а ударнику, то есть человеку из народа, такого подготовительного изучения не требовалось.

«ЛГ» скандирует: «"Лицом к ударнику!" Таков должен быть лозунг всей творческой, всей организационной работы советских издательств, писательских организаций» (Вигалок А. Повернем литературу лицом к производству. 1930. 24 окт.). В передовых колонках редакция неоднократно заявляет о необходимости наличия в советской литературе писателей-ударников, о важности их работы и творчества: «Ударник становится костяком, движущей силой в перестройке наших общественных организаций, всей их работы» (Ударничество и литература. 1930. 29 сент.). Тема ударничества настолько волновала редакцию, что «секретариат ФОСП постановил <...> номер "Литературной газеты"» (1930. 19 окт.) полностью посвятить ударникам.

Отношение к ударничеству в 1930-е гг. другое, нежели в 1920-е. В 1930-е – к воспитанию новых кадров и к писателям из рабочей среды подходят по-особенному: властям становится понятна важность образования, теоретический базис, читательский опыт начинающих писателей. В конце 1930-х гг. в Москве организуется Литинститут, в 1930 г. под редакцией М. Горького начинает выходить толстый журнал для селькоров и рабкоров «Литературная учеба».

«Литературная газета» пишет: «В смысле литературной учебы колхозный поэт находится в безвыходном положении». При этом для редакции важно показать, что призывы к образованию не диктуются сверху, интерес к учебе исходит от населения, то есть от самих ударников: «От многих начинающих с мест поступают к нам просьбы создать литературные курсы», «ЛГ» приводит письмо члена колхоза имени тов. Сталина (Орехово-Зуевский округ): «Чтобы научиться правильно писать стихи, вы мне предложили купить книгу Изотова "Основы литературной грамоты". Я действительно задумал во что бы то ни стало добиться этого дела» (Панов Н. Тысяча песен о социализме. 1930. 25 авг.). Корреспонденты «ЛГ» спешили сообщить и о собственных наблюдениях: «Почти на всех предприятиях, где приходилось бывать сотрудникам "Лит. газеты", мы слышали пожелания о том, чтобы писатели помогли редакциям заводских газет оформлять материалы» (Заводская газета ждет писателя. 1930. 20 янв.).

Подготовке квалифицированных кадров в «ЛГ» уделялось особое внимание. Еще до открытия в 1933 г. Вечернего рабочего литературного университета (ныне Литературный институт имени А. М. Горького) большое количество материалов «ЛГ» в 1930–1931 гг. было посвящено организации и работе «литфака 1 МГУ». «Литературная газета» активно публиковала заметки студентов факультета. Редакции было важно подчеркнуть живой, неподдельный интерес к обучению со стороны рабочих. Наряду с сухими отчетами о работе факультета, выполнении учебного плана, «ЛГ» публиковала живые отклики на процесс обучения. В небольших заметках, собранных под общим заголовком «Говорят студенты», молодые рабочие делились своими впечатлениями, многие из которых непосредственны и анекдотичны. Так, например, «студент С» сообщал о проблемах с расписанием: «...временное расписание на один день вывешивается по вечерам, и студенты должны ждать его появления до конца дня... – и добавляет: – сами преподаватели иногда не знают, что они должны преподавать и в какие часы читать лекции. Товарищ Бельчиков, который должен был читать о критических жанрах, с изумлением узнал от студентов о том, что ему предстоит вести курс на редакционно-издательском отделении» (Студент С. Непрерывная... выходная неделя. 1930. 3 марта).

Для повышения литературной грамотности начинающих авторов устраивались специальные встречи и вечера с профессиональными писателями, на предприятиях организовывались литкружки, что тоже не остается без внимания «ЛГ». Редакция страстно подогревала атмосферу вокруг этих мероприятий: «Мобилизуется сто писателей для выступления на литвечерах ударников» (Здесь и далее: 1930. 19 окт.), «В районах Москвы организовано на фабриках и заводах свыше 90 бригад литкружковцев», «С завтрашнего дня в районах популяризации, пропаганде задач призыва ударников в литературу и вербовке их в литкружки» и др.

Заметки об ударниках публиковали не только опытные писатели, рабочие встреч тоже не оставались в стороне и могли прислать в адрес редакции письмо с выражением недовольств. Такой негативный отзыв пришел от участника «вечера им. Маяковского», проведенного «совместно с районными литературно-творческими кружками» (Честнов И. Поменьше таких вечеров. 1930. 19 мая). «Этот вечер ничего не дал, – пишет автор отчета рабочий фабрики им. Свердлова, – в тезисах <...> не было конкретных выводов о Маяковском» (Там же). «Поменьше таких нелепых вечеров, которые ничего конкретного не дают», – подводит неутешительный итог рабочий. В заметке «Недопустимая халатность» сообщалось, что писатели «Селивановский <...>, Серафимович, Бруно Ясенский, М. Колосов, Дементьев, Светлов, Шведов и Безыменский» и вовсе не явились на

вечер пролетарской литературы и «рабочая молодежь Красной Пресни, протестуя против такого отношения, ждет ответа от своих писателей и надеется, что мелкобуржуазные, “интеллигентские” замашки старых писателей не привьются к нашим, пролетарским» (Библиотекарь. Недопустимая халатность. 1930. 20 янв.).

В начале 1930-х гг. на волне повышенного интереса к писателю и его роли в общественно-политической жизни авторы «Литературной газеты» затрагивали вопросы, напрямую касающиеся специфики литературного труда. Так, статья «Здоровье писателей в цифрах» выражает своеобразное проявление заботы о физическом состоянии советских литераторов и содержит статистические данные о медпроверках: «Лечебная комиссия Литфонда 1 февраля 1928 г. окончательно сконструировалась и открыла прием заявлений от писателей, нуждающихся в поправлении здоровья» (Здесь и далее: Беляев С. Здоровье писателей в цифрах. 1930. 24 февр.), «С 1 октября 1928 г. по 1 октября 1929 г. – 281 заявление», «в 1929 г. из 281 заявления неудовлетворенно 23 (8 процентов). Такое увеличение неудовлетворенных заявлений (в 8 раз) произошло вследствие того, что заявители указывали определенные места на юге (Крым), где они хотели пользоваться курортным лечением, а в распоряжении лечебной комиссии этих мест не было. Воспользоваться же другими местами заявители не пожелали», «чтобы поставить и наладить дело оздоровления писательской массы, необходимо изучить быт писателя и внешние условия его работы».

Насущной проблемой в 1930-е гг. была упомянутая проблема быта. «ЛГ» понимает важность этого вопроса и призывает: «Обеспечить нормальные условия для творческой работы писателя» (Здесь и далее: «Пишу урывками, по ночам...» 1932. 4 янв.)! Редакция провозглашает одной из основных задач писательских организаций «ликвидировать обезличку и бесплатность в общественной нагрузке основных творческих кадров» и публикует анкету о связях общественной нагрузки и творчества, обращаясь к писателям с вопросом о том, хватает ли времени на создание произведений. «Все товарищи сходятся на том, что необходимо ввести в практику длительные творческие отпуска. Кроме того, нужно выделить определенные свободные дни, – констатировала газета. – Товарищи настаивают на предоставлении писателям длительных общественно-творческих командировок на предприятия, в провинцию и в колхозы».

Внимание к быту и гигиене писательского труда не ограничивается рассуждениями. «ЛГ» пишет об открытии при клубе ФОСП «кабинета по изучению труда и быта писателя» (Ларский Л. Кабинет труда и быта. 1930. 13 янв.), главной задачей которого было рассмотрение писательской работы с научной точки зрения. В новом кабинете, по замыслу его создателей, будет

проходить всестороннее изучение «своеобразной» писательской работы, представляющей из себя «цикл психо-физиологических процессов, определяющихся в значительной степени условиями быта, правовым положением писателя и т. д.» (Там же).

Отметим еще один немаловажный факт: в процессе вовлечения писателя в социалистическое строительство происходит не только переосмысление целей писательской работы, но и профессии писателя как таковой. Ведь на фоне новых темпов жизни и успехов в выполнении пятилетнего плана специфика этой профессии вызвала много вопросов. В статье «Можно ли приравнять писателей к трудящимся» Автор рассуждает о специфике литературной работы и задается вопросом: «можно ли стереть различие между писателем и основной массой работников наемного труда?» (Здесь и далее: Автор. Можно ли приравнять писателей к трудящимся. 1930. 10 февр.), ведь «писатель работает у себя на дому, предмет труда писателя большею частью избран им по собственной инициативе. <...> Он получает не заработную плату, а авторский гонорар». Автор «ЛГ» сравнивает работу писателя с наемными рабочими по нескольким пунктам, среди которых – возможность социального страхования, метод оплаты труда, размер и частота заработной платы. Автор настаивает на введении «расчетных книжек писателей», так как это «покажет, что большинство писателей не получает даже действительного возмещения своих трудовых затрат».

Подобные попытки пересмотреть литературный труд с целью превратить его из призвания в профессию с четкой системой и графиком работы лишали писателя всякой творческой инициативы, свободы мысли и вдохновения. «Литературная газета», осознавая важность этой работы, вслед за партийными установками выдвигала для всех писателей общие задачи и цели, объединяла писательскую общественность под общими лозунгами, призывала к выполнению единого плана. Писатель, ранее призванный показывать «знание всего», в 1930-е гг. на фоне кампании по привлечению внимания к социалистическому строительству в атмосфере «полностью огосударственной жизни, экспансии власти, поглощения государством всякой социальной самостоятельности»⁷ сам становился подконтрольной единицей, был вынужден подчиняться не только литературным, партийным организациям, но и непонятным, странным структурам, имеющим крайне посредственное отношение к литературе.

Общие для всех авторов правила, рекомендации, приказы, с постоянством публикуемые «Литературной газетой», фактически обезличивали писателей и объединяли их в единую массу. Создание этой массы, в которой «любой ничего не значит»⁸, превращение писателя в подконтрольную единицу становилось абсолютно

нормальным явлением и стало побочной целью кампании по привлечению писателя в социалистическое строительство. Можно утверждать, что если в 1920-е гг. «общественно-культурная жизнь страны <...> строилась в расчете на массовое сознание»⁹ и писатели творили для читательской массы, то в 1930-е гг. начинается процесс формирования массы писателей, подконтрольной и управляемой, готовой откликнуться на лозунги и призывы.

Процесс формирования писательской массы, начавшийся в конце 1920-х гг. и нашедший свое выражение в кампании по привлечению писателей в социалистическое строительство, продолжался на протяжении всех 1930-х гг., привел к постановлению «О перестройке литературно-художественных организаций» и утверждению в 1934 г. основного метода советской художественной литературы и литературной критики – социалистического реализма.

УДК 811.161.1'42:070

ДИСКУРС ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ В ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ 2012 ГОДА (на примере публикаций «Новой газеты»)

Т. Ю. Кравчук

Саратовский государственный университет
E-mail: kravchuktanya30@rambler.ru.

В статье рассматривается политический дискурс российской оппозиции в предвыборной президентской кампании 2012 года (на примере материалов № 136 (2011) – № 22 (2012) «Новой газеты»), дается анализ средств речевого воздействия и целей их использования, а также описываются другие особенности дискурса этого периода.

Ключевые слова: политический дискурс, речевое воздействие.

Discourse of Political Opposition in Presidential Elections Campaign of 2012 (on the example of *Novaya Gazeta* (New Newspaper) publications)

T. Yu. Kravchuk

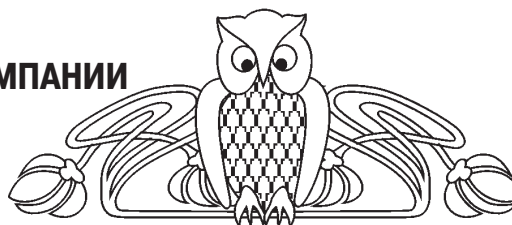
The article considers political opposition discourse in the presidential elections campaign in Russia in 2012 (on the material of № 136 (2011) – № 22 (2012) of *Novaya Gazeta*). The analysis of methods and means of linguistic manipulation and purposes of their usage is given; other discourse features of this period are described.

Key words: political discourse, linguistic manipulation.

В предвыборный период обостряется борьба политических противников. Это время, когда особенно эффективно реализуется главная функция политического дискурса – борьба за власть, от

Примечания

- 1 История русской литературной критики : учеб. пособие для студентов / под ред. В. В. Прозорова. М., 2000. С. 297.
- 2 Голубков М. Русская литература XX века (после раскола). М., 2002. С. 10.
- 3 Елина Е. От девятьсот двадцатых к двухтысячным : литература, журналистика, литературная критика : сб. ст. Саратов, 2012. С. 40.
- 4 Там же.
- 5 Писатель и современность // Лит. газ. 1929. 7 мая. Далее ссылки на «Литературную газету» даются в тексте с указанием в скобках названия материала и даты выхода.
- 6 Елина Е. Литературная критика и общественное сознание в Советской России 1920-х годов. Саратов, 1994. С. 45.
- 7 Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2002. С. 112.
- 8 Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996. С. 420.
- 9 История русской литературной критики. С. 255.

сказанного политиками в это время во многом зависит положение их политической силы в ближайшем будущем и политическая ситуация в стране в целом. Эти факторы влияют на предвыборный политический дискурс, который особенно насыщен средствами и приемами речевого воздействия на электорат. Речевое воздействие проявляется в разных жанрах политических выступлений – дебатах, интервью, на интернет-сайтах партий и кандидатов на посты, в статьях лояльных СМИ.

В данном исследовании мы проанализировали предвыборный дискурс президентских выборов 2012 г., который, по мнению многих политологов, журналистов и политиков, стал самым ярким периодом политической жизни России последних лет. Ни для кого в нашей стране не секрет, что этот непродолжительный период – с декабря 2011 г. по февраль 2012 г. – сильно изменил отношение общества к политике и власти, его участие в политической жизни или хотя бы привлек внимание к ней.

Материалом для исследования стали номера «Новой газеты» за декабрь 2011 г. и январь-февраль 2012 г. – самый острый момент нарастающей политической ситуации, судя по количеству публикаций, посвященных теме предстоящих выборов. Мы постараемся проанализировать дискурс этого периода и описать те его особенности, которые повлияли на сложившуюся политическую ситуацию в стране и отношение к власти.

В первую очередь, стоит отметить тот факт, что важной чертой этого периода является связь политического дискурса предстоящих выборов с дискурсом недавно прошедших парламентских выборов. Эта связь очевидна, так как парламентские выборы и стали резонирующим событием, приведшим к изменению политической ситуации в стране. На эту связь часто прямо указывают. Например, в интервью с М. С. Горбачевым речь идет о том, что связь должна всячески поддерживаться:

Я думаю, самое главное: мы должны связать это с президентской кампанией (Новая газета, 23.12.11).

Само помещение в контекст декабрьских выборов негативно окрашивает президентские выборы, поскольку в обществе сложилось явно неприязненное отношение к первым. За выборами закрепляется устойчивое и по сей день определение – прошедшие в декабре выборы *грязные*, общество требует новых *честных* выборов. Иначе не протяжении всего указанного периода выборы практически не определяются.

«Предстоящие выборы в Приморье будут еще более грязными и жесткими с точки зрения использования административного ресурса, – считает депутат краевого парламента Евгений Бочаров» (Новая газета, 20.02.12).

Агитационная кампания кандидата в президенты России Владимира Путина в Екатеринбурге началась мощно, но грязно (Новая газета, 11.01.12).

Особенностью употребления этих двух определений является то, что говорящие часто используют определение «честные» в кавычках. Кавычки подчеркивают негативное оценочное отношение говорящих.

В Екатеринбурге продемонстрировали, как пройдут «честные выборы» президента России, обещанные Владимиром Путиным (Новая газета, 11.01.12).

В первых примерах слово *грязные* использовано в прямом значении, а во втором «честно» – в антонимическом, что достигнуто благодаря использованию кавычек. Но выбор слова *честно* определен сформировавшимся лозунгом оппозиционной борьбы этого периода «За честные выборы!».

Авторы часто прибегают к использованию кавычек в других случаях для создания средств речевого воздействия:

Но уже после митинга 10 декабря стало ясно: его беспрецедентная для путинской России многолюдность не заставит власть признать состоявшиеся парламентские «выборы» недействительными и назначить новые (Новая газета, 11.01.12).

Значение слова в кавычках меняется, говорящий относится к сказанному иронически, что и передает этим знаком. Кавычки означают сомнение автора в правомерности называния прошедших выборов словом *выборы* вообще, то

есть сомнение в их честности и легитимности. Это мнение внушается читателю.

Проанализированный материал показал, что весьма распространенным в указанном периоде было такое средство речевого воздействия, как обвинение. Однако обвинение принимало довольно разные формы. Многие газетные материалы содержали в себе серьезное расследование с привлечением фактов, документов и свидетельств важных лиц. В таких статьях журналист последовательно доказывает одно или несколько положений о причастности политической силы вообще или ее конкретных представителей к неправомерным действиям, махинациям и т. п.

Начавшись с рокировки накоротке, президентская кампания продолжается с грубым нарушением правил. «Новая газета» собрала топ-7 нарушений на выборах (Новая газета, 23.01.12).

В статье, содержащей указанный пример, далее следуют методично доказанные факты, многочисленные материалы для обвинений, свидетельства конкретных людей.

Но обвинение часто было необоснованным, что, конечно, связано с накалом политической борьбы.

Мы будем требовать вызова на первое заседание по разбору выборных «полетов» генерального прокурора, начальника Следственного комитета, министра внутренних дел и, безусловно, главного жулика – Чурова», – сказал эсер (Новая газета, 14.12.11).

Главной политической проблемой нашей страны является не уровень и качество демократии или защиты свобод и прав граждан, как это принято считать, а неограниченная и тотальная ложь в качестве основы государства и государственной политики (Новая газета, 15.02.12).

Серьезные обвинения в приведенных примерах не подкрепляются доказательствами и фактически являются голословными. Но их уверенная подача заставляет читателя воспринимать их, не подвергая критической оценке, как факты. Автор выдает свои умозаключения за единственно верные, не допуская иного мнения.

Вероятно, в какой-то степени выбор столь ярко эксплицитного средства речевого воздействия связан с характером издания, считающегося остро оппозиционным, авторы обычно очень прямолинейны. Но стоит отметить, что обвинению подвергаются только представители власти. Этот прием речевого воздействия, как показали рассмотренные материалы, никогда не направлялся против какой-либо оппозиционной силы.

На продемонстрированных примерах обвинения видно то, что можно также отнести к числу особенностей политического дискурса оппозиции этого периода, – дискредитация одного из кандидатов, занимающего на тот момент пост премьер-министра и представляющего вершину исполнительной власти в стране, ведется опосредованно, через людей, так или иначе являющихся его подчиненными. От-

ответственность за их неудовлетворительную работу, конечно же, падает на руководителя, но факты нарушений в их работе найти проще, да и насчитывается этих фактов, из-за многочисленности подчиненных, большее количество.

Речеводействующую силу в дискурсе указанного периода несет в себе и выбор оценочных номинаций¹. Яркой особенностью является выбор резко негативных номинаций. Как правило, на речеводействующей силе одного такого слова строится эффект целого предложения или нескольких предложений.

В многообразии лексических средств речевого воздействия этого периода можно выделить две группы номинаций, одна из которых формируется нами по объекту номинации, а вторая – по стилистической окраске всех ее лексических единиц.

К первой группе относятся номинации противника оппозиции – кандидата в президенты России Владимира Путина.

И второй вариант – владелец страны говорит: «Больше не хочу!» (Новая газета, 20.02.2012).

В примере используется стилистически нейтральная лексика, но, даже несмотря на это, выбор этих лексических средств несет на себе речеводействующий эффект. *Владелец страны* – негативная характеристика для президента демократического государства, как и приписывание ему распоряжений-капризов – *больше не хочу*. В другом номере «Новой газеты» (16.12.11) было опубликовано открытое письмо к кандидату в президенты В. Путину, в котором автор обращался к нему *милостивый государь*, что, вместе с контекстом письма, также формировало резко негативный образ для будущего главы демократического государства. В рамках развернувшейся на полосах «Новой газеты» программы обсуждения возможности изменения Конституции РФ, а именно изменения президентской республики (существующего строя, по мнению активистов этой программы) на парламентскую, фигурировала номинация *вождь*:

В Конституции не должно быть места для вождя (Новая газета, 11.01.12).

К другой группе оценочных номинаций мы относим стилистически окрашенные. Важно то, что вся эта лексика принадлежала к пласту тюремного жаргона.

Но отчетливо понимало, что иногда безопаснее быть наказанным по закону, чем ждать расправы паханов. Именно такая ситуация у этих пока не названных «креативщиков». Они подставили того, кого подставлять чревато (Новая газета, 13.02.12).

Паханами журналист называет штаб кандидата в президенты. Слово *пахан* относится к жаргонной лексике, но в данном случае использование жаргонизма важно не как характеристика говорящего, а, в первую очередь, как характеристика того, кого называют *паханами*. В примере продемонстрировано использование стилистически окрашенной лексики в качестве

приема речевого воздействия. Тот же прием виден и в этих примерах:

Это скорее глумливый юмор братков, а не давших присягу народу офицеров (Новая газета, 9.12.11).

Вооружившись легендой о группе «карусельщиков», которых «кинул» проигравший кандидат от партии власти в Приморском районе <...> (Новая газета, 9.12.11).

Перераспределили что есть – и харэ (Новая газета, 14.12.11).

Этот пласт стилистически окрашенной лексики используется для формирования и поддержания определенного образа партии власти и – в контексте этой предвыборной кампании – кандидата в президенты.

Анализируемый период предвыборного дискурса характеризовался прямой и преимущественно эксплицитно выраженным речеводействием. Однако, по мнению многих ученых², более эффективными считаются все же имплицитные средства речевого воздействия, поскольку они не осознаются адресатом как навязанное извне мнение, в результате чего не подвергаются критической оценке. Из их числа в материалах февраля широко распространен намек. Например:

Иногда вбросы организовывали сами члены комиссий. Например, в Интернете более 200 тысяч просмотров набрало видео, где на участке № 2501 в Москве наблюдатель зафиксировал, как прямо на рабочем месте «Николай Алексеевич», один из членов избирательной комиссии, заполняет бюллетени, понятно, за какую партию (Новая газета, 19.12.11).

Намек основывается на фактических сведениях, а последнее звено логической цепочки, которую строит журналист, благодаря намеку приходится достраивать читателю, что сильнее укрепляет полученную идею в его сознании.

Соратники нового замглавы администрации президента Володина занимают крупные посты (Новая газета, 13.02.12).

В приведенном примере журналист не обвиняет Володина в коррупции, но намекает на это, приводя факт – соратники так или иначе занимают крупные посты. Читателю не остается ничего, кроме как сделать вывод о связи новых назначений со старыми отношениями политиков.

В рассмотренных материалах намекают в основном на неправомерные действия представителей власти или людей, действующих в их интересах:

Во многих других местах гражданских активистов всё чаще бьют по лицу и проламывают головы «неустановленные граждане» (Новая газета, 29.02.12);

А в Ростове 23 человека, уже прошедших инструктаж для наблюдателей, вдруг в один день массово передумали (Новая газета, 5.12.11).

В рамках этого периода намек, как правило, используется тогда, когда для обвинения авторы не располагают достаточным количеством информации.

Иногда речевоздействующим потенциалом обладает не информация, на которую намекают, а сама форма намека. Например, использование номинации *самый главный кандидат, главный кандидат* своей формой должно возмущать читателя, провоцировать его на вопрос «Почему это он самый главный?» и тем самым отрицательно настраивать против этого кандидата.

Менее распространенным, но, полагаем, не менее эффективным, имплицитным средством речевого воздействия считается помещение высказывания в отрицательно оцениваемый контекст³. Рассмотрим пример:

С приходом индустриальных методов персональные названия остались лишь у кораблей, изредка у самолетов. Названия теперь стали присваивать запущенным в производство типам и сериям вооружения. Но древняя идея назвать пушку пострашнее не исчезла. Немцы в войну пустили нас «Тиграми» и «Пантерами», уже в НАТО строят «Леопарды» (Новая газета, 9.12.11).

Речь идет о машине милиции «Каратель», по словам журналиста, замеченной им на одном из митингов. Автор упоминает название машины отечественной полиции наряду с названиями техники традиционных «врагов» России, тем самым помещая название в отрицательно оцениваемый контекст, и отрицательная оценка передается самой российской полиции. Оценка дается, конечно, не прямо кандидату в президенты, но, как уже отмечалось, эта опосредованность принята в предвыборной кампании, что обусловлено действующим положением В. Путина. Этот же контекст распространяется в статье более открыто, так, что уйти от его речевоздействующей силы невозможно:

Кому в голову пришла идея назвать машину милиции словом, еще с войны устойчиво ассоциирующемся в нашем языке со словами «полицей», «зондеркоманда», «батальон «Нахтигаль», «палач», «жестокая несправедливость»? «Каратель» и «Закон» находятся в разных слоях языка (Новая газета, 9.12.11).

Нарастающая экспрессия и негативная коннотация в ряду слов-ассоциаций усиливает эффект от помещения в этот контекст.

Мы неоднократно отмечали, что в исследуемом периоде информационным поводом к материалу становится сенсационная информация, так или иначе дискредитирующая официальную власть. Источники получения этой информации не всегда сообщаются. Выбор указания на источник сообщения представляет особый интерес. Авторы пользуются приемом дезавторизации: формулами *недоброжелатели приписывают, остается лишь предполагать, злопыхатели назвали бы, называют, известно, по слухам, полагают злые языки*. Информация подается как слух, однако на ее восприятие для большинства адресатов это не влияет, читатель воспринимает ее как достоверный факт. Встречаются указания на «экспертов», которые не называются по именам (*как полагают*

наблюдатели, как полагают эксперты), но, тем не менее, создается эффект фактографичности, а информация вызывает доверие. Хотелось бы отметить, что этот прием речевого воздействия, на наш взгляд, рассчитан на невнимательного читателя, адресата с некритическим мышлением. Анализирующий, требующий доказательств читатель скорее испытает раздражение и утратит доверие к изданию, злоупотребляющему дезавторизацией в своих текстах.

Нами было отмечено и использование словообразовательного ресурса языка для речевого воздействия. Приемы речевого воздействия, строящиеся на словообразовании, считаются наиболее сложными, требующими творческих усилий и способностей от автора, что делает их довольно редким средством речевого воздействия. В статьях встречается уже ставшая штампом номинация «нашисты» (для участников молодежной организации «Наши»). Итогом именно этого периода политического дискурса можно назвать номинацию «путинги» (митинги в поддержку политической кандидатуры В. В. Путина). В проанализированном материале встретился экспрессивный окказионализм «стабилококк» (Новая газета, 10.02.2012), «новопутинская Россия» (Новая газета, 29.02.2012). Хотелось добавить, что, на наш взгляд, злоупотребление новообразованиями также неблагоприятно сказывается на потенциале воздействия.

Сложность для автора представляет и создание метафор. Этот речевой прием требует от автора статьи художественного таланта для создания яркой, полной метафоры, которая при этом будет сильно заряжена негативным отношением к предмету воздействия.

А между собой, мне кажется, они общаются чавканьем. Такой вот интересный вид Homo politicus. Кстати, похоже, чавканьем они и размножаются. Питаются нашими мыслями, силами, именами, достоинством и «отбуцкают» любого чужака, не принадлежащего к их клану. Они стремятся взять в плен всех нас и нашу родину, ибо она и есть их враг. И вооружаются не для того, чтобы защитить Россию, а чтобы ее завоевать, победить, запугать и обустроить для себя (Новая газета, 25.01.12).

Автор создает яркий образ, называя существо Homo politicus и детально описывая его черты. Этот метафорический образ, вызывая негативные эмоции читателя, переносит их на политические силы, скрывающиеся за метафорой.

Другой пример:

Эта монополия на вещание сразу всем и от лица всех – стержень, на который эти люди насажены и без которого обвисают, как тряпка (Новая газета, 14.12.11).

Но, на наш взгляд, этот период не создал метафор, ставших узнаваемыми, продолживших существование в дальнейшем политическом дискурсе страны. Обычно в рамках одной статьи представлена развернутая метафора, цель этого –

произвести сильное впечатление на читателя, то есть единовременное воздействие.

Нынешний кризис власти (Центр стратегических разработок оказался прав) – это прежде всего крах проекта «Партия телевизора», всей вот уже почти 12-летней постановки. Спектакль затаился, зритель устал раньше караула, уже и Железняк не помогает (Новая газета, 14.12.11).

Особым проектом в рассмотренный период издания является конкурс «Новой газеты» в социальной сети Facebook. Пользователям предлагалось придумать лозунг для митингов оппозиции. Победившие в голосовании и выбранные редакторами лозунги печатались в газете. Статьи с обзорами конкурса выходили довольно часто, и в этих обзорах само перечисление лозунгов усиливало речевое воздействие. Как правило, лозунги представляли собой прямые обращения к власти:

Мы – не оппозиция, мы ваши работодатели. Мы не протестуем, мы вас увольняем (Новая газета, 30.01.12).

Многие лозунги имели форму риторических вопросов:

Чуров, где наши голоса? Госдеп, где наши деньги? (Новая газета, 30.01.12).

Но особый интерес представляют лозунги, содержащие игру слов:

А король-то гонимик! (Новая газета, 30.01.12);
Не Пут ин, а Пут офф (Новая газета, 30.01.12);

Четвертый срок – это уже через Чур (Новая газета, 30.01.12);

С наступающим старым гадом! (Новая газета, 30.01.12).

Особую роль в создании лозунгов играл выбор номинаций. Разговорная лексика в обращениях к власти, а также игра слов, граничащая с прямыми оскорблениями, на глазах читателей снижала авторитет власти. Речь идет о приеме перехода на личности³. Он, конечно, считается весьма эффективным, но нельзя умолчать о его эксцентричности.

Разновидностью этого приема речевого воздействия можно назвать частое упоминание в репортажах с митингов и акций протеста звучащих там лозунгов. Например:

Каждый час 10 минут мы долбим по кроватям, по решеткам, скандируем: «Свобода!», «Россия без ЕдРа!», «Нет полицейскому государству!» (Новая газета, 12.12.11).

Надо назвать это весьма интересным приемом речевого воздействия, имеющим, как минимум, две цели: во-первых, речь идет из уст не журналистов, а протестующих граждан, которые ближе читателю, а во-вторых, жанр репортажа маскирует этот способ речевого воздействия, приближая его к имплицитному.

Особенно интересными явлениями предвыборного дискурса 2012 г. мы считаем выбор журналистами редко встречающихся в СМИ жанров – фельетонов (Новая газета, 10.02.2012), своего рода настольных игр, например, «Выбери

президента» (Новая газета, 10.02.2012), схем и рисунков. Творческий подъем, ставший причиной появления подобных материалов, в очередной раз подтверждает важность этого предвыборного периода и активность политической борьбы.

Итак, проанализированный материал показал, что весь предвыборный дискурс издания направлен на дискредитацию образа власти. Не встретилось ни одного материала, как-то характеризующего любого другого кандидата или партию, набравшую не большинство голосов на выборах в декабре 2011 г. Во-первых, практически все материалы февраля 2012 г. в «Новой газете» посвящены предстоящим президентским выборам и событиям, связанным с ними. Статьи на другие темы в рубрике «Политика» встретились крайне редко. Во-вторых, нельзя не отметить, что взгляд на предстоящие выборы каждый раз направлялся через призму прошедших в декабре 2011 г. парламентских выборов. Тема выборов-2011 поддерживалась очень настойчиво, а в предвыборном дискурсе 2011 г. преследовалась та же цель – дискредитация официальной власти, поскольку политическая ситуация в стране, где премьер-министр, баллотирующийся в президенты, лоялен к партии власти, располагала к этому. Нельзя не отметить, что почти все кандидаты в президенты были лидерами оппозиционных партий выборов 2011 г. Отражение ситуации столкновения одних и тех же политических сил на парламентских и президентских выборах и присутствует в этом периоде политического дискурса, в одном из номеров «Новой газеты» даже появился интересный окказионализм «*поствыборная борьба*», описывающий плавный переход предвыборного парламентского дискурса в президентский.

Но, с другой стороны, в первой половине декабря «*поствыборная борьба*» отвлекла внимание на себя от президентских выборов, что нельзя считать отсутствием речевого воздействия в политическом дискурсе оппозиции, однако информационным поводом предстоящие выборы все-таки не служили.

Кроме этого, еще раз отметим явное преобладание эксплицитных, эмоциональных, а не информационных приемов воздействия. Вероятно, именно эти факторы и сыграли решающую роль в формировании дискурса и, если полагаться на его важность в создании политической ситуации предвыборного периода повлияли на политическую ситуацию в целом.

Примечания

- 1 См.: *Блакар Р.* Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия : переводы / сост. В. М. Сергеева и П. Б. Паршина ; общ. ред. В. В. Петрова. М., 1987.
- 2 См.: *Иссерс О.* Речевое воздействие. М., 2009.
- 3 См.: *Баранов А.* Лингвистическая экспертиза текста : теория и практика. М., 2007.

УДК 070.1

КОПИРАЙТИНГ И РЕРАЙТИНГ В СЕТЕВЫХ СМИ – НОВЫЕ ВИДЫ ЖУРНАЛИСТИКИ?

Е. В. Костенко

Марийский государственный университет, Йошкар-Ола
E-mail: kostenko-zhenya@yandex.ru

В статье автор выявляет основные черты копирайтинга и рерайтинга, анализирует копирайты и рерайты в соответствии с основными признаками журналистского текста, выясняя при этом, является ли копирайтинг и рерайтинг в сетевых СМИ новым видом журналистики.

Ключевые слова: Интернет, сетевые СМИ, копирайтинг, рерайтинг, копирайт, рерайт, журналистский текст.

Copyrighting and Rewriting in Online Media: New Types of Journalism?

E. V. Kostenko

In the article the author determines the main features of copyrighting and rewriting, analyses copyrights and rewrites as related to the main characteristics of the journalistic text, in order to find out whether copyrighting and rewriting in online media is a new type of journalism.

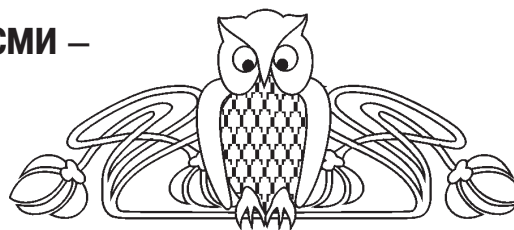
Key words: Internet, online media, copyrighting, rewriting, copyright, rewrite, journalistic text.

Сегодня сеть Интернет представляет собой виртуальное пространство, объединяющее огромное количество людей по всему миру. В 2011 г. по всему миру было зафиксировано порядка 2,1 млрд интернет-пользователей¹.

На фоне меняющихся социально-экономических и политических условий появление еще одного вида средств массовой информации – сетевых изданий – может привести к качественному изменению всей системы средств массовой информации. А в условиях перехода к информационному обществу, где продуктом повсеместного потребления становится информация, создание, использование и совершенствование таких изданий становятся наиболее очевидными.

Социолог Юрий Левада говорит о феномене системы современных СМИ: «Наиболее очевидный и быстро развивающийся феномен массового века – системы массовой информации, увенчанные Интернетом, позволяющие связать воедино всю планету и оказывать сильнейшее воздействие на поведение человека»².

Российский ученый Александр Акопов отмечает в своих статьях, что «без какой-либо доли преувеличения Интернет можно рассматривать как некое глобальное средство массовой информации»³. Нозима Муратова в своей работе «Интернет-СМИ как отдельный вид в системе средств массовой информации: лексическое и этимологическое обозначение понятия»⁴ указывает на две противоположные точки зрения:

1) интернет-СМИ являются дополнительным средством для СМИ; 2) интернет-СМИ признаются отдельным видом в системе средств массовой информации. Автор выделяет основные свойства СМИ в Интернете и обособляет их в информационном пространстве.

Однако есть мнения, опровергающие данную точку зрения. Ведь в Интернете существует множество ресурсов и сервисов, которые сложно однозначно отнести к СМИ. С. Г. Корконосенко при рассмотрении данного вопроса отмечает двойственное положение Интернета и рассматривает его и прочие сети как среду, пространство, открытое для использования всеми желающими, включая журналистские редакции, но не как отдельное СМИ с собственной природой⁵.

По сути, единственными реально работающими критериями для выработки научного определения термина «сетевые СМИ» могли бы стать только целевое назначение (распространение массовой информации) и периодичность обновления материалов сайтов и серверов. С этой точки зрения, довольно удачным выглядит определение сетевых СМИ, предлагаемое в проекте постановления Правительства РФ о регистрации сетевых СМИ: «...под сетевым средством массовой информации понимается размещаемая в электронной форме в Интернете (и других сетях) совокупность периодически обновляемых информационных сообщений и материалов, предназначенных для неопределенного круга лиц»⁶. Обновление информационных сообщений и материалов (полное или частичное) в терминах данных проектов считается периодическим, если производится не реже одного раза в год, то есть на Интернет распространяется понятие периодичности, заимствованное из сферы традиционных СМИ.

В последние несколько лет в сетевых СМИ приобрели популярность копирайтинг и рерайтинг. Копирайтинг представляет собой написание оригинальных заказных статей со вставкой в текст определенных ключевых слов или словосочетаний, необходимых заказчику. Рерайтинг – это написание статей путем глубокой переработки текстов других авторов. Причем данная переработка может быть разной глубины в зависимости от темы и пожеланий заказчика. Иными словами, под копирайтом подразумевают авторские статьи, а под рерайтом – переработанные.

Суть работы копирайтера заключается в написании статей новостного, информационного или рекламного характера, то есть в наполнении содержанием (контентом) различных веб-сайтов. На сегодняшний день актуальными являются тысячи тем для копирайтов, как называют такие тексты, – это автомобили и комплектующие, компьютеры, техника, игры, путешествия и многое другое. Одна из главных задач копирайтера – интересное изложение сути темы для целевой аудитории сайта заказчика. Поэтому от качества работы копирайтера во многом зависит посещаемость и успех данного сайта, ведь посетитель в первую очередь ценит интересный, доступный и качественный текст.

В рерайтинге из исходного текста убираются все ненужные факты, при необходимости меняется стиль изложения, схема подачи информации, объем, добавляются какие-либо необходимые элементы. В результате работы рерайтера должен получиться абсолютно уникальный текст. Существуют специальные программы для определения уникальности рерайтов. Наиболее качественный рерайт имеет 100%-ную уникальность, но возможно снижение этой планки до 90–95%. В получившейся после рерайтинга статье не должно быть:

- фактических ошибок;
- вымыслов и домыслов рерайтера;
- комментариев рерайтера;
- личного мнения рерайтера;
- того, чего нет в тексте источника.

Качественный рерайт не будет ничем отличаться от копирайта, то есть от оригинальной статьи.

Пример качественного рерайта:

Было: Полы из разных пород древесины несколько тысячелетий украшают дома человека. Деревянные полы имеют множество преимуществ: они экологичны, способны хранить тепло, упруги под ногами, легки в обработке. Напольные покрытия из древесины по праву занимают ведущие позиции на рынке.

Стало: Уже на протяжении нескольких тысячелетий деревянные полы используются человеком для обустройства своего жилища. И это неспроста, ведь полы из различных пород древесины обладают такими неоспоримыми преимуществами, как экологичность, упругость, простота в обработке и способность сохранять тепло. Все это позволило деревянным полам занять ведущие позиции на мировом рынке напольных покрытий.

Оба вида данных сетевых текстов набрали популярность в связи с тем, что российская поисковая система начала применять меры для борьбы с массовым копированием контента, когда в Интернете стало появляться множество страниц, имеющих одинаковое наполнение.

Необходимо отметить, что копирайтинг и рерайтинг обладают определенными особенностями. Рекламный копирайтинг имеет перед собой задачу заинтересовать как можно большее

количество потенциальных покупателей. Однако рекламные тексты не должны выглядеть как реклама, поскольку потребители уже устали от нее. Перед копирайтером стоит задача донести информацию о товаре в такой форме, чтобы привлечь к ней внимание потенциальных потребителей, не вызывая при этом негативной реакции. Поэтому автор, пишущий рекламные тексты, должен подойти к их созданию как можно более творчески, привнести определенную новизну, способную привлечь внимание потребителя к товару, услуге либо самому сайту. А это довольно трудоемкая работа, требующая не только навыков написания качественных текстов, но также знания психологии человека для лучшего закрепления образов, преподнесенных в рекламном тексте, в сознании человека. При этом в рекламном копирайтинге пользователь никогда не встретит прямого призыва что-то приобрести, скорее, в статье повествуется о достоинствах товара по сравнению с аналогами.

SEO-копирайтинг – это особый вид копирайтинга, используемый для достижения лучших позиций веб-ресурса в поисковых результатах. Он включает в себя написанный контент, в котором с необходимой частотой повторяются ключевые слова и фразы. Поскольку поисковики с каждым днем становятся «умнее», то SEO-копирайтерам приходится писать тексты, учитывая множество новых факторов. В связи с этим еще одной специфической особенностью работы копирайтера и рерайтера становится вставка в новый текст необходимых ключевых слов и фраз. Как правило, это слова, напрямую относящиеся к деятельности сайта заказчика. Так, например, в текстах для сайта по ремонту автомобилей могут быть использованы такие ключевые словосочетания, как «ремонт автомобилей», «ремонт авто», «ремонт авто Москва» и т. п.. Зачастую в ключевых фразах слова могут не сочетаться друг с другом по падежу, поскольку повторяют наиболее частые запросы пользователей в поисковых системах. То есть пользователь, ищущий, где можно быстро и качественно отремонтировать машину в Москве, не будет писать в строке запроса поискового сайта: «Где я могу быстро и качественно отремонтировать свой автомобиль?», он напишет «Ремонт авто Москва». Одним из первых результатов будет вывод сайта, где именно эти словосочетания встречаются в статьях чаще всего. Поэтому именно в такой форме ключевые слова и должны быть введены в журналистский текст. Часто это доставляет копирайтерам и рерайтерам определенные трудности, ведь текст должен оставаться логичным и грамматически правильным. Однако и рерайтеры, и копирайтеры при создании статей должны органично использовать ключевые фразы, чтобы они не бросались в глаза посетителям сайта, но при этом играли свою необходимую роль при выдаче результатов поискового запроса.

Копирайты и рерайты не должны быть слиш-

ком большими, не более трех тысяч знаков, хотя возможны исключения. Это зависит от размера шрифта, которым написан текст на сайте, но желательно, чтобы текст занимал «один экран», то есть читался за один раз, без прокручивания мышкой страницы сайта вниз.

У журналиста и копирайтера разные подходы к сбору информации, кроме того, результаты работы их затрагивают по-разному. Если для копирайтера единственный вопрос, который возникает при этом, – величина гонорара, то для журналиста все гораздо серьезнее: от качества работы зависит его дальнейшая журналистская карьера. Исходя из сказанного, было бы неверным считать, что нельзя совмещать эти виды деятельности. Журналист может быть копирайтером, а копирайтер, при наличии определенных знаний, может выполнять работу журналиста. Несмотря на различия, между ними есть и много сходства.

Журналист пишет социально значимые статьи, которые интересуют читателя новизной фактов, изложенных в этих статьях, или эти факты имеют какое-то отношение к личной жизни читателя, либо к жизни близких ему людей. Для сбора информации журналист пользуется множеством каналов: видео- и фотосъемка, личные встречи, запрос официальных документов и т. д.

Копирайтер пишет рекламные статьи, основываясь на техническом задании (ТЗ), в них сведения о продукте или услуге искусно замаскированы для того, чтобы повысить спрос на данный продукт или услугу. Часто единственный источник информации для копирайтера – это ТЗ, выданное заказчиком. Бывает, что заказчик просит добавить в будущую статью «что-нибудь свое», от чего начинающие копирайтеры смущаются.

SEO-копирайтер – это тот же копирайтер, но совмещающий написание текста с добавлением в него ключевых слов или словосочетаний. Это необходимо для продвижения сайтов в поисковиках, относительно конкурирующих сайтов. Часто подобные тексты SEO-копирайтер пишет по собственной инициативе, основываясь на личном опыте. «Незаметное внесение» ключевых фраз, которые смотрятся иногда довольно коряво, – сложная работа, поэтому она и ценится немного выше.

Отличие копирайтинга от журналистики состоит в том, что копирайт предполагает наличие в нем PR-составляющей. Иными словами, деятельность копирайтера нацелена на то, чтобы не просто донести до аудитории необходимую для нее информацию, а сделать это максимально эффективно с точки зрения рекламы и формирования положительного имиджа компании.

Рерайтер перерабатывает исходные статьи для того, чтобы получить отличающиеся друг от друга статьи. Текст может перерабатываться один раз или два-три и даже больше. Иногда бывает, что заказчик просит переработать статью не один десяток раз, и каждый раз по-другому, чтобы полу-

чить отличающиеся копии, которые потом будут опубликованы на разных сайтах. Иначе говоря, рерайтер не создает тексты, а только использует имеющуюся информацию.

В традиционных средствах массовой информации многие приемы, используемые в рерайтах и копирайтах, в связи с техническими особенностями просто не будут действовать.

Можно ли считать рерайты и копирайты журналистскими текстами нового образца?

Журналистский текст – это система выразительных средств: вербальных (словесных) и невербальных (оформление)⁷. Он несет в себе особый вид информации – журналистскую. Признаки хорошо написанного журналистского текста – ясность, живой язык, честность, точность, адекватность.

Журналистский текст обладает целым рядом признаков, содержащих в той или иной мере информацию об особенностях интерпретации окружающего мира журналистом⁸. Например, к таким качественным параметрам немецкий исследователь Г. Рагер относит объективность, форму подачи материала, актуальность, релевантность⁹. При этом исследователь отмечает большую методологическую сложность определения качественных параметров журналистского текста. Однако нам представляется возможным выяснить, насколько копирайт и рерайт отвечают этим признакам.

Нами было проанализировано 40 текстов – 20 копирайтов и 20 рерайтов – на сайтах samyi-samyi.ru, i-fakt.ru, vladrom.narod.ru, center-repair.ru, regaytik.ru, kakprosto.ru, что позволило определить, можно ли считать эти виды сетевых текстов журналистскими текстами.

1. Объективность. Под объективностью понимается способность журналиста в статье представить неискаженную картину мира.

Копирайт должен быть объективным, хотя в силу значительной рекламной составляющей в тексте, предполагающей продажу товара, услуги либо популяризацию сайта, объективность копирайта могла быть несколько смещена в нужную для заказчика сторону. Однако сегодня заказчики и авторы не допускают наличия в тексте субъективных точек зрения, способных нанести ущерб объективности текста, даже рекламного или заказного. Поэтому большинство современных копирайтов отвечают требованиям объективности, которая для них является одним из главных критериев.

Рерайт предполагает переработку оригинальной статьи без искажения фактов, приведенных в ней, и действительности в целом. Таким образом, рерайты также обладают объективностью.

2. Форма подачи материала.

Копирайт пишется с целью заинтересовать читателя, что совпадает с целью журналистского текста. Поэтому форма подачи материала в копирайтинге соответствует формам текстов, представ-

ляемых журналистами. Что же касается жанровых форм, то копирайт, так же как и журналистский материал, может быть информационным, аналитическим и художественно-публицистическим.

Форма подачи материала в *рерайтах*, как правило, не так тщательно проработана; авторы жертвуют ею в пользу уникальности текстов. Особенно это касается нескольких рерайтов, сделанных из одной оригинальной статьи.

Пример некачественного рерайта:

Оригинал:

«Злой волшебник Тирит решил открыть портал сил зла и навсегда погрузить землю во тьму. Вам предстоит отправиться в затерянный город, где находится крепость злодея. Но добраться до нее будет невероятно сложно. Чтобы победить злодея, необходимо разрушить все препятствия, сооруженные им на пути».

Рерайт:

«Игрок должен победить злого колдуна Тирита, устояв перед его чарами.

Игроку необходимо отправиться в затерянный город, где стоит замок чародея. Однако никто не говорит, что будет легко. Прежде чем прибыть к нужному месту, игроку нужно преодолеть немало трудностей»¹⁰.

3. Актуальность (доминирует настоящее время и вполне конкретная ситуация в определенном пространстве).

Копирайты описывают конкретные объекты, субъекты, товары или услуги (если копирайт рекламный), выступающие в настоящее время как актуальные; в этом и заключается их ценность как авторских текстов.

Рерайты также соответствуют требованиям актуальности, поскольку преследуют ту же цель, что и копирайты, – привлечь внимание пользователя к каким-либо актуальным в настоящее время объектам, субъектам, товарам или услугам.

4. Релевантность – соответствие между информационными запросами аудитории и полученным ею сообщением. Релевантность для интернет-ресурсов имеет особое значение. Релевантным называется документ или страница в Интернете, которая формально соответствует сути сделанного через поисковую систему запроса.

Качественный *копирайт* написан по правилам и с добавлением ключевых слов и является релевантным, то есть его содержание отвечает запросам аудитории.

Зачастую *рерайтеры* добавляют ключевые слова в тексты, имеющие к данным словам только опосредованное отношение, что приводит к нерелевантности созданных ими рерайтов.

Мы видим, что копирайты имеют все четыре признака журналистских текстов, рерайты – только два из четырех. Таким образом, можно сделать

вывод, что копирайт является новым видом журналистики, а рерайтинг – нет. По аналогии с текстами в печатных изданиях копирайты можно сравнить с заказными, рекламными и продающими статьями, так как они привлекают внимание читателя либо к товару, либо к сайту. Рерайты же являются не авторскими статьями, а переработками уже существующих текстов, скорее, их можно назвать особым видом сетевых текстов. В традиционных средствах массовой информации многие приемы, используемые в копирайтах и рерайтах, в связи с техническими особенностями просто не будут действовать.

Нельзя отрицать того факта, что сегодня журналистика меняется, все более подчиняясь законам сетевого пространства. Однако в силах самих журналистов сделать сетевые СМИ качественными, интересными, актуальными каналами получения информации.

Примечания

- 1 См.: Новости дня на сайте «Подробности». URL: <http://podrobnosti.ua/internet/2012/01/21/815850.html> (дата обращения: 22.07.2012).
- 2 Левада Ю. Общественное мнение у горизонта столетий // Неприкосновенный запас. 2001. № 1 (15). URL: <http://magazines.russ.ru> (дата обращения: 14.06.2010).
- 3 Акопов А. Глобальное средство массовой информации // Мир медиа XXI. 1999. № 1. С. 5.
- 4 Муратова Н. Интернет-СМИ как отдельный вид в системе средств массовой информации : лексическое и этимологическое обозначение понятия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2010. № 2 (6). URL: <http://www.gramota.net/materials/2/2010/2/31.html> (дата обращения: 15.07.2012).
- 5 См.: Корконосенко С. Основы журналистики : учебник для вузов. М., 2002. С. 102.
- 6 Проект Постановления Правительства РФ «О государственной регистрации средств массовой информации, использующих для распространения информации глобальные информационные сети». URL: <http://deadline.ru> (дата обращения: 07.04.2011).
- 7 См.: Лазутина Г. Основы творческой деятельности журналиста. М., 2004. URL: <http://evartist.narod.ru/text6/42.htm> (дата обращения: 20.04.2011).
- 8 См.: Богуславская В. Журналистский текст как термин и как понятие. RELGA, № 5 (95). 01.07.2004. URL: <http://www.relga.ru/Environ/wa/Main?textid=187&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 15.07.2012).
- 9 См.: Rager G. Qualitat in der Zeitung. Ergebnisse erster Untersuchungen // Redaktion 1994. Almanach für Journalisten / red. M. Begemann, B. L. Floper. Bonn, 1993. S. 165–170.
- 10 Рерайт – переписывание статей. URL: <http://reraytik.ru/primeri/21-primer-16.html> (дата обращения: 10.08.2012).

ХРОНИКА

МЕЖДУНАРОДНЫЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ «Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И ЕГО ЭПОХА»

А. А. Демченко

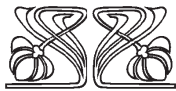
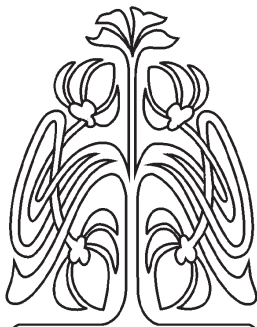
Саратовский государственный университет
E-mail: adema4@yandex.ru

24–25 октября 2013 г. в музее-усадьбе Н. Г. Чернышевского состоялись проводимые ежегодно международные научные чтения «Н. Г. Чернышевский и его эпоха», XXXV по счету. На этот раз они были посвящены 185-летию со дня рождения писателя. Чтения проводились совместно с Институтом филологии и журналистики и философским факультетом Саратовского государственного университета.

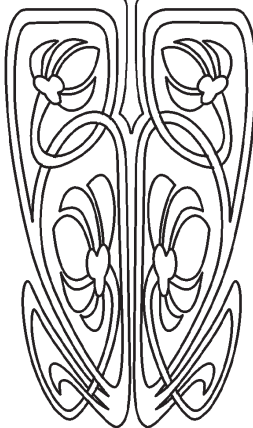
Открывшая конференцию директор музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского **Г. П. Муренина** приветствовала гостей и других участников чтений. Научное собрание она охарактеризовала как авторитетное свидетельство растущего интереса к биографии и творческому наследию великого писателя-демократа. С приветственным словом к собравшимся обратился заместитель главы администрации МО «Город Саратов» по социальной сфере **В. В. Дубривный**. Профессором ИфиЖ СГУ А. А. Демченко, который повел пленарное заседание, было зачитано присланное из Японии обращение профессора университета Саппоро Оя Она, многолетнего участника саратовских конференций.

Пленарное заседание началось выступлением доктора филологических наук, профессора **Б. Ф. Егорова** (Санкт-Петербург, Институт истории РАН). В его докладе «Забывшие ценные отзывы консерваторов 1860-х гг. о Чернышевском» речь шла о высказываниях по поводу романа «Что делать?», принадлежавших религиозному философу А. М. Бухареву (о. Феодору), который, не разделяя политических убеждений автора, тем не менее, находил в романе много светлых, нравственных мыслей, близких христианскому учению, а также суждениях другого религиозного деятеля, консервативного представителя православной церкви П. П. Цитовича, приписывавшего героям романа разрушительные идеи, и реакционного публициста В. И. Аскоченского, откровенно призывавшего к расправе с писателем.

В своем докладе «Что значил разумный эгоизм Чернышевского в общинной стране?» доктор философских наук, профессор **В. К. Кантор** поставил вопрос, как совместить идею разумного эгоизма, то есть личной пользы, с идеей радикальной общинности, на основе которой народники думали совершить революционный переворот. Докладчик показал, что Чернышевский не был тем страшным революционером, каким его воспринимали и в царское, и в советское время, что эта роль была ему навязана охранкой. Самодержавие, как это ни парадоксально, больше боялось духовной независимости Чернышевского, нежели реальных радикалов. Во всяком случае, духовная независимость разумного эгоиста была приравнена к революционным призывам лондонского эмигранта Герцена. Лондонский призыв к топору поэтому был приписан Чернышевскому. Это оказалось выгодно и охранке, и сталинской философии, искавшей радикальных предшественников. Длительное каторжное заключение Чернышевского как бы подтверждало этот миф. На самом деле он строил иную схему: идея разумного эгоизма (несмотря на бросающийся в глаза утилитаризм) говорила о необходимости человека быть независимой личностью, которая ищет свою выгоду в счастье других. Когда все свободны и счастливы, то хорошо и разумному эгоисту. Именно независимости личности Чернышевский ждал от

ПРИЛОЖЕНИЯ

общины (в будущем, разумеется), ибо иных структур, как ему казалось, которые могли бы защитить личность в авторитарном государстве, в стране не было. К несчастью, его проект был воспринят как идея разрушительная, а не созидательная.

Директор культурной ассоциации «Русский мир», автор нескольких книг **Анна Роберти** (Турин, Италия) в докладе «Итальянские издания “Что делать?”» рассказала об успехах романа в ее стране, где начиная с 1875 г. роман переводился на итальянский и французский языки, сообщила сведения о соответствующих переводчиках и издательствах. В заключение участникам чтений были показаны фрагменты итальянской телевизионной 5-серийной постановки 1979 г. о романе Чернышевского, доступной ныне в сети Internet (1-я часть <http://www.youtube.com/watch?v=zAiUOLczoZw&feature=youtu.be>; 2-я часть <http://www.youtube.com/watch?v=yWMW9Aw6ymw&feature=youtu.be>; 3-я часть <http://www.youtube.com/watch?v=53IDE4LDNZI&feature=youtu.be>; 4-я часть <http://www.youtube.com/watch?v=XCIYhoAmnx0&feature=youtu.be>; 5-я часть <http://www.youtube.com/watch?v=8uOaHqXVPAo&feature=youtu.be>).

Аспирант университета Сент-Эндрюс **Томас Джон Роллингс** (Шотландия) поделился наблюдениями о проблемах восприятия творчества Чернышевского в Англии. В частности, сообщено о публичной защите в 2011 г. докторантом кафедры русской литературы Оксфордского университета М. И. Вайсман диссертации на тему «Мелодраматическая модальность в романе Н. Г. Чернышевского “Что делать?”».

Почетный профессор университета префектуры Анти (Нагоя), магистр исторических наук **Каго Сиро** (Япония) рассказал о своем участии 6 апреля 2012 г. в праздновании в московском Доме-музее Герцена 200-летней годовщины со дня рождения великого русского мыслителя, ознакомил с содержанием монографии профессора Мицуо Наганава «А. И. Герцен: его жизнь и творчество», опубликованной в Японии в ознаменование славной даты. Экземпляр книги на японском языке был преподнесен профессором в дар музею Н. Г. Чернышевского. Им же был осуществлен перевод на японский язык «Былого и дум» Герцена (издано в 1998–1999 гг.). Докладчик приветствовал изучение Чернышевского в других странах, в том числе в Японии и Италии, и выразил надежду на дальнейшее ведение диалога о наследии писателя в России и в Европе.

Продолжение пленарного заседания состоялось после перерыва, в который участники конференции возложили цветы на могилу Н. Г. Чернышевского на Воскресенском кладбище. Доктор филологических наук, профессор ИфиЖ СГУ **А. А. Демченко** в докладе «Журналистика и власть в эпоху Чернышевского: риски сосуществования» привел с опорой на архивные данные документы, свидетельствующие о четком понимании высшими правительственными чиновниками

(в частности, министром народного просвещения А. В. Головинным, членом Государственного совета А. В. Суворовым) значения растущего в России общественного мнения, выражаемого журналами и газетами. Докладчик привел примеры цензурной политики властей, ограничивающих свободу печати, и сильного, часто рискованного противостояния отечественной журналистики нескончаемым придирам цензоров, действия которых, контролируемые органами надзора, также протекали в условиях своеобразного риска.

Доктор филологических наук, профессор ИфиЖ СГУ **А. А. Гапоненков**, выступивший на тему «Вл. С. Соловьев в восприятии С. Л. Франка (1949–1950 гг.)», исходил из того, что эсхатологические мотивы Соловьева последних лет жизни нашли у Франка особый отклик. Он называл их «изумительным предвидением катастрофической эпохи, в которой мы теперь живем». Русский философ в Лондоне составил книгу для англоязычного читателя «A Solovyov Anthology» (London, 1950), а статьей «Духовное наследие Владимира Соловьева» (1950) завершает свое философское творчество. Важным подтверждением рецепции соловьевского наследия для послевоенного мира являются «Три разговора» Франка о Соловьеве, опубликованные в журнале «The Listener» (1949). Упомянутые источники свидетельствуют об интересе Франка, прежде всего, к религиозным выводам из соловьевских пророчеств о катастрофичности XX в., торжестве демонических сил и все еще углубляющемся кризисе «всечеловеческой солидарности».

Пленарное заседание завершилось выступлением доцента ИИМО СГУ **О. В. Кучуковой** на тему «Реформы или революция? (из опыта осмысления истории Франции XVIII в. в контексте общественно-политической жизни России середины XIX в.)». В центре внимания – обсуждение русской публицистикой нового сочинения известного французского историка и политического мыслителя А. Токвиля «Старый порядок и революция» (1856), посвященного выяснению исторических предпосылок Великой Французской революции. Напрашивавшаяся аналогия предреволюционной Франции и России после Крымской войны, так же как идейно-тематическое поле дискуссий о соотношении реформ и революций, превращали сочинение Токвиля в злободневное чтение для русского образованного общества. Наиболее распространенной была либеральная версия, гласившая, что реформы и существуют для того, чтобы предотвращать революции. Особые споры вызвало мнение Токвиля о крайней политической централизации, существовавшей, по его мнению, в предреволюционной Франции. В дискуссии приняли участие либералы Б. Н. Чичерин и М. Н. Катков, демократ Н. Г. Чернышевский. Историк С. М. Соловьев емко и образно сформулировал вывод о реформаторских рисках в историческом опыте России: «Преобразования

проводятся успешно Петрами Великими, но беда, если за них принимаются Людовики XVI и Александры II. Преобразователи вроде Петра Великого при самом крутом спуске держат лошадей в сильной руке и экипаж безопасен, но преобразователи второго рода пускают лошадей во всю прыть с горы, а силы сдерживать их не имеют, и потому экипажу предстоит гибель».

Докладчики первого и второго дня чтений продолжили обсуждение проблем, прозвучавших на пленарном заседании.

Ряд выступлений был посвящен вопросам мировоззрения Н. Г. Чернышевского и некоторых из его современников.

Доктор философских наук, профессор СГУ **С. П. Позднева** свой доклад ««Антропологический принцип в философии» Н. Г. Чернышевского и современность» построила на основе сближения взглядов автора, рассуждавшего не только о физических, но и нравственных началах в человеке – о добре и зле (добро есть превосходная степень пользы), об эгоизме, о наличии сознания у высших животных (у животных есть сознание, но нет самосознания) и т. д., с актуальными по сей день представлениями о философской антропологии – развивающейся науке о сущности и сущностной структуре человека, о его отношениях к природе, обществу, другим людям, самому себе, о его происхождении, о социальных и метафизических основаниях его существования, об основных категориях и законах его бытия. Работа русского философа – настоящий гимн естествознанию, «точным наукам», которые помогают гуманитарному знанию в освоении человека, и мысль о тесном взаимодействии гуманитарных наук и естествознания – самая привлекательная здесь идея. Н. Г. Чернышевский был прав: диалог естественных и гуманитарных наук о сущности человека продолжается.

Аспирант НИУ Высшей школы экономики (Москва) **Е. В. Бессчетнова** («Диалог В. С. Соловьева и Н. Г. Чернышевского о прекрасном») проследила, как два далеких друг другу как по своим идеям, так и временным рамкам русских мыслителей, Н. Г. Чернышевский и Вл. С. Соловьев, пришли к схожему восприятию понятия прекрасного. Основные положения своей эстетики Н. Г. Чернышевский сформулировал в магистерской диссертации «Эстетическое отношение искусства к действительности», главным тезисом которой стало утверждение «Прекрасное есть жизнь». Для Чернышевского важно было дать понять, что «прекрасно то существо, в котором видим мы жизнь такую, какова должна быть она по нашим понятиям». Красота действительной жизни выше красоты созданий художественных фантазий. Истинную жизнь он связывает с жизнью ума и сердца. Обратившись к эстетике Вл. Соловьева, мы также поймем, что утверждение Чернышевского «Прекрасное есть жизнь» также значимо для философа. Соловьев отвергает ис-

кусство в том случае, если оно простое отражение реальной жизни. Настоящая красота и настоящее искусство – это и есть жизнь, в рамках которой происходит преображение человека.

На культурологических аспектах воззрений Чернышевского сосредоточилась доктор философских наук, профессор СГУ **Е. В. Листвина** в докладе «Н. Г. Чернышевский и тренды отечественной культуры». Эти связи с современными культурогемами подчеркнула кандидат философских наук, доцент СГУ **Н. П. Лыскова** в докладе «Н. Г. Чернышевский о культурной самоидентификации человека». Суждения Чернышевского свидетельствуют не только о динамике его мировоззрения, но и позволяют включить их в современное русло исследования данной проблематики. Эмпирическое становление культурной самоидентификации человека, как следует из произведенного дискурсного анализа его произведений, опирается на интеграцию объективных и субъективных источников изменения в человеке. При этом внутреннее ощущение самоотличия человека осуществляются под влиянием осмысления внешних обстоятельств, тогда как внешние факторы воздействуют на него в связи с их внутренним переосмыслением. Диалектика процесса культурной самоидентификации человека такова: одновременно осуществляется его внутреннее созревание, взросление, социализация, которые, в свою очередь, продолжают в полной мере влиять на саморазвитие индивида и на практическое изменение им окружающей среды обитания.

С мировоззрением Чернышевского связала свое выступление «Понимание гражданственности в трудах Н. Г. Чернышевского» кандидат социологических наук, доцент Саратовской государственной юридической академии **Н. Ю. Кравченко**. Проблема может отслеживаться через деятельность индивида (служение обществу), его биографию, публично высказывание о гражданской позиции. В методологическом плане, полагает докладчица, это можно представить как схему: «делает, думает, чувствует». Сложные социальные реалии и взаимодействия приводят к неизбежным выражениям в переменах идентичности индивидов, и, как следствие, в настоящее время мы часто сталкиваемся с явлением неконгруэнтности дел, мыслей и чувств. В писательской деятельности, например, Чернышевский не только критикует существующий строй и порядки – в романе «Что делать?» он предлагает пусть и утопическую, но программу действий, намечая через освобождение индивида выход к свободе всего будущего общества. В гражданственности Чернышевского – слитность дел, мыслей и чувств. Она подтверждается всем делом его жизни, биографией писателя, проявляется в непрерывном процессе его «свободного служения» обществу.

Значительная группа сообщений отразила литературную тематику эпохи Чернышевского.

«Ф. И. Тютчев в оценке Н. Г. Чернышевского» – доклад кандидата филологических наук, доцента ИФиЖ **Н. В. Новиковой**, связавшей частный вопрос с методологическим осмыслением поэзии как области литературы в теоретическом сознании и литературно-критической практике «разрушителя эстетики». В разножанровых произведениях Чернышевского речь в большей или меньшей степени идет о двух десятках российских поэтов первой половины и середины XIX в. Однако поэтические пристрастия идеолога революционной демократии не вызывали, за редким исключением, заметного интереса исследователей. А между тем, полагает докладчица, должное внимание к непосредственному читательскому восприятию и к аналитической рецепции, производной от мировоззренческой картины мира, будет, с одной стороны, способствовать воссозданию полноты представлений о личностном и творческом облике ведущего сотрудника «Современника», с другой – позволит различить дополнительные оттенки в портрете поэта, создававшемся на фоне эпохи 1850–1860-х гг. За единичными обращениями Чернышевского, по его словам, к «прекрасным стихотворениям г. Тютчева» – в обзоре журналов, двух рецензиях, письмах, в «Повестях в повести», в комментариях к переводу книги английского историка Кинглека о Крымской войне 1853–1856 гг. – «потребности сердца», перед которыми отступают «убеждения», глубинное проникновение в сердцевину художественного мира «истинного поэта», наслаждение красотой и силой его «чистого искусства», притягательного для души и ума, предвосхищение его востребованности в будущем.

Проблеме интерпретации литературного произведения в критике уделила внимание кандидат филологических наук, доцент ИФиЖ СГУ **В. В. Смирнова**, рассмотревшая «Образ Жадова в комедии А. Н. Островского «Доходное место»: трактовка Н. Г. Чернышевского и авторский замысел». Устанавливается эволюция в оценках образа Жадова от первых откликов на комедию А. Н. Островского в статьях Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, которые отказывали персонажу в героизме, до позднейших откликов Е. И. Утина, А. Ф. Кони и других, обнаруживших в новую эпоху общественного подъема 1870-х гг. героические стороны его характера. Выявляется степень соответствия этих истолкований авторскому замыслу комедии.

Научный сотрудник Научного издательства «Большая Российская энциклопедия» (Москва) **В. В. Темяков** ознакомил с редкими биографическими материалами, составившими содержание его доклада «Неоднозначный интерес к писателю Н. В. Успенскому в последующих поколениях». Известна критическая статья Чернышевского о рассказах Н. В. Успенского под названием «Не начало ли перемены?» (1862), наметившая для отечественной литературе перспективу развития

в изображении крестьянской темы, ориентируясь на «правду без прикрас».

Кандидат филологических наук, доцент ИФиЖ СГУ **О. А. Хвостова** в докладе «М. Н. Катков и Фарнгаген фон Энзе о Пушкине» обратила внимание на «Отзыв иностранца о Пушкине» – перевод Катковым монографической статьи («Отечественные записки». 1839. Т. 3, кн. 5) немецкого критика, историка, публициста, дипломата на прусской государственной службе, умеренного либерала К. А. Фарнгагена фон Энзе, которая послужила истоком позднейших замыслов Каткова о Пушкине. Впервые после смерти поэта и задолго до пушкинской речи Ф. М. Достоевского Фарнгаген выдвинул идею *универсальности* пушкинского духа, обогащающего и свою, и мировую культуру. Мысль о «всемирном значении» Пушкина – сквозная в литературной критике Каткова. Вслед за Фарнгагеном, опровергавшим представление о подражательности пушкинского творчества, Катков в программной статье «Пушкин» (1856) последовательно отстаивает оригинальность даже тех сочинений поэта, которые испытали «байронические влияния». Эстетические принципы, теоретико-литературные взгляды критика подтверждаются глубоким проникновением в художественный мир Пушкина, наблюдениями над конкретными произведениями разных жанров (лирика, поэма, роман, драматургия). Катков возвращается к своей юности, к вопросам, поднятым в его переводе статьи Фарнгагена, принципам романтической критики, которые он уже переосмыслил.

И. В. Пырков, кандидат филологических наук, доцент Саратовской государственной юридической академии, в докладе ««Духовные крестные русской литературы» (к вопросу о первых учителях будущих писателей-классиков)» осветил тему духовного наставничества и, в более узком смысле, духовного первоначального образования, оказавшего огромное влияние на многих передовых представителей отечественной словесности. При этом делается попытка проиллюстрировать подспудную взаимосвязь непосредственных детских впечатлений тех или иных писателей и построений их художественного мировидения. Многочисленные биографические факты, зачастую лежащие на поверхности, свидетельствуют о том, что священники, дьячки, церковные служки, пономари, просто глубоко верующие члены семей зачастую были как раз теми, в большей или меньшей мере образованными, людьми, которые прививали любовь к искусству и тягу к творчеству своим – впоследствии знаменитым – ученикам. Отец Михаил учил Салтыкова-Щедрина, священник Фёдор Троицкий – Ивана Гончарова, дьячок Фёдор Листов – Даниила Мордовцева, протоиерей Сергиевской церкви Гавриил Иванович Чернышевский – будущего автора «Что делать?». Новизна исследовательского взгляда заключается, впрочем, не столько в перечислении подобных,

пусть и важных, деталей биографии, сколько в выявлении и обосновании порой кажущихся неожиданными параллелей между духовным, а порой и религиозным учительным началом и идейно-эстетическими исканиями писателей-классиков, продолжающих в своём творчестве искать ответы на вечные – «детские» – вопросы.

Названия стендовых докладов докторов философии Института археологии и этнографии Национальной академии наук **Т. С. Шахбазова** и **Э. А. Каримова** (Азербайджан) «Н. Г. Чернышевский и азербайджанская культура XIX века» и преподавателя, аспиранта Ереванского государственного университета **М. И. Абдулян** (Армения) «Н. Г. Чернышевский в связях с армянской литературой» вполне отражают содержание присланных на конференцию материалов.

Традиционно в сфере внимания исследователей – роман «Что делать?». Кандидат юридических наук, доцент СГУ **Л. М. Лазанчина** в докладе «Н. Г. Чернышевский – мой современник» акцентировала экономическую составляющую произведения. С начала XXI в. активно развивается научное направление, именуемое экономической политологией. Его называют новым, но на самом деле это только новые формы давно открытого треугольника, по которому, спиралевидно развиваясь, движется человечество: экономика – политика – право. Политика – концентрированное выражение экономики, право – концентрированное выражение политики, право воздействует на экономику, так как любые экономические преобразования совершаются правовым путем. И в этом новом направлении индикатором уверенности служит указание Чернышевского на главнейшую роль правительства в развитии экономики – правительство обязано «удалять от народной жизни все препятствия действию экономических принципов». За такие высказывания он подвергался многочисленной, даже насмешливой критике (не дело, мол, писателю указывать правительству, как вести дела). Но такими высказываниями Чернышевский еще 150 лет назад определил необходимость единства экономики и политики. Этим в настоящее время и занимается экономическая политология, разрабатывающая формы и виды государственно-частного партнерства – наука об общих закономерностях отношений бизнеса с государством и обществом. Как экономист Николай Гаврилович на примере работы мастерской Веры Павловны показал и разъяснил, как на реальной основе может быть построено производство, базирующееся не на эксплуатации наемного труда, не на угнетении и подавлении человека, а на принципах равенства, взаимоуважения. За это автора называли утопистом. Но он не был утопистом. Он предвосхитил разрешение основного противоречия капитализма – общественной формы труда и частного способа присвоения.

Д. С. Пащенко, студентка философского факультета СГУ, в докладе «Женский вопрос в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?»» рассмо-

тrelа чрезвычайно популярную в 1850–1860-х гг. тему раскрепощения женщины применительно к системе женских персонажей романа Чернышевского.

Студент ИИМО СГУ **Р. Р. Джаббаров** в докладе «Влияние гимназического образования на формирование взглядов Л. А. Тихомирова и его товарищей» затронул проблему нравственного воздействия идей романа «Что делать?» в условиях крупных социальных сдвигов в сознании русского общества, когда верующие дети из консервативных семей становились радикалами и уходили в революцию, как, например, видный народник 1870-х гг. Л. А. Тихомиров (1852–1923), первоначально воспитывавшийся в духе преданности монарху и религии.

«Книжные иллюстрации к роману Н. Г. Чернышевского “Что делать?” как учебно-научный проект» – тема **В. В. Кирюшкиной**, кандидата исторических наук доцента культурологии СГТУ, и ее магистрантов **Е. В. Швыряевой**, **А. Б. Чернодед**, **Д. М. Петруниной**, **Т. А. Коноваловой**. Опираясь на историю книжной иллюстрации, авторы подчеркивают значимость этого вида искусства как незаменимого материала, демонстрирующего различные интерпретации вербального текста книги через визуальные коды. С подобными художественными прочтениями мы сталкиваемся и в иллюстрированных изданиях романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?», появившихся на протяжении советского периода. Иллюстрации к роману от работ Владимира Алексеевича Милашевского (1937) до произведений Владимира Николаевича Минаева (1976) демонстрируют специфику этого вида творчества как индивидуального восприятия художником текста романа, так и социокультурную трансформацию советского общества (читателя) на протяжении этого времени.

На этом фоне диссонансом прозвучал доклад доктора философских наук, профессора СГУ **В. В. Афанасьевой**, отказавшей роману в какой бы то ни было положительной оценке. По убеждению автора доклада, персонажи произведения Чернышевского, называемые «новыми людьми», в действительности бездельные люди, проводившие время в комических ситуациях семейных отношений и бесполезных разговорах, демонстрируя полную неспособность к серьезным размышлениям и труду. Роман, полагает докладчик, не имел ни художественного, ни социального значения.

Ни одна саратовская научная конференция по Чернышевскому не обходится без освещения «пыпинской» темы. Сведения о современном изучении А. Н. Пыпина доложил в докладе «А. Н. Пыпин в российской историографии постсоветского периода» старший научный сотрудник Саратовского музея Н. Г. Чернышевского **А. С. Озерянский**. Биографический аспект затронула аспирант ИИМО СГУ **М. А. Силашина** в докладе «Б. Б. Глинский о А. Н. Пыпине». Перу известного публициста и ав-

тора книги «Среди ученых и литераторов» принадлежало опубликованное в журнале «Исторический вестник» (1905) жизнеописание молодого Пыпина с опорой на редкие документы, в частности на его переписку с однокашником по саратовской гимназии Д. Л. Мордовцевым. Сложную историю получения Пыпиным, двоюродным братом опального Чернышевского, звания академика рассказала заместитель директора научной библиотеки Российского государственного социального университета **Е. П. Воронина** (Москва) в докладе «А. Н. Пыпин и Императорская академия наук». Творческой ипостаси академика посвящен присланный в музей доклад кандидата филологических наук, доцента Могилевского государственного университета **Г. С. Черновой** (Беларусь) «А. Н. Пыпин и Ф. М. Достоевский. Опоненты или единомышленники?». Первый как сотрудник «Современника» исповедовал теорию общественной значимости искусства, и, полагает докладчик, однако, не без влияния «теоретиков» в статьях Достоевского, постоянного оппонента «Современника», появляется утверждение, что «искусство всегда современно и действительно, и ничем иным не может быть по своей природе». Можно также усмотреть аналогии в высказываниях писателя и ученого о соответствии форм искусства определенным эпохам общественного развития. С годами расхождения увеличивались, и в дискуссиях о роли «этики» и «эстетики», «народности» в искусстве им не всегда удавалось избегать крайностей. И все же, согласно выводу докладчика, нельзя не признать, что в результате этих дискуссий вырабатывался важный в своем объективном выражении методологический принцип: оценка художественных произведений в двух аспектах – конкретно-историческом и вневременном, что вносило заметный вклад в развитие русской филологии.

Литературно-краеведческая и музейная проблематика, также традиционная для ежегодных научных чтений, нашла отражение в докладах кандидата исторических наук, доцента, заведующего сектором музея Н. Г. Чернышевского **В. А. Дьяконова** «Краеведческие заметки Н. Г. Чернышевского», где материалом в основном послужила «Автобиография» писателя; кандидата исторических наук, научного сотрудника музея Н. Г. Чернышевского **И. Е. Захаровой** «Неопубликованная статья А. А. Лебедева о Г. И. Чернышевском “Отец

Чернышевского”»; старшего научного сотрудника музея Н. Г. Чернышевского **П. П. Послушаева** «“Я буду рад, если каждая строка, написанная Николаем Гавриловичем, увидит... свет...” (Из переписки Н. А. Алексеева с Н. М. Чернышевской 1920–30-х гг.); учителя истории и обществознания МОУ СОШ № 84 (Саратов) **С. М. Руфина** «Религиозные движения второй половины XIX века в Саратовском крае».

Доклад **Г. А. Дмитриевской**, заместителя директора по научной работе Государственного литературно-мемориального музея Н. А. Добролюбова (Нижний Новгород) «Гражданско-патриотическая работа с молодежью в православных просветительских проектах Государственного литературно-мемориального музея Н. А. Добролюбова». Работа по этому направлению расширяет свое пространство, выходит на новый уровень взаимосвязей. Немаловажная роль в проектах «Семья – малая родина – Отчизна», «Талант быть русским», «Сыны Отечества» отводится примерам гражданского и патриотического служения самого Н. А. Добролюбова, его земляков и сподвижников. Программы включают циклы занятий «Отечества достойный сын», «Патриотизм доказывается делом», «Пример, достойный подражания», «Их именами гордится Россия» и других, в числе которых лектории, диалог-клубы, встречи, тематические и театрализованные экскурсии, литературные концерты и спектакли, передвижные и стационарные выставки, творческие мастерские, а также семинары и мастер-классы для специалистов и волонтеров из Нижнего Новгорода и Нижегородской области, круглые столы. Они способствуют развитию чувства гордости за свою родину, созданию в сознании молодых крепкой духовной связи в цепи «я – мое будущее – Россия».

Конференцию завершила творческая встреча с Владимиром Карловичем Кантором, крупным философом с мировым именем, литературоведом, прозаиком, автором ряда монографий и романов. На эту встречу, кроме участников конференции, пришли преподаватели и студенты вузов Саратова, учителя гимназий и лицеев. Увлекательно, сопровождая рассказ презентацией, В. К. Кантор ввел слушателей в детали своей работы над книгой о выдающемся русском философе XX в. Ф. А. Степуне.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акульшина Ольга Александровна – аспирант кафедры русского языка и речевой коммуникации Саратовского государственного университета. E-mail: polise1988@rambler.ru

Викторова Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Саратовского государственного университета. E-mail: helena_v@inbox.ru

Волоконская Татьяна Александровна – аспирант кафедры общего литературоведения и журналистики Саратовского государственного университета. E-mail: svilga@yandex.ru

Григорьева Кристина Александровна – аспирант кафедры зарубежной литературы и журналистики Саратовского государственного университета. E-mail: grigoryevakristina@gmail.com

Демченко Адольф Андреевич – доктор филологических наук, заведующий кафедрой литературы и методики преподавания Саратовского государственного университета. E-mail: adema4@yandex.ru

Дронова Татьяна Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры новейшей русской литературы Саратовского государственного университета. E-mail: tida52@mail.ru

Завьялова Елена Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Астраханского государственного университета. E-mail: zavyalovaelena@mail.ru

Захаров Кирилл Михайлович – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего литературоведения и журналистики Саратовского государственного университета. E-mail: zahodite@list.ru

Кислина Мария Сергеевна – аспирант кафедры истории русской литературы и фольклора Саратовского государственного университета. E-mail: mariyakislina@rambler.ru

Костенко Евгения Васильевна – аспирант кафедры журналистики Марийского государственного университета (Йошкар-Ола). E-mail: kostenko-zhenya@yandex.ru

Кравчук Татьяна Юрьевна – аспирант кафедры русского языка и речевой коммуникации Саратовского государственного университета. E-mail: kravchuktanya30@rambler.ru

Леонова Елена Владимировна – аспирант кафедры немецкого языка и методики его преподавания Саратовского государственного университета. E-mail: leonowajelena@gmail.com

Матяшевская Ангелина Игоревна – аспирант кафедры русского языка и речевой коммуникации Саратовского государственного университета. E-mail: angelinacaribe@gmail.com

Новоженова Зоя Леонидовна – доктор филологических наук, профессор кафедры восточнославянских языков и переводоведения Института восточнославянской филологии Гданьского университета. E-mail: zln@tlen.pl

Павлова Светлана Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы и журналистики Саратовского государственного университета. E-mail: pavlovasy@info.sgu.ru

Родионова Татьяна Вячеславовна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Саратовского государственного медицинского университета. E-mail: rodionovatv2011@mail.ru

Рясов Даниил Леонидович – аспирант кафедры общего литературоведения и журналистики Саратовского государственного университета. E-mail: ryasow@mail.ru

Силашина Мария Александровна – аспирант кафедры общего литературоведения и журналистики Саратовского государственного университета. E-mail: 90masha@mail.ru

Скафтымова Людмила Александровна – доктор искусствоведения, профессор кафедры истории русской музыки Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова. E-mail: lskaft@mail.ru

Соловьёва Мария Михайловна – аспирант кафедры общего литературоведения и журналистики Саратовского государственного университета. E-mail: markuz89@yandex.ru

Тимашова Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы и фольклора Саратовского государственного университета. E-mail: kirlif@info.sgu.ru

Трухина Мария Викторовна – аспирант кафедры общего литературоведения и журналистики Саратовского государственного университета. E-mail: maruska-08@yandex.ru

Тупикова Светлана Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики его преподавания факультета иностранных языков и лингводидактики Саратовского государственного университета. E-mail: tupikovase@mail.ru

Шеленок Михаил Алексеевич – аспирант кафедры новейшей русской литературы Саратовского государственного университета. E-mail: shelenomishka@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Akulshina Olga Alexandrovna – Graduate Student, Chair of the Russian Language and Speech Communication, Saratov State University. E-mail: polise1988@rambler.ru

Demchenko Adolf Andreevich – Doctor of Philological Sciences, Head of the Chair of Literature and Methods of Teaching, Saratov State University. E-mail: adema4@yandex.ru

Dronova Tatiana Ivanovna – Candidate of Philology, Chair of the Modern Russian Literature, Saratov State University. E-mail: tida52@yandex.ru

Grigoryeva Kristina Alexandrovna – Graduate Student, Chair of Foreign Literature and Journalism, Saratov State University. E-mail: grigoryevakristina@gmail.com

Kislina Maria Sergeevna – Graduate Student, Chair of the History of Russian Literature and Folklore, Saratov State University. E-mail: mariyakislina@rambler.ru

Kostenko Evgenia Vasilyevna – Graduate Student, Chair of Journalism, Mari State University (Yoshkar-Ola). E-mail: kostenkozhenya@yandex.ru

Kravchuk Tatyana Yuryevna – Graduate Student, Chair of the Russian Language and Speech Communication, Saratov State University. E-mail: kravchuktanya30@rambler.ru

Leonova Elena Vladimirovna – Graduate Student, Chair of the German Language and Methods of Teaching, Saratov State University. E-mail: leonowajelena@gmail.com

Matyashevskaya Angelina Igorevna – Graduate Student, Chair of the Russian Language and Speech Communication, Saratov State University. E-mail: angelinacaribe@gmail.com

Novozenova Zoya Leonidovna – Doctor of Philology, Professor, Chair of Eastern Slavonic Languages and Translation Theory, Institute of Eastern Slavonic Philology, University of Gdansk. E-mail: zln@tlen.pl

Pavlova Svetlana Yuryevna – Candidate of Philology, Chair of Foreign Literature and Journalism, Saratov State University. E-mail: pavlovasy@info.sgu.ru

Rodionova Tatiana Vyacheslavovna – Senior Lecturer, Chair of Foreign Languages, Saratov State Medical University. E-mail: rodionovativ2011@mail.ru

Ryasov Daniil Leonidovich – Graduate Student, Chair of General Literary Criticism and Journalism, Saratov State University. E-mail: ryasow@mail.ru.

Shelenok Mikhail Alekseevich – Graduate Student, Chair of the Modern Russian Literature, Saratov State University. E-mail: shele-nokmishka@rambler.ru

Silashina Maria Alexandrovna – Graduate Student, Chair of General Literary Criticism and Journalism, Saratov State University. E-mail: 90masha@mail.ru

Skaftymova Ludmila Alexandrovna – Doctor of Arts, Professor, Chair of the History of Russian Music, Saint-Petersburg State Conservatoire named after N. A. Rimsky-Korsakov. E-mail: Iskaft@mail.ru

Solovyeva Maria Mikhailovna – Graduate Student, Chair of General Literary Criticism and Journalism, Saratov State University. E-mail: markuz89@yandex.ru

Timashova Olga Vladimirovna – Candidate of Philology, Chair of the History of Russian Literature and Folklore, Saratov State University. E-mail: kirlif@info.sgu.ru

Trukhina Maria Viktorovna – Graduate Student, Chair of General Literary Criticism and Journalism, Saratov State University. E-mail: maruska-08@yandex.ru

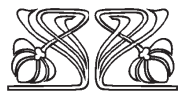
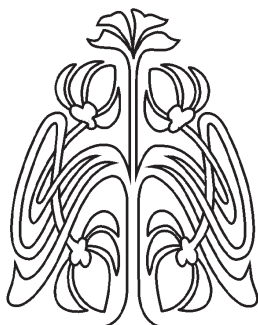
Tupikova Svetlana Evgenyevna – Candidate of Philology, Chair of the English Language and Methods of Teaching, Saratov State University. E-mail: tupikovase@mail.ru

Viktorova Elena Yuryevna – Candidate of Philology, Chair of English Philology, Saratov State University. E-mail: helena_v@inbox.ru

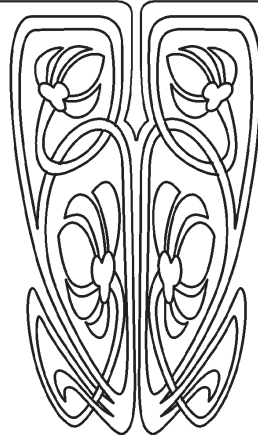
Volokonskaya Tatiana Alexandrovna – Graduate Student, Chair of General Literary Criticism and Journalism, Saratov State University. E-mail:svilga@yandex.ru

Zakharov Kirill Mikhailovich – Candidate of Philology, Chair of General Literary Criticism and Journalism, Saratov State University. E-mail: zahodite@list.ru.

Zavyalova Elena Evgenyevna – Doctor of Philology, Professor, Chair of Literature, Astrakhan State University. E-mail: zavyalovaelena@mail.ru

ПОДПИСКА

Подписка на I полугодие 2015 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36011,
раздел 15 «История. Филология».

Журнал выходит 4 раза в год.

Каталожная цена одного выпуска 350 руб.

Редакция журнала «Известия Саратовского университета».

Тел. (845-2) 52-26-85, 52-50-04; факс (845-2) 27-85-29.

E-mail: XXvek@info.sgu.ru